КНИЖНЫЙ ДОМ НА АМУРЕ

МАРИЯ АКСЕНОВА

МИФ

Книжный дом на Амуре
Мария Аксенова

Аннотация
Мария Аксенова. Книжный дом на Амуре
Информация от издательства
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
МИФ Проза
Над книгой работали

Аннотация

После смерти жены угрюмый Леонид Маркович теряет смысл жизни. Надеясь провести оставшиеся годы в тишине, он уезжает в уединенный дом в селе Сагибово Амурской области. Но вместо долгожданного покоя получает навязчивых соседей, забитые книжные шкафы и неугомонного кота.

Постепенно Леонид Маркович обживается на новом месте — и сам не замечает, как меняется. Возможно, именно там, где он меньше всего этого ждал, у него появится шанс снова почувствовать вкус к жизни.

Мария Аксенова
Книжный дом на Амуре

Информация от издательства

Аксенова, Мария
Книжный дом на Амуре / Мария Аксенова. — Москва: МИФ, 2026. — (Книга-маяк. МИФ).
ISBN 978-5-00281-066-6

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Аксенова М., 2026
© Оформление. ООО «МИФ», 2026

Людям, слабеющим в пути, но продолжающим идти, посвящается

Глава 1

— Не спи, деда Ёня! Не спи! Просыпайся, просыпайся!

Остро-дребезжащим звоном колокольчика маленький Тарас неистово сотрясал тягучую атмосферу в комнате, старательно распугивал дрему, боролся с хрупкими просветами тишины и покоя. Колокольчиком мог быть и он сам — прыткий, егозливый, нетерпеливый, звонкий.

Мальчонка хитрил и будто нарочно смолкал и замирал, выравнивая и сдерживая дыхание на то время, пока его дедушка потирал морщинистыми пальцами осоловелые глаза, борясь со сном и заковыристыми строчками детской сказки. Дед запинался, зевал, повторял потерянное предложение и продолжал монотонное чтение, пока

голова его, тяжелея и ослабевая, снова не падала на грудь. А Тарас, принимая последствия старости за забаву, в ту же секунду прерывал дедовы грезы, трезвоня до одури и еле сдерживая смех.

— Да что ж такое, вот же бесенок, — ворчал Леонид Маркович, пытаясь выхватить колокольчик ослабевшими ладонями из цепких детских ручонок. — Ну-ка, дай сюда! И никакой я тебе не Ёня! «Л»! Слышишь? Надо говорить букву «Л». Повторяй за мной, а то так и будешь ее проглатывать.

— Ёня! Ёня! Дед Ёня! — охваченный баловством, мальчик топотал короткими ножками и, дразня дедушку, бегал вокруг его кресла.

Кресло молча наблюдало за резвостью и сопротивлением. Половицы поскрипывали, насмехались, подгоняли, подбадривали ребенка.

— Где ты эту штуку достал? — Не сдаваясь, Леонид Маркович поворачивался то влево, то вправо в попытках ухватить звенящий золотой бутон на длинной фигурной ножке.

— Мама с работы принесла, — заикаясь от смеха, визжал Тарас. — У нее в отеле такими слуг вызывают.

Точно от зубной боли, лицо Леонида Марковича искривлялось всякий раз, когда ситуация намекала на предстоящие подвижные игры. Его

и от чтения детской книжки тянуло в дремоту, а озорство внука и вовсе выматывало, отбирало последние силы. Ворочаясь в своем пышном и мягком кресле, узорчатые подлокотники которого давно протерлись и потемнели, Леонид Маркович походил на беззащитного птенца, пересидевшего в гнезде, — такого же сморщенного, неуклюжего, хоть и великоватого для сравнения. Его телодвижения и возгласы были нескладными, резкими и напоминали неожиданные всполохи, хотя по природе своей оставались бесполезными и малоспасительными. Малоспасительной была для него сама жизнь, покуда вместо попыток подняться и начать движение он лишь сердито разевал большой морщинистый рот, выкрикивая обиды и замечания. Хотя сам себе в этой борьбе представлялся важным и солидным.

Вся шутка старости в том, что, как только ты поворачиваешься к ней лицом, пусть даже не с распростертыми объятиями, она укутывает тебя так уверенно и туго, будто спеленывает младенца. После выхода на пенсию и смерти жены Леониду Марковичу показалось, что пора движения вперед в его жизни прошла. Он будто остановился, и то неизбежное, что следовало за ним и оставалось на шаг позади, вдруг ухватилось за его поникшие,

усталые плечи. Он не следил за питанием, бросил прогулки по набережной, не отвечал на звонки друзей, и их вкрадчивые, осторожные попытки проявить внимание и участие иссякли, сошли на нет. Жизнь Леонида Марковича не превратилась в бесконечное унылое и одинокое сидение на месте — в том самом кресле, в котором его жена, ставшая ныне воспоминанием, вязала безразмерные кардиганы, шали в цветочный узор и яркие детские варежки, соединенные меж собой метровой нитью — косичкой, оберегающей вязаную пару от разлуки. Варежки от разлуки спасти проще простого: незатейливая хитрость — и косичка, затянутая на петле-вешалке, их удержит, сбережет, покуда не наступит срок и календарь не шепнет радостное: «Быть весне…» Вот только великовозрастным супругам от судьбоносной разлуки не подсобит спастись ни один шерстяной клубок.

Леонид Маркович поддался горю, опустил руки, воспротивился жизни только потому, что не мог принять неизбежное. Старость обвилась вокруг его ноющих суставов, заключила его в свою колыбель, будто кукольного новорожденного. Теперь он не только ничего не хотел, но и не мог.

— Не догонишь, не догонишь!

Тарас усердно тряс колокольчиком, пока не выронил его. Надоедливый инструмент выскользнул из рук, отлетел в сторону шкафа, ударился о препятствие, в последний раз звякнул, будто разбившийся хрусталь, и замолк.

Леонид Маркович хотел было поблагодарить случайность за наступление тишины, мысленно выдохнув хрипящее: «Слава тебе господи», но не успел. Раздался заливистый пересвист дверного звонка.

— Час от часу не легче. И чего звонить-трезвонить до одури, ключи же имеются, — заворчал он, впихивая ноги в тапочки, не без усилия приподнимаясь и отправляясь открывать дверь.

— Деда, а это кто на фотографии? — Мигом обшарив пол вокруг кресла, под журнальным столиком и нижнюю полку серванта, на которой пылились статуэтки, Тарас отвлекся на черно-белую фотокарточку, уголком вставленную в заглушку стеклянной дверцы. — Это бабушка — я знаю. А кто этот дядька рядом с ней? Похож на тебя, только не такой старый…

— Поставь на место, — рыкнул Леонид Маркович, застыв вполоборота и проводив взглядом неосторожные и торопливые движения детских рук. — Не хватало еще разбить там чего-нибудь.

Знаю я вас…

— Мама! Мама! — Тарас запрыгал на месте, позабыв обо всем на свете: и о фотографии, и о колокольчике, и о недочитанной сказке. Беспечность и бесстрашие перед обстоятельствами и преградами — самые прекрасные качества детства. Понять эту жизнь человек еще не пытается, впрочем, разочаровываться и затаивать на нее обиды тоже не успевает.

Тарас небрежно пихнул ладошкой тонкую стеклянную дверцу, заперев маленький хрустально-фарфоровый мирок, и побежал встречать мать. Стекло взвыло, завибрировало от удара и застыло на полутоне, повиснув в воздухе запятой из нижней ля-бемоль.

— Господи, опять в темноте сидите. Окна закупорили, духота какая, — вредные замечания невестки посыпались, как ожидаемые градины из тучного пепельно-синего облака, назревшего к дождю после долгого зноя.

— Здравствуй, Алла, — буркнул Леонид Маркович себе под ноги и, нахмурившись сильнее, побрел обратно. — Забыл к твоему приезду алые дорожки постелить, — ядовито прохрипел он перед собой, будто грубость, сказанная не в лицо, штрафным не засчитывается.

Алла уверенно прошла в комнату, щелкнула выключателем, укоризненно покачала головой, заметив поникшие и высохшие листья бегоний и цикламенов. Прошла дальше — открыла балконную дверь и поставила кухонное окно на микропроветривание. Бездушные стены квартиры тут же ожили: освещаемые тусклым желтым огнем книжные полки, портрет на стене, тонконогий торшер с велюровым абажуром, фарфоровые статуэтки танцовщиц и гармониста в шкафу со стеклянными дверцами и тучный кривоногий комод, на безразмерной вязаной салфетке которого стоял маленький телевизор, — все будто смахнуло пыль с просевших, но еще надежных плеч, позевывая, развернулось лицом к домочадцам и гостям, приятно улыбнулось и отвесило плавный поклон. Поблагодарило, незамедлительно одаривая уютом и теплом. Игривый ветерок проскользнул в комнату, и в ней на мгновение стало легче, просторнее, радостнее, будто сама жизнь впорхнула хрупким мотыльком и аккуратно дотронулась до каждого.

— Тарас, переодевайся, едем домой, — скомандовала Алла, точно заправский физрук гаркнул на непослушного ученика.

«Ей бы свисток, — подумал Леонид Маркович,

еле заметно улыбнувшись, — горгона Медуза во плоти».

Он отмахивался от мысли, что виной перевоплощения Аллы в образец строгости и неприветливости стала атмосфера мрака и сопротивления жизни, наступившая по вине хозяина и окончательно затянувшая эти стены в болото ссор.

— Леонид Маркович, вы документы не искали еще? Опять, наверное, забыли?

Алла окинула старика недовольным и нетерпеливым взглядом. Ее идеальная осанка, длинная шея и острые плечи добавляли какой-то воспитательской строгости образу. Гордо держа голову по линии, плотно сжимая губы, направляя взгляд и не сопровождая его излишними движениями, она была точно одна из тех фарфоровых куколок с хрупкой полки, и неважно, в сковывающих пуантах на узкой ножке или в строгих туфлях на низком каблуке, — она знала, каким должен быть следующий шаг, и не терпела ошибок.

На самом деле, Алла была из тех женщин, которые предпочитают красить волосы в иссиня-траурный и подводить веки черным карандашом. Но голос ее был мягче и глубже, чем ожидаешь, плотнее и бархатистее, непреодолимо облачая всю ее в образец строгости и правильности.

Леонид Маркович нерасторопно вернулся в кресло, поерзал в нем, принимая удобную позу, и невозмутимо щелкнул кнопку на пульте телевизора. Голос диктора зазвучал поверх жутких картин и видео инцидентов краж и разбоя, произошедших в соседних районах. Переключение каналов напоминало русскую рулетку, где играют «шесть из шести» и не остается шансов: боевик, сводка о пропаже детей за последний год; телешоу, которое напоминало зал плача, где публика, объединившись с командой то ли магов, то ли экстрасенсов, обсуждала дело об исчезновении молодых ученых где-то в горах. Мир казался опасным и ненадежным, никому нельзя было доверять.

— Нет, не искал, — помедлив, пробурчал он, не отрывая тяжелого взгляда от экрана. — Завтра поищу.

— Завтра, завтра… Сколько ж можно обещаниями кормить-то! — выругала его Алла. — Риелтор уже два раза нас в расписании переносил. Ради вас же беспокойство. Вы думаете, у меня дел больше нет, ходить уговаривать каждого…

Она хотела вдобавок укорить его за цветы, которые напоминала полить еще в прошлый свой визит, но вовремя остановилась, заметив

в маленьком круглом зеркале свое отражение: шея покрылась красными пятнами — то ли от духоты в квартире, то ли от напряжения. Алла решила, что их разговоры с завидной регулярностью стали устремляться в тупик уже с первых фраз. Она взялась помочь сыну завязать шнурки, но с трудом сдерживала гнев и потому нервно дергала яркие завязки, отчего Тарас чуть не валился с ног.

— Я сам. Я сам! — запротестовал мальчик, вырывая из рук матери шнурок и наматывая из него немыслимый узел.

В руках пятилетнего ребенка неумелый моток превращался в достижение, а его мать, ослепленная собственными эмоциями и упертостью Леонида Марковича, уже ничего не замечала. Она встала с колен, громко выдохнула стресс, пытаясь вернуться к мирному настрою, который решительно подготавливала, еще стоя за порогом, отряхнула замявшийся подол блузки и начала заново:

— Леонид Маркович, ну вы поймите, — она старательно окрашивала тон своего голоса в теплые краски, будто их встреча перемоталась на начало разговора. — В одиночку в большой квартире вы не справитесь. Да и тоскливо тут стало. Чем боль-

ше пространства, тем ощутимее одиночество. Ну ведь уже решили, договорились… Продадим квартиру, купим вам студию к нам поближе.

— Вот же придумали названия, — резкий смешок вырвался кашлем из горла Леонида Марковича. — Что ни чулан, то студия. — Он театрально развел морщинистыми ладонями, опирая локти на высокие подлокотники кресла.

— Дедушка Ёня, ты что, будешь, как Буратино, жить в чулане? — широко распахнув глаза, с неподдельным любопытством спросил Тарас, закрутив второй шнурок в узел, напоминающий капустную завязь.

Мать поспешно одернула мальчика за руку и, приложив указательный палец к губам, показала ему строгое «ш-ш-ш». Тарас широко улыбнулся, но смолк.

— Так, ладно, — выпалила Алла. — Мы поехали. На выходных дела — не ждите. В понедельник дойдете до детского сада, Тараса заберете, хорошо? Я на работе задержусь немного. Леонид Маркович, и документы! Документы — риелтор ждет…

Привыкшая к немногословности и брюзжанию хозяина квартиры, она знала, что последнее слово, как всегда, за ней. Алла взглянула на часы.

Нервно перебирая в кармане связку ключей и брелок от машины, она помедлила. Леонид Маркович не торопился выйти к ним в прихожую. Проводы гостей — бессмысленная трата сил, думал он, пусть даже эти гости — его близкие.

— Ладно, на выходных все сделаю, — наконец сообщил он, заверив свое согласие еле уловимым кивком. — Поедом меня одолела своим: квартиру, квартиру… — почти неслышно пробормотал он куда-то в светящуюся пустоту между собой и экраном телевизора.

Родные покинули его прихожую, его квартиру, его безмолвную и на посторонний взгляд пустую, но для него наполненную воспоминаниями обитель. Леонид Маркович осторожно встал, заковылял в прихожую и запер дверь на три оборота ключа. Отправился на кухню, где плотно закрыл окно, и вернулся в комнату, захлопнул балконную дверь, задернул шторы и выключил свет. В его маленьком мире вновь воцарились темень и беззвучие. Ни один детский голосок или гул автомобиля больше не тревожил его квартиру сквозь открытые окна. Ни один ласковый порыв летнего ветерка не оживлял перетруженное сердце. Ни один солнечный луч не мог ворваться в его убежище. Только экран телевизора продолжал

слабо освещать комнату и бросать бессмысленные фразы, которые Леонид Маркович больше не слушал, погружаясь в раздумья. А раздумья эти были темнее беспросветности в погасшей квартире, тяжелее ее мрачного воздуха и горше собственных вредных фраз.

После смерти жены — его прекрасной и родной Зои — он решил, что запереться от мира будет справедливо. Ее не стало, и жизнь будто постепенно угасала вокруг: как гаснут с рассветом уличные фонари; как жужжит и перегорает подъездная лампочка; как, наконец, погибают дрожащие огоньки на фитилях догоревших вечерних свечей, невольно проливая капли воска на кухонный стол через края переполнившихся подсвечников. Без нее погасло все. А остатки, даже тонко уловимые светлые лучики надежды, Леонид Маркович ежедневно гасил собственноручно, потому что глубоко в душе не мог допустить, что она больше не радуется жизни, ее голос и смех не звучат в квартире, а он несправедливо продолжает жить.

«Какой смысл продолжать путь, если больше некого держать за руку? Не за кого держаться и не кем быть одержимым?» — размышлял Леонид Маркович. Ежедневные заплывы в собственные

горькие размышления убедили его в том, что он теперь совершенно никому не нужен: жена умерла; после выхода на пенсию бывшие коллеги даже не вспомнили о его дне рождения; сын постоянно был занят на работе и не находил ни дня, чтобы навестить отца, а беседы невестки сводились лишь к неприятным разговорам о продаже квартиры. Несправедливо не стало их с Зоей некогда теплого и уютного гнезда, оказавшегося нынче бессмысленным сплетением соломинок и веток, задетого ладонью судьбы, как если бы человек прикоснулся к птичьему дому, обрекая тем самым его пернатых жителей на гибель.

Смысла больше не было ни в чем, и он просто хотел, чтобы его оставили в покое, а сама старость наконец пересчитала отмеренную ему вереницу дней и выдала билеты в последний ряд, ближе к выходу.

Леонид Маркович снова поднялся. Кресло под ним удивленно скрипнуло, будто сверчок протянул ноту к ре-диез верхней октавы. Он подошел к окошку, чуть раздвинул коричневые занавески и выглянул из воображаемого укрытия. Двор, будто начищенная медная монета, отражал и рассеивал солнечный свет, отправляя его обратно в просеянную небесную синь. Жизнь закручивалась

и спешила освежающими струйками ветерка между ветками и пыльными листьями дворового карагача; застревала под шуршащими шинами и выпрыгивала из резкого сигнала велосипедного звонка, когда оголтелые подростки врывались и проносились по тротуару, будто пираты на двухколесных кораблях; приостанавливалась и замирала на миг, поглаживая теплыми ладонями щечки спящих в колясках малышей и поправляя растрепавшиеся прядки волос их замученных бессонницей и тревогой матерей; бежала вслед за машинами; бросала лучистую улыбку на бредущую от магазина пожилую пару, которая, держась за руки, радовалась благородному уважению во взглядах окружающих и этому кроткому и хрупкому мигу, — жизнь звучала отовсюду! Ее звонкий оркестр струился, набирал мощь, акцентировал литаврами и звонкими трубами каждого прохожего, будто особенного героя посреди многослойной пьесы, оповещал, что финал неизвестен, а потому не наступит никогда…

И только для Леонида Марковича все давно было ясно и обычно. Взгляд его задержался на автобусной остановке. Он знал, что Алла и Тарас давно уехали, причем не на автобусе, а на собственном авто, но каждый раз задумчиво

осматривал изрисованную граффити беседку и грязную, местами подпаленную лавку внутри нее. Как только подъехавший автобус проглотил очередную порцию пассажиров и умчался, с козырька беседки слетелись голодные пичуги и окружили мусорный бак. Мальчик лет пяти, напомнивший Леониду Марковичу внука, подскочил к птичьей стайке, азартно загребая ручонками пылинки, кружащиеся в воздухе. Он попытался поймать птиц, но неуклюже и смешно растянулся на земле. Женщина — вероятно, его мама, — всплеснув руками, поспешила поднять мальчонку и, отряхивая его колени, долго отчитывала сына за неряшливость и неуклюжесть.

Леонид Маркович вспомнил детство…

Они с матерью так же стояли на этой остановке, когда, нагостившись за чаем у бабушки, возвращались домой. Тогда он мечтал, чтобы автобус сбился с маршрута, застрял в липких суглинках придорожных обочин или сломался где-нибудь на середине пути и никогда не приезжал. Только зимой, когда варежки уже не спасали заледеневшие пальцы, а вьюга злилась так сильно, что с размаху залетала за воротник и выворачивала околевшую душу наизнанку, — только тогда он мысленно, совсем тихонечко просил

автобус поторопиться. В остальное время маленький Леонид знал, что дома их с матерью ждет пьяный отец, и жизнь была схожа с полем боя. Выиграть и взять перемирие не получится; по правилам, установленным главой семейства, нужно просчитывать события наперед и обдумывать слова и шаги, чтобы ненароком не подпалить фитиль и не затронуть механизм, приводящий в действие опасную игру. Хорошо бы в такие минуты становиться мебелью, или пылью на верхних полках шкафов, куда никто никогда не заглядывает, или картиной, что висит в прихожей и давно не привлекает ничьих взглядов, разве что только тусклый желтый луч настенного светильника обреченно падает и цепляется за ее края. Хотя и мебели порой доставалось не меньше: от разбитого зеркала остались только криво вбитый гвоздь да пятно в форме вытянутого овала на выцветших обоях; тонкая шея настольной лампы была перемотана внушительным слоем изоленты, но такая починка вовсе не шла ей на пользу — ее бумажный абажур все равно клонился набок; сколотую ручку фарфоровой вазы повернули к стене, чтобы не привлекать внимания к трещине и полученному изъяну, но домочадцы все равно знали ее секрет; да и потихоньку исчеза-

ющие подаренные бабушкой хрустальные блюда и расписные тарелки опасливо выглядывали из серванта далеко не в ожидании праздника.

Чуть повзрослев, Леонид сбегал к бабушке. Убегал из дома в разгар пылающих родительских ссор; убегал после школы, не заглянув домой; убегал днем или посреди ночи. Тогда в дом бабушки, где его ждали уют, тишина и безопасность, он шел пешком, минуя автобусные остановки. Мерз, торопился, ниже опускал голову, стыдясь душивших его слез. Он опасался, что однажды бабушки не станет и приют добра, света и любви, созданный ею для внука, исчезнет.

Бабушки не стало так же внезапно, как и его детства. Единственный луч надежды и радости померк, но голос внутри упрямо твердил, что сдаваться неправильно. Он остался жить в ее квартире, пообещав себе, что решится однажды и избавит мать от ее единственной вредной привычки — зависимости в отношениях с тираном…

Дверной звонок напоминал дребезжание эмалированных крышек на опустевших кастрюлях, которые повариха везет на тележке по длинному коридору детского сада после раздачи каши по группам, — ничего более раздражающего в этой

тихой квартире и придумать нельзя было.

— Кто там? — вырванный из воспоминаний, возмущенным тоном выкрикнул Леонид Маркович, нарочито неторопливо направляясь к двери. — Кто там? Кто?..

Он посмотрел в глазок, сощурив второй глаз так, что верхняя губа его, обнажив вставные зубы, уехала вслед за собравшимися тугими морщинками в уголках глаза. Опасливо открыв дверь, Леонид Маркович вздрогнул от неожиданности, как только тишину разорвал сильный юношеский голос:

— Здравствуйте. У нашей компании для вас уникальное предложение: мы — лучший интернет-провайдер, и в этом месяце подключение со скидками до семидесяти процентов! Подберем подходящий для вас тариф вместе? Желаете оформить подключение со скидкой?

Паренек в ярко-красной кепке и с театральной улыбкой от уха до уха протараторил заученный текст, демонстрируя веер из ярких листовок. Держался он до идеальности ровно, расправив плечи и подняв подбородок, чеканил с задором и воодушевлением, будто участвовал в отрепетированной для утренника сценке.

— Чего? — рыкнул Леонид Маркович, недруже-

любно и непонимающе оглядывая парня с ног до головы, и, опомнившись, добавил: — Убирайся вон, аферист проклятый!

Не желая больше слушать рекламщика, он тут же захлопнул дверь и еще минуту разглядывал ошарашенного и удивленного парня в дверной глазок, а когда тот ушел, снова запер ее на три оборота ключа.

Леонид Маркович вернулся в комнату и собирался снова усесться в любимое кресло. Из квартиры соседей снизу донесся гул, отдаленно напоминавший смесь пения, рычания и перегуда дорожной техники, который ударялся в пространство грязными басами, покрытыми пеленой шипения не вытягивающих давления колонок. Музыка, которая, по мнению Леонида Марковича, и музыкой-то не была, заглушала даже звуки его телевизора. Он скривился, осуждающе цокнул и, покачав головой, схватил заранее заготовленный и лежащий на окне черпак. Настойчивые технично удары по батарее в который раз напомнили соседям, что они портят жизнь окружающим в лице одинокого, чествующего покой и тишину старика. Динамики снизили громкость до приемлемого уровня децибелов, а Леонид Маркович отправил стальной черпак обратно на окно,

немного помедлил в ожидании и раздумьях и направился в соседнюю комнату к телефону.

Он снял затертую трубку, оттянул в сторону перекручивающийся закольцованный провод, вытащил визитку из-под ножки округлого корпуса и набрал указанные цифры.

— Сектор «Приз» на барабане! — яростно прокричал ведущий телешоу, будто не для его участников, а для самого Леонида Марковича.

— Надо было выключить, перед тем как звонить, — укорил себя он, но тут же осекся и изменился в голосе, потому что гудки вдруг вытеснились внимающей тишиной поднятой телефонной трубки. — Алло, Петр? Петр Семеныч?

Где-то на другом конце провода раздался положительный ответ и чересчур вежливое приветствие, по интонации граничащее с похвалой.

— Это Леонид Маркович. Узнал? Хорошо-хорошо. Согласен я на твою сделку. Раз продать не получается, давай обмен.

Леонид Маркович давно обдумывал предложение Петра и разные варианты и не ожидал, что разговор вдруг выльется в его положительный ответ. Будто пора было сделать выбор, потому что беседа затянулась до невежливой паузы, и ему пришлось выхватить первое попавшееся на пути

решение. Бинго! Маятник запущен. Назад никто уже не отступит, потому что приличные люди обычно хорошо взвешивают и обдумывают, а что решат, то верно в любом случае и подкреплено весом их глубокомысленных умозаключений.

Обрадованный новостью Петр обещал, что подписи будут заверены сегодня к восьми, а уже завтра утром Леонид Маркович сможет со спокойной душой отправляться в новый дом.

Леонид Маркович и сам давно мечтал продать квартиру и перебраться поближе к сыну и внуку, вот только когда эта идея прозвучала из уст невестки, он запротестовал. А когда план о переезде дополнился деталями и перетек в обмен на студию, Леонид Маркович и вовсе погряз в недоверии.

Зато бывший одноклассник его сына Петр подвернулся на пути вовремя. Обещал помочь с продажей старой квартиры и выбором новой, расписывал сказочное житье-бытье и рекламировал особенно подходящие из своих проектных буклетов, где пожилые люди наслаждались жизнью в сказочных ЖК, с охраняемой территорией, окруженной высокими заборами. Старики вдыхали медовые ароматы бархатцев, украшающих клумбы, и сладковато-ореховые запахи

амарантов, обрамляющих тонкие дорожки, будто искрящиеся фейерверки среди ровного газона. Буклетные пенсионеры любовались и не могли нарадоваться на резвящихся ребятишек на детской площадке, смотря в их сторону с лучистыми улыбками. Правда, покупатель все не находился, и тогда Петр предложил отличное и выгодное решение — обмен. Ближе к детям в таком случае, конечно, не поселишься, зато можно забирать внука на каникулы. Да и соседи не потревожат. Вообще никто не потревожит — тихо, спокойно, как и хотелось Леониду Марковичу. Лучший вариант.

В подробности он не углублялся — Петру доверял с каждой встречей и каждой беседой все больше. Хороший все-таки человек. Помогать вызвался, искал, перебирал варианты. Да так активно, рьяно! В конце концов заверил, что хозяйка дома когда-то жила в Италии и страстно полюбила всю эту красочную пышность, вот почему дом ее пропитан духом этой страны, сказочно красив и очарователен. Настоящий островок вкуса и изящества — чего еще желать в старости. А вокруг маленькое селение, где и людей-то почти нет, — тишь да гладь, божья благодать.

— Сядете в кресло-качалку на террасе, будете попивать крепкий чай и под пение птиц читать газету. Сказка же, дядь Лёнь, — расписывал Петр при встрече, размахивая рукой, будто указывая цветущую дорогу вперед.

Рано утром довольный свершившейся сделкой Петр ждал Леонида Марковича у подъезда. Он собственноручно, будучи человеком не только слова, но и доброго воспитания, помог ему — заказал билет, отвез на вокзал и посадил на поезд. Леонид Маркович не привык тушеваться и отступать и поэтому не решился возражать, к тому же самая сложная часть его переезда была подготовлена за него. Накануне вечером он собрал пару чемоданов, взял документы, скопленные деньги и фотокарточку из стеклянного шкафа. Утром начистил до блеска старые туфли, на коже которых местами пролегли трещинки и заломы. Надел парадный костюм. Позавтракал бутербродами, оставшимися после ужина, на скорую руку нарезал однообразный перекус в дорогу и отправился навстречу спокойной старости.

Смотря в окно отбывающего поезда, он наблюдал, как счастливый Петр машет ему рукой, вероятно желая показать, как сильно рад за него; как медленно уплывает привокзальная площадь,

оставаясь далеко позади; как поезд набирает и уравнивает скорость, вымеряя ее проносящимися деревьями, полями, озерами. Казалось, все случилось так стремительно, что Леонид Маркович даже не успел опомниться, и в его памяти застыл лишь момент, когда он еще только набирал номер Петра и слышал первые монотонные гудки в трубке.

Удивительно, как к старости мы становимся доверчивы к хватким и ловким на слово посторонним. Отвернуться не успеваешь, а этот самый посторонний уже заботливо держит тебя под локоть, перебирая в руках увесистую и бренчащую связку ключей, которые из его фальшивых уст именуются ответами и условиями — благостными для тебя. И он непременно знает, как надо поступать. И улыбка, сопровождающая безупречно струящуюся речь, широкие, наполненные радостным участием жесты, уверенно-добрые взгляды — все кажется заверением, печатью и побуждением к твоему согласию на любые проговоренные условия. Ты будто становишься ребенком, которого ведут за руку. Но протянутая тебе ладонь не всегда означает, что лучший исход в этой композиции великолепия чувств и театральных поклонов предназначался для тебя. А

когда спектакль закончится, главного участника вежливо, терпеливо и с легким упреком попросят удалиться.

Глава 2

«Немного за городом» оказалось не совсем верной формулировкой. Хотя, быть может, таковы проделки старости: бессилие и желание поскорее добраться до мягкого кресла, оказаться подальше от людей, их суеты и шума. Укачивающие движения поезда немного успокаивали нахлынувшее волнение, но снующие туда-сюда пассажиры снова разбивали мысленный защитный купол.

Трехчасовая поездка на поезде вылилась в недолгую тряску в душном автобусе, а потом в завершающую прогулку по абсолютно новым, цветущим и зеленеющим, каким-то диким просторным местам. Пройти нужно было совсем немного, если верить распечатанному и дорисованному Петром маршруту. Улица вела по прямой, сворачивала и огибала зеленые островки посреди песчаного и пыльного полотна, виляла неровной дорожкой, путалась в заросших травой

полянах, расстилалась ковром из одуванчиков между двумя скромными рядами домов и снова уходила куда-то прямо, утыкаясь в заросли бесконечных деревьев, кустарников и трав…

* * *

— Ну и дыра, — присвистнув, заметил помощник Петра.

Не снимая обуви, они вдвоем прохаживались по квартире Леонида Марковича, изучая каждый сантиметр.

— Нормальная квартира, — бросил ему Петр, щелкая кнопку медной настольной лампы с узорами-завитками и бархатным потертым абажуром. — Планировка шикарная. Четыре просторные комнаты, считай, задаром. Легкий ремонт — и жилье станет золотым. — Он оглядел полки со статуэтками и добавил еле слышно: — А весь этот хлам порадует местную антикварную лавку.

— За сколько взял? — спросил коллега, расшторивая широкие окна.

— Обменял на бабкин дом. Все равно покупателей на него найти не мог. А бабка давно в город перебралась… Дом-то неплохой, коттедж… Уход только нужен. Но в эту глухомань никто ехать

не хочет.

— Ну ты хват, — качая головой, похвалил коллега. — А где дом-то?

— В Сагибово, — с презрением фыркнул Петр. — Местные власти обещали возродить, вложиться в село, развивать, а потом все накрылось… Зря только землю выкупали и дом строили. Планы у меня кое-какие были. — Будто не коллеге, а себе он совсем тихо добавил: — Хотел бизнес кое-какой там замутить, но не вышло…

Коллега покачал головой, восхищенный ситуацией и хитростью Петра. Он поглядывал на него и снова шарил глазами по уставшему, но уютному интерьеру.

— Ловко же у тебя это выходит. Я даже завидую немного. Хорошо, когда язык подвешен. И идут же к тебе эти старички и старушки, ну ты глянь!

Петр делал вид, что не замечает зависти. Сияющий и воодушевленный, он оставлял в планшете скорые заметки, которые должны были превратиться в план ремонта и преображения квартиры. Мысленно распоряжался каждой фигуристой табуреткой и лакированной тумбой, каждой старой книгой на полке и ажурной салфеткой под вазами. Оценивал добро, выпирающее из тугих боков платяных шкафов. Расставлял по правилам

моды и дизайна кривоногие столики, диваны и большое кресло, возглавляющее мебель зала. Хотя нет, от кресла, пожалуй, пора избавиться.

— Замок смени, — скомандовал он помощнику, проверяя розетки и выключатели.

Коллега кивнул и отправился в прихожую.

* * *

— Ну и дыра, — прохрипел Леонид Маркович, стоя за забором и не решаясь войти. — Неужто в Италии такое уныние.

Пока длилась его неторопливая прогулка по тропе, ведущей к новому дому, с остановками, чтобы осмотреться и еще раз изучить карту, он немного пришел в себя. На свежем воздухе прилив сил чувствовался особенно хорошо. Да и аппетит разыгрался, хотя Леонид Маркович давно не замечал за собой ничего подобного: ел он мало, радости от еды не испытывал и довольствовался скромным и однообразным меню. Это почти всегда были полуфабрикаты и быстрые обеды для микроволновки.

— Вы чего? Заблудились? В гости к кому-то приехали?

Высокий плечистый парень неожиданно окликнул Леонида Марковича, напугав его. Го-

лубоглазый, с зачесанными ежиком русыми волосами. С одной стороны, он страшил своим чересчур спортивным телосложением, а с другой — казался добрым и немного смешным из-за торчащих ушей.

— Сам ты заблудился. Домой я приехал. Городскую квартиру на дом этот обменял. — Леонид Маркович схватился за чемоданы и поскорее перепрыгнул деревянный порожек, пихнув беззащитную калитку. Та, будто зевнув, скрипнула и поползла обратно.

— А, так вы новый жилец? — радостно пробасил парень. — Ну и отлично. Хоть дом в порядок приведете, а то столько простаивает зря, травой вон весь двор порос. Мрак, одним словом. Да вы не переживайте, обращайтесь, если что нужно будет. Село у нас маленькое, зато дружное. Завсегда поможем.

Парень, нависая над калиткой, протянул Леониду Марковичу ладонь.

— Гера, — представился он. — Я тут местный доставщик.

— Кто? — уточнил Леонид Маркович, будто сощуриваясь от яркого света.

Помешкав и не протянув ему руки в ответ, он принялся отцеплять пестрые шарики репейника,

повисшие на его штанинах.

— Ну, доставщик. Магазинов у нас тут нет. Единственный киоск был — и тот хозяева не вытянули. В город добраться тоже проблемка. У меня в Сагибово у одного уазик на ходу. Я обхожу дома два раза в неделю, собираю списки, кому что понадобилось: продукты, лекарства, по мелочи тоже привожу — подрабатываю на доставке. Теперь и к вам заглядывать стану. Так как, вы говорите, вас зовут?

— Я не говорил, — буркнул Леонид Маркович, не желая знакомиться с назойливым прохожим.

Но Гера все с той же светлой улыбкой, будто и не задетый недовольным тоном, смотрел своими иссиня-прозрачными глазами, заставляя Леонида Марковича чувствовать неловкость за собственные недружелюбность и грубость.

— Леонид Маркович, — сдавшись, буркнул он в ответ, протягивая морщинистую ладонь. — А Гера — это что же, Геракл, что ли?

Он снова оглядел паренька с ног до головы — богатырская стать его внушала незатейливую мысль о подвигах и олимпийских свершениях. Парень же без тени обиды улыбнулся одним уголком рта и с прежней приветливой интонацией ответил:

— Нет, конечно. В школе так звали, вот и прижилось. Из-за фамилии — Геращенко. А так меня Федором звать. Ну, приятно познакомиться, дядя Лёня. Еще зайду к вам.

Гера махнул рукой и поспешил по тропинке, спускающейся к соседнему дому. Леонид Маркович хотел было возразить что-то на невежливо брошенное в его сторону «дядя Лёня», но от растерянности не успел: Гера пропал за пышными кустами колючего шиповника и переплетающимися ветвями ив.

Леонид Маркович рассеянно огляделся, будто осторожно приоткрыл дверь в неизведанное, опасаясь впустить мысль, что теперь он вдали от городского шума и беспокойства. Встретивший его дом выглядел мрачным и неухоженным, но широким и добротным, раскинувшим внушительные бока по обе стороны; полукруглое крыльцо его было обращено в сторону леса. Двор порос травой, кустарники и цветы иссохли и спутались, переплетясь в тусклый венок. Леонид Маркович оглядел одинокое устройство никем не любимого дома и почувствовал с ним необъяснимое родство и единение — то ли понимал это место, как себя, то ли… Ну нет, он и допустить не мог мысли, что придется потрудиться, вместо

того чтобы сидеть объятым полудремой в кресле-качалке.

Он запнулся о проржавевшее ведро и чуть не упал. Ведро загремело, покатилось в сторону и наполнило двор шумом, будто оповещая все вокруг, что пришло время воспрянуть и вернуться к жизни. Или хотя бы приветственно выглянуть и поклониться, на худой конец.

— Тьфу ты! Ржавая рухлядь! — выругался Леонид Маркович, проводив грохочущую утварь недовольным взглядом, и поднялся по каменным ступеням высокого крыльца.

Колонны, придерживающие резной козырек, были оплетены погибшими ветками вьющегося клематиса, теперь уже высушенного солнцем и напоминающего гирлянду из каменных звездочек.

Леонид Маркович снова поставил чемоданы и порылся в нагрудном кармане пиджака. Длинный медный ключ лежал в его ладони. Дом ждал, когда новый хозяин оповестит тишину комнат о своем прибытии.

Зачарованно оглядев массивную лепнину, Леонид Маркович провел рукой по объемным узорам, обрамляющим верхнюю часть двери, смахнул налипшую паутину, покрутил круглую

янтарную ручку и вставил ключ в замочную скважину.

Не успел он провернуть его, как за спиной послышалось надрывное и протяжное «мя-ау». Леонид Маркович вздрогнул и обернулся. Худощавый трехмастный кот в нетерпении ожидал приглашения, заискивающе дергая головой в попытках разглядеть путь в дом.

— Мя-ау, — нагло протянул кот еще раз, глядя на Леонида Марковича с явным осуждением за нерасторопность.

— Что за пакость, — возмутился тот и попытался прогнать пятнистого нахала. — Тебе чего здесь надо? Кыш! Брысь отсюда! Пошел, пошел!

Кот пригнулся, увернулся, спрыгнул с крыльца, но, как только Леонид Маркович открыл массивную входную дверь, пулей влетел в дом и затерялся в его коридорах.

Внутри дом выглядел даже просторнее, чем казался снаружи. Новый хозяин замешкался на пороге, осматривая покрытые мраком очертания длинных рядов книжных шкафов, закрученной лестницы и резной деревянной мебели. Ему неожиданно захотелось крикнуть что-нибудь в эту темную даль, чтобы услышать эхо в ответ, но он подавил безрассудный до неприличия порыв.

Леонид Маркович пошарил по стене в поисках выключателя, который почему-то оказался внизу — прямо под рукой, а не сверху — на уровне глаз, как он привык. Свет был включен. Кот мяукнул, уверенно проносясь куда-то мимо книжных шкафов, будто хорошо знал этот дом. А дом молча смотрел на Леонида Марковича, и оба словно не знали, что делать дальше и что сказать друг другу в эту негаданную для них минуту.

Наконец Леонид Маркович успокоился, решив, что сейчас ему нужно перекусить и прилечь отдохнуть. Хватит на сегодня приключений, он устал еще в поезде. Ему непременно нужны бутерброд и крепкий сон, а уж потом он решит, с чего начинать знакомство с новым местом.

Леонид Маркович осторожно зашагал на кухню, прислушиваясь к поскрипыванию половиц. Большой холл не имел перегородок и с одного бока плавно перетекал в просторную кухню, а с другого — в комнату с книжными шкафами и полками, упирающимися в самый потолок. Книг, как Леонид Маркович заметил сразу, здесь было на удивление невероятно много. Они отдыхали на полках, стояли ровными стопками в углах стен, покрывали тумбы и комоды неряшливыми кучками, на тахте или кресле виднелся

недочитанный томик с выглядывающей из него закладкой, на подоконнике под цветочным горшком возвышалась стройная пирамида из тяжелых справочников в твердых переплетах, на кухонном столе на широкой деревянной подставке, напоминающей мольберт, лежало три романа в мягких цветных обложках, каждый из которых был раскрыт примерно на середине.

— Этот дом что, принадлежал чокнутому библиотекарю? — растерянно заметил Леонид Маркович, закатывая глаза. — Надеюсь, это не заразно.

Он добыл кружку в одном из кухонных шкафчиков. В декоративном чайном домике, расписанном розами и больше похожем на скворечник, даже нашлось несколько пакетиков с бергамотом и черным цейлонским. Леонид Маркович вскипятил чайник и достал из чемодана пластиковый контейнер. Уставшие от жары бутерброды из золотистых тостов и тонко нарезанного сыра дождались своего часа.

Наглый питомец мяукнул и, спрыгнув откуда-то с верхних полок, приземлился на стул в тот момент, когда новый хозяин принялся за перекус. Кот театрально облизнулся, рассматривая, как Леонид Маркович усердно пережевывает размяк-

ший в закрытом контейнере хлеб.

Тот отмахнулся от кота и от мыслей о беготне за ним. Он очень устал и решил, что прогонит прыткое животное уже завтра. Однако устоять перед пристальным голодным взглядом все же не смог — кинул на пол начатый бутерброд. Кот спрыгнул и осторожно обнюхал пищу. Отсыревший хлеб он демонстративно отпихнул назад, а початый кусочек сыра, покрывшийся капельками масла и затвердевший с краев, принялся недоверчиво обнюхивать и облизывать.

Когда кот проглотил остатки сыра, Леонид Маркович дожевал второй бутерброд и хлебнул крепко заваренный кипяток. Кот снова мяукнул, и они с Леонидом Марковичем бросили друг на друга понимающие взгляды. Бутерброд в контейнере оставался всего один.

— Чтоб тебя разорвало, проглот уличный, — возмутился Леонид Маркович, но все же бросил коту последний кусочек сыра. — На, ешь. И чтобы завтра духу твоего здесь не было! Дожуешь — и проваливай.

Простенький ужин и странный, похожий на историю из книги день были завершены. Леонид Маркович, поддавшись бессилию, навалившемуся на его плечи, даже не стал разбирать свои

скромные чемоданы. Он пренебрег ванной и свежей постелью — лег прямо в большом зале на тахте, которая, вероятно, предназначалась для уютных посиделок с книгой и чашкой какао или для встречи гостей у жаркого камина, — и лишь достал из переднего кармана маленькую черно-белую фотокарточку.

— Если бы ты знала, как мне одиноко без тебя, — погладил он дрожащей рукой искрящееся улыбкой лицо супруги. — Всем от меня что-то нужно, а сам я не нужен никому.

Он вздохнул и поставил фотографию на столике у тахты, оперев крошечное изображение на стопку книг.

— Небось, нескоро хватятся. — Его потухший взгляд медленно касался замершего родного образа. — Пожалуйста, Зоя, подскажи, как мне привыкнуть жить без тебя. Как мне жить дальше…

Но Зоя молчала, продолжая лучиться счастьем и тускнеть, как и полагается фотокарточкам и ценным воспоминаниям.

Леонид Маркович улегся на спину, сложив руки в замок на высоком животе, и закрыл глаза.

В темноте он вспоминал уютные ужины с Зоей.

Они почти всегда были наполнены радостными разговорами о произошедшем за день. И даже если день был серым и неинтересным, она умела находить поводы и детали, замечала хрупкие события, от которых на душе становилось тепло.

Кухня наполнялась их беседами и такими вкусными ароматами. Кулинария, наверное, была ее талантом. Так искусно она готовила супы, дополняя их мягчайшим домашним хлебом с семенами льна и тыквы. А ее гарниры с отварным мясом или ежиками на пару, которые так сочетались с сочными овощными салатами или зеленым горошком, который был у нее в чести. А печеные яблоки с медом к холодному чаю — он бы ни за что в жизни не решился попробовать сморщенный, потемневший в духовке фрукт, но, доверяя ее легкой руке и избирательности в рецептах, полюбил необычные и полезные десерты.

Она и умерла-то за столом…

Леонид Маркович повернулся на бок, пытаясь прогнать горькие воспоминания. Ему все еще чудились ароматы запеченных свиных медальонов и томатного супа. Будто на минуту он вернулся в тот самый день, когда приемы пищи для него еще не превратились в скудные перекусы тостами с сыром, пересоленной и подгоревшей яични-

цей, быстрыми обедами для микроволновки, состоящими из треугольников пиццы, жареной картошки, лепешек с мясом, больше напоминающих жеваную бумагу, и пересушенных овощных смесей.

«Все мы однажды сгинем, как прочитанная и закрытая книга. Покроемся пылью и будем забыты», — подумал он, вспоминая представшую перед ним атмосферу дома, проникаясь подступающими к сердцу истинами и утопая в бездне, которая роднила его с этим местом.

Глава 3

Смелый и настойчивый стук в дверь, точно раскатистый гром, обрушился на беззащитного, еще спящего Леонида Марковича. Тот вздрогнул, открыл глаза и обвел взглядом комнату.

— Чего стучать, звонок же есть, — заворчал он, не сразу приходя в себя и понемногу вспоминая, где находится.

Он опустил ноги на пол и почувствовал неприятный холод — не было привычного ковра с густым согревающим ворсом. Да и сквозняк просочился сквозь приоткрытое окно и остудил дом, хотя, видимо, он и был причиной крепкого сна Леонида Марковича: этой ночью он впервые не мучился от бессонницы, не ворочался с боку на бок, не взбивал и не переворачивал подушку и не бегал в туалет.

Леонид Маркович решил все же сначала найти уборную в своем новом доме, а уж потом откры-

вать дверь. Да и чего скрывать, медленно шаркая ногами, неторопливо исследуя первый этаж и поднимаясь по лестнице на второй, он надеялся: незваные гости решат, что дома никого нет, и уберутся восвояси.

Туалет оказался в самом конце коридора на втором этаже — длинная узкая дверь посередине с наклеенной на ней фигуркой писающего мальчика с приспущенными штанишками.

— Италия как она есть, — проворчал Леонид Маркович, рассматривая объемную наклейку, и заторопился: больше не мог ждать — живот неприятно ныл еще с момента его пробуждения.

Когда он спускался обратно, незваный гость стучал уже в окно, приставляя ладони к грязному от дождевых потеков стеклу.

— Дядь Лёнь, вы чего не открываете? Я уж думал, случилось что, — с удивленной улыбкой, будто общаясь с ребенком, начал Гера, когда Леонид Маркович наконец распахнул дверь.

— И тебе доброе утро. Проходи, располагайся, чувствуй себя… как хочешь…

Леонид Маркович собирался сказать что-то другое — грубое и неприветливое, обычно подсказывающее окружающим, что общаться он не намерен, и возвещающее всему человечеству

оставить его в покое, но растерялся, и слова сами выпали из его рта. Быть может, здесь так принято, подумал Леонид Маркович, глядя, как смело Гера врывается в дом, расставляет принесенные им пластиковые корзины-ящики, прикрытые вафельными полотенцами, расхаживает по кухне, будто у себя дома.

— А у вас здесь в селе что, все такие? — Леонид Маркович медленно проследовал на кухню, настороженно наблюдая за перемещениями гостя.

— Какие?

Гера как ни в чем не бывало выкладывал огурцы и редис из корзины.

— Прыткие.

Леонид Маркович хотел сказать «наглые» или «надоедливые, как ошалелые июньские мухи», но, в который раз оглядев с ног до головы сельского богатыря, решил, что осторожность не помешает.

— Ну мы же не в городе, дядь Лёнь. Все друг друга знают, дружат, помогают, если вдруг что случится. У нас в Сагибово народу-то мизер, дворы по пальцам можно пересчитать. — Он кивнул в сторону принесенных даров. — Тут вот вам передали. Овощи и зеленый лук — это от соседки нашей, тети Томы. Все свежее, полезное. У нее од-

ной ранние огурцы, тепличные, аромат-то какой! Это вот картошка, прошлогодняя, поди, — баба Нюра передала. Через проулок и два дома от вас живет. И паста из чесночных стрелок — полезная штука, от всего помогает. Баба Нюра раньше у нас фельдшером работала, а теперь только лекарскими заготовками балуется. Так что вы к ней не ходите — она в случае чего только давление измерит да траву какую-нибудь выдаст. Варенье из крыжовника, мед и липовый чай — это от Ермолкиных, у них пасека небольшая. Колбаса вот домашняя от дядьки моего — Кузьмы Ильича. А это яблочки от Аленки — добрейшей души человек, — Гера не договорил, поднял над головой баночку с янтарным компотом, потряс, и оранжевые ранетки закружились в медовом водовороте. — Вы заглядывайте ко всем познакомиться, — продолжил он, опустив банку на стол. — Село у нас скромное, жителей мало, зато друг за дружку горой. Ну и так, пообщаться, поговорить на новые темы, интересно же народу.

— Спасибо, — безрадостно бросил Леонид Маркович, всем видом выказывая свою закрытость.

— А, и чуть не забыл. — Гера вынул из корзины пышный букет из петрушки, укропа и тонких перьев незрелого батуна, сгреб в сторону про-

сыпавшуюся из холщового мешочка сушеную фасоль и достал газетный кулек, лежащий на самом дне. — Вот, от мамы моей.

Леонид Маркович принял теплый сверток из протянутой руки Геры, точно там было что-то ценное и живое. Он развернул верхний газетный лист и сглотнул слюну.

— Пирожки? — голос его дрогнул.

— Ага. С луком и грибами. Матушка моя стряпает как бог. Вы в своих городских ресторанах отродясь такого не ели, — смеясь, шутливо похвалил Гера материнскую стряпню, пристально наблюдая за каждым движением трясущихся рук собеседника.

Леонид Маркович, не в силах воспротивиться накрывшему его чувству голода, вынул один еще горячий, румяный пирог, искусно завернутый в треугольный конвертик с плетеной косичкой посередине.

— Будто моя Зоя стряпала, — неожиданно для себя выпалил он, набивая рот мягким тестом с начинкой из жареных лисичек.

— Зоя — это жена ваша? — спросил Гера, выбирая пирожок позажаристее.

— Не твоего ума дело. И вообще я занят, — Леонид Маркович вдруг помрачнел. Его голос и

взгляд изменились — стали темнее и строже.

— Понял, — без обиды ответил Гера. — Зайду позже.

Он мигом засунул в рот половину пирожка и, пытаясь прожевать, принялся отряхивать упавшие на футболку крошки.

Леонид Маркович даже почувствовал долю уважения к парню. Со стороны можно было бы позавидовать, как легко он толкует с капризным дедушкой: не поддается на грубые выпады, отшучивается и с добром посмеивается над резкими фразами. Быть может, это опыт, ведь Гера почти ежедневно общается с пожилыми жителями села. А может, всему виной деревенская простота и широта души, которые не отнять и которые зарождаются в человеке с появлением на свет.

— Вы, кстати, список продуктов не забудьте составить. Крупы, масло, чай, хлеб, какой едите, рыбное и мясное, — напоследок заметил Гера и достал из кармана сложенный в четверть листок. — Тут примерные цены и магазины. Ну и мой прайс за доставку и закупку. Вы не пугайтесь, все демократично, по-соседски. Подработка у меня такая.

— Ладно.

Леонид Маркович впервые постарался отве-

тить помягче. Последние годы одиночества и отрешенности изменили его. Давно он не получал столько внимания и заботы к себе, и ему стало неловко за свою грубость. Он протянул руку, чтобы взять листок, но выронил его, напуганный резким появлением кота.

Питомец спрыгнул то ли с холодильника, то ли с верхней полки буфета, сопроводив приземление на пол громким бархатным «мур-мяу». Промчавшись между ног Геры и Леонида Марковича, кот мгновенно оказался на столешнице у корзинок.

— Ого! А ты здесь откуда?

Гера поднял листок, подошел и погладил кота, который замурлыкал от удовольствия, но от намеченной цели не отвлекся: обнюхал торчащий пучок зелени, а потом с аппетитом набросился на румяную выпечку.

— Пошел прочь!

Леонид Маркович поторопился прогнать животное, но Гера остановил его:

— Ну вы чего, дядь Лёнь? Он голодный, наверное. Надо покормить.

— Знаешь этого беспризорника? — Леонид Маркович кивнул в сторону кота, сощурив один глаз, отчего на лице его пролегло еще больше недобрых морщин.

— Да это ж питомец хозяйки дома, — начал Гера и тут же поправил себя: — Бывшей хозяйки.

— Она что же, кота вместе с домом бросила? — вознегодовал Леонид Маркович, постепенно осознавая, какая напасть ворвалась в его план о тихой и спокойной старости.

— Да ну вы что! Не могла она его бросить. Сам, наверное, сбежал. Не может сельский кот в город перекочевать — это ж как льва из джунглей в клетку пересадить.

— Львы в джунглях не живут, — сердито перебил Леонид Маркович. — Тоже мне зоолог.

— Ну это я так. — Гера почесал затылок. — Для примера сказал. В общем, он и раньше сбегал, когда она на лето в город перебиралась. Тоскует, видать, пушистик по родным местам, по воздуху дикому, по воле.

— И что мне с ним теперь делать? — Леонид Маркович развел руками. — Может, к себе возьмешь, раз вы знакомы?

— Да я бы рад. — Гера набрал полную грудь воздуха, будто отвечал на экзаменационный билет и от ответа сейчас зависела его судьба. — Но у меня своих полный двор — и коты, и собаки. Да и не пойдет он ко мне — тут его дом. Не силой же брать.

— Вот же напасть, — расстроенно бросил Леонид Маркович куда-то себе под ноги.

— Да вы не переживайте, дядь Лёнь, — успокаивал его Гера, а сам тем временем отламывал пирожки, бросая смачные половинки трущемуся о ноги коту. — Думаю, она пропажу уже обнаружила и вернется за ним. Руфина Григорьевна этого кота из Италии привезла, гордилась им, хвасталась даже, будто кот в селе — невидаль какая.

— Тьфу ты! — Леонид Маркович и слышать больше не хотел ничего об Италии и всем, что с ней связано. — Скорее бы уж забрала.

— Ну скорее не получится. Летом точно не ждите.

— Это еще почему?

— А вы не заметили, что ваш дом на лес смотрит, а окружен степью.

— Ну и что?

— Ковыльной степью. Когда ковыль зацветал, Руфина Григорьевна в город сбегала. Аллергия у нее. А у нас тут степь из нескольких видов — красота, конечно, невозможная, но период цветения долгий — с мая до самого августа. Еще и из-за погоды может сдвинуться. Короче, до сентября Руфина точно не сунется в Сагибово. С возрастом-

то все эти болезни тяжелее переносить. Душно ей тут стало.

Леонид Маркович попытался не подавать виду, но на лбу его пролегла настолько глубокая морщина, что сошла бы за одну из книжных полок на другом конце зала.

— И что мне с ним, до самой осени мучиться? — хмыкнул он.

— Ну почему мучиться? Подружились бы. Все же не в одиночестве прозябать.

— А чего, эту ковыль-траву не извести, что ли?

— Ну как же, сын ее приезжал, пытался скосить, я сам видел. Но ему, городскому, невдомек, что ковылю покосы только на пользу — он тогда и живее, и бодрее колосится. Я, конечно, не подсказал ему ничего. Не понравился он мне — было дело, понял я, что он гадкий человечишка…

— Гадкий, — задумчиво кивнул Леонид Маркович, теперь уже со знанием дела. — А ты сам-то чего ей не помог?

— Не смог. Аллергию пережить можно, а вот… — Он вздохнул. — У меня матушка отца после инсульта выходила, на ноги поставила — отваром ковыля его поила. А так бы и лежал параличом скованный. Правда, через три года все равно помер от повторного удара, но, кто знает,

может, та трава еще кому сгодится.

Гера бросил коту оставшиеся кусочки угощений, отряхнул руки и направился к выходу.

— Кота, кстати, Франческо зовут, — заметил он напоследок, подмигнув растерянному старичку, и вышел вон.

— Франческо, ну конечно. — Леонид Маркович закатил глаза, а потом бросил хриплое «брысь» и неуклюже махнул вафельным полотенцем, чтобы прогнать питомца.

Кот то ли фыркнул, то ли чихнул, одним ловким прыжком достиг столешницы и сиганул в приоткрытое окошко над раковиной.

Леонид Маркович направился к входной двери, чтобы по привычке запереть ее на три оборота ключа, но в новом доме дверь запиралась совершенно по-другому, и ключ не понадобился. Ощущая себя уже увереннее и по-хозяйски, он со знанием дела провернул медный язычок-защелку и одобрительно кивнул, сжав губы коромыслом, — такой замок точно убережет его от нежелательных посетителей.

Завтрак Леонида Марковича в это утро не требовал усилий и оттого даже принес ему легкую радость. Он полностью распахнул газетную обертку, освобождая пирожки, которые еще не

успели остыть, наполнил и включил чайник и, не дожидаясь, пока тот закипит, принялся уплетать румяную выпечку.

Перекусив, Леонид Маркович направился разобрать чемоданы. Выполнение даже легких дел давалось ему с трудом, особенно после приема пищи. Он чувствовал привычную тяжесть в животе и еще большую усталость в теле, относя их к симптомам старости и уговаривая себя привыкнуть, примириться с ними. Малейшие догадки о том, что это были последствия неправильного питания, он втаптывал в тугую почву собственных размышлений, закрывая на них глаза и проходя мимо. Старость — только она была виновата во всех его недугах и трудностях. И конечно, беспросветное одиночество — а родственники не в счет, они интересовались его житьем только в выгодных для себя моментах. И моменты эти на поверхности, ясны как божий день: квартира и редкие хождения за внуком в детский сад — больше ничего. Все же, кто бы что ни говорил, а старость делает тебя уязвимым во всем. Будь он в расцвете сил, в нем бы нуждались, о нем бы помнили, с его мнением считались бы.

Счет и старость — родственные состояния, именно состояния: старики подсчитывают каж-

дую мелочь и ведут строгий учет магазинным акциям и скидочным дням, знают, где подешевле; щедро отмеряют непрошеные советы и накопленные мудрости на чей-то счет; пересчитывают хорошие годы и события, которые были «в наше время», но померкли и не возвратятся даже бледным подобием; считают прожитые годы и навскидку отсчитывают себе столько, сколько, по их мнению, еще осталось. Леонид Маркович не считал ничего — он давно утратил смысл каждого дня и просто жил с мыслью, чтобы люди оставили его в покое, не трогали и не докучали и чтобы сама жизнь пронеслась, не растягивая свой остаток и избавив от мучений одинокого и несчастного существования.

Но сколько бы ни было ему еще отмерено дней, оставшиеся дела и заботы нужно было довести до конца. И когда скромные чемоданы были разобраны, зубная щетка оповестила ванную о своем переезде, овальный плетенный из лоскутов коврик, гревший полозья кресла-качалки, был перенесен с первого этажа на второй и постелен у кровати; колокольчик внука, который Леонид Маркович случайно обнаружил тогда на полу за шторой, и фотокарточка с Зоей заняли почетное место на прикроватной тумбочке, можно было

считать, что в истории с переездом прозвучала финальная нота. Громкая и неожиданная, как начало нового дня. Однако перед ней раздалась тоскливая, сбившаяся с лада и осиротевшая — из свадебной музыкальной открытки, которую Леонид Маркович непременно захватил на память. Открытка давно пожелтела, уголки ее распушились, а мелодия внутри больше не пела торжественную, праздничную фразу — только зависшая унылая одинокая нота бесконечно пищала какой-то немузыкальный слог «ти-и-и-и». Все эти обрывки памяти, не находя связи с настоящим, отправились на полку — пылиться, молчать и тускнеть, потому что финал, который они олицетворяли, теперь менялся.

Леонид Маркович уселся на кровать. Ее изголовье было похоже на переплетенные меж собой прутики металлических веток, на которых лежали продолговатые изящные листья. Комната казалась тесной, но уютной. Она напоминала Леониду Марковичу собственный мир — не тот, что создавали они вдвоем с Зоей, а тот, что он сам утвердил для себя после ее смерти. Мир был сжатым и тихим, в нем не осталось места для гостей, ярких праздников и громких разговоров, лишь перешептывания грустных воспоминаний

о ней и горечь — скорбный привкус пережитого, данного судьбой.

Леонид Маркович поднялся, кровать под ним закряхтела, край пледа замялся. Он поправил шерстяное полотно и подошел к окну. Широкая степь из ковыля волновалась под порывами ветерка, точно морская гладь. Вокруг не было ни души. Только реденький лесок с краю, зеленеющие и цветущие просторы повсюду и вольное поле, где-то вдалеке упирающееся в небо. Картина не то что в городе на набережной, где шумно, а спорые течения толпы только нагоняют тревожности. Иной норовит толкнуть, редкие скамейки вечно заняты, молодежь повсюду устраивает задиристо-фееричные шоу: танцы, выступления местных рок-групп, флешмобы, выставки рукоделия или детский хор горланит так, что не слышно собственных мыслей. Леонид Маркович не понимал и не любил все эти точки творческой энергии. Он даже боялся и старался скорее пройти мимо кучкующихся зрителей и чересчур фонтанирующих жизнью артистов.

Картинка за окном была удивительно спокойной. Ему впервые за долгие месяцы захотелось пройтись, подышать, послушать природную тишину, без страха окинуть взглядом собственные

мысли.

Обойти широкий двор было непросто, ведь незаросшая тропка была совсем узкой и играла в разные стороны вздыбившимися кочками и торчащими корнями деревьев. Срезать путь в таком месте не вариант — вот если бы кто-то сначала выкосил крапиву и репейник. Несколько раз он все-таки запнулся о торчащие корни елей, выругался на неприятность и на себя за то, что решился пойти непонятно куда и непонятно зачем. Но, добравшись до места, понял, что давно не испытывал такого приятного головокружения и насыщения…

Мягкие, ласковые колосья плавно качались, будто легкие волны, от задиристого ветерка. Ковыль вымахал Леониду Марковичу почти до пояса. Он прошелся вглубь, утопая в густом колосящемся облаке. Пушистые головки, колкие на концах, тянулись и словно сами скользили в ладони. Он невольно погладил ковыльную волну. Разволновался, растрогался, не понимая, что за странное чувство разыгралось в груди: буря, от которой было тяжело отмахнуться и которую он не мог погасить. Леонид Маркович ощущал свой пульс — ровный, спокойный, слабый. Вдыхал воздух, который сочными и размашистыми аро-

матами кружил голову. Пытался понять, что это: разочарование, вина, обида, долгожданное одиночество или все сразу? Разочарование от мысли, что большая часть его жизни оказалась тяжела, и теперь, когда он в этом исцеляющем душу месте, он понимает, что слишком поздно начинать заново. Вина, застрявшая комком, который, если не справишься и не проглотишь, обязательно вырвется слабостью и горькими сожалениями. Вина, дважды нависшая на его плечах, потому что поступил по-своему, не во благо другим. Обида — растаскивающая на куски, рвущая по швам, как ураган разносит детали целого и разбрасывает в разные стороны. Обида за то, что не может успокоиться и начать жить — для себя, не для кого-то и не для того, чтобы угодить, а потому, что он тоже заслуживает счастья и спокойствия. Или одиночество? Одиночество, настигшее его не здесь, не в этом месте, когда он уехал далеко от родных, а одиночество, съедавшее даже там, с ними, в кругу семьи, — то, что теплилось глубоко внутри с самого детства, а после смерти жены стало невыносимым бременем.

Однако в этой прогулке в волнах и запахах трав он не был в отчаянии — все эти горькие эмоции будто раскрылись перед ним, как распускаются

степные цветы под щедрым вольным солнцем. Сейчас он мог подумать обо всем, что тревожило, злило, донимало его. Думать и рассматривать так, будто это что-то осязаемое, сравнимое, быть может, с коллекцией камней. Он больше не предается молчаливому отчаянию. Он может думать и объяснять себе, что плохое прошло, а жизнь не закончилась. Камни за пазухой — тяжкое бремя. Если достать их по одному — само собой, бережно, ведь в каждом из них остается часть важных воспоминаний, — подержать на ладони, рассмотреть, сжать покрепче и… наконец понять, что ты не можешь разрушить его. Ты ничего не можешь с ним сделать, как и не мог до этого. Давно нужно было отпустить или запульнуть подальше чертов камень. Да, былые горести от этого никуда не исчезнут, но они хотя бы останутся воспоминаниями, а не тяжким грузом.

И вот он мысленно взял один камешек, оттягивающий нагрудный карман, подержал его, ощутил вес и жар, вспомнил детство…

Близился к концу десятый учебный год в школе. Он готовился поступать в местный техникум: учеба давалась непросто, но педагоги хвалили его настойчивость и сулили успех в выбранном деле, с верой в голосе и улыбкой на лице заверяли на

родительских собраниях: «Этот экзамены точно сдаст. Вцепился как клещ в задачи и правила. Скоро отличников перегонит».

Леонид обещал матери быть храбрым и поговорить с отцом, но ничего хорошего из этого не вышло.

— Стало только хуже, — опустив глаза, пожаловалась она, задирая рукав трикотажной кофты и оголяя потемневшее запястье, когда он навестил ее на рынке.

Мама работала в мясном отделе. На металлических весах с длинной синей стрелкой взвешивала куриные кости и сердца, свиные головы и мягкую, еще теплую печенку, говяжьи ребра или оплывшую салом мякоть. На одну ладонь весов укладывала мясной деликатес, а на вторую — ставила тяжелые металлические гирьки с выпуклыми цифрами. Леонид думал, что если вместо такой гири поставить любую беду из их жизни, то в противовес не получится подобрать даров.

Теперь почти всегда они встречались здесь — среди неаппетитных съестных прилавков, назойливых мух и недовольных покупателей, которые то и дело норовили обвинить в «перевесе». К слову, мама подворовывала безобидно — прикле-

ив небольшой магнит под металлическую чашу весов. Жаль, что магнит действовал только в случае с мясными вырезками и к чаше судьбы его было не приткнуть. А так хотелось бы, чтобы широкое блюдо с отмеренной им несправедливостью опустилось чуть ниже, уступая радости и миру.

— С них не убудет, — говорила мама, протягивая ему вырученную мелочь. — Зато тебе хоть немного на техникум скоплю.

— Не надо, мам, — каждый раз отказывался он, аккуратно отталкивая ее исхудалую руку. — У бабушки пенсия хорошая. Не пропадем. А летом я подработки возьму.

— Ну какие подработки, — устало улыбалась она, пытаясь дотянуться, чтобы потрепать его по волосам, но останавливала себя, касалась его плеча и опускала руку. — Ты школьник еще. Кто тебя возьмет? И, Леонидушка, не вздумай приходить. Как договорились. Ладно? Не ходи к нам, слышишь?

Он кивал, чтобы успокоить мать, которая теперь больше была похожа на звериную тень. Тонкую, больную, с пролегшими темными канавами морщин под глазами, впалыми скулами, тонкими сосульками тусклого каре. Старость,

которая навестила ее раньше на годы, была ей не к лицу, превращала в иссохшую, полусгнившую морковь.

И он выполнял данное когда-то обещание. Не приходил. Не ступал на порог. Но по-прежнему наведывался к их дому. Редкими вечерами, когда его одноклассники спешили на танцы, он сидел в родном дворе, наблюдая за тусклым освещением в квартире. Иногда из распахнутого окна доносились их крики, и за короткими дырявыми занавесками видны были ссоры, затеваемые пьяным отцом.

При встрече на рынке она делала вид, что все в их жизнях гладко и спокойно. Главное, чтобы он оставался у бабушки, потому что так будет лучше для всех. А он замечал синяки на ее шее, запястьях, скулах, засохшие корки на разбитых губах. Она куталась в шарф посреди зноя и врала, что простужена. Замазывала дешевым кремом синяки и царапины, хотя косметика, подобранная не в тон, ложилась неровно и только уродовала ее уставшее от всякой боли лицо.

Замечая его взгляд, полный ненависти к обидчику и разочарования от собственного бессилия, она брала его за руку и говорила что-то успокаивающее. В ту предпоследнюю встречу она сказала,

чтобы он был добрым.

— Ты хороший мальчик. Я верю в это. Очень сильно верю. И не потому, что ты мой сын, нет. — Ее взгляд наполнился такой болью и тоской. — Ты не такой, как твой отец. И никогда не должен становиться таким. Ты должен быть добрым. Должен помогать людям. Даже в самых мелких, незаметных моментах будь хорошим. Верь в добро.

И он верил и помогал. Уступал места, переводил через дорогу, помогал старикам донести тяжелые покупки или соседям в бытовых неурядицах. «Золотые руки», — хвалили все вокруг, потому что чего он только не делал. Знал и умел практически все. Кроме помощи собственной матери. Как уговорить ее уйти.

Однажды он снова набрался смелости и постучал в родительскую дверь. Вероятно, был опьянен и воодушевлен тем, что получил высокие баллы на экзамене, что поступил в техникум, и не просто поступил — сам ректор заметил и похвалил его. Леонид подумал, что может если не все, то многое. И изменить кого-то, чей-то выбор, чью-то жизнь — тем более. Но это был один из неподходящих моментов. Он не смог сдержать себя, ворвавшись в квартиру в разгар

пьяной драки. Соседи вызвали милицию. Леонид сам подписал заявление. Отца забрали.

Это был единственный случай, когда мама пришла к ним с бабушкой. Она нервничала, плакала, просила забрать заявление. Обвиняла сына в том, что он поступает так, как ему не следует, и окончательно погубит отца, которому на самом деле нужны ее помощь и забота.

Больше они не виделись. Он забрал заявление. Жизнь продолжилась по намеченному сценарию. У него появилась студенческая компания, в которой он, насколько мог, весело проводил время. Однажды после дискотеки они возвращались в общежитие знакомым маршрутом — через родительский двор. Остановились покурить, присели на деревянных лавках. Его друзья даже не знали, что долгими вечерами, сидя вот так же лицом к дому, он наблюдал в широких окнах второго этажа жуткие картины.

— Кто у нас сегодня «полный»?

— Сейчас Витек угощает.

Один из парней раздал сигареты, кто-то из компании похвалил марку, которая оказалась чуть дороже, чем они ожидали.

— Леонид, угощайся, — с легкой усмешкой парень протянул сигарету.

— Не курю, ты же знаешь, — отмахнулся он, не отрывая взгляда от вспыхнувшего в злосчастной квартире света.

Еще не совсем стемнело, но в наплывающих сумерках окошко с коротенькой занавеской походило на ширму кукольного спектакля. Герои и их драма озарялись и представали посторонним как на ладони. Яркие главные роли отыгрывались так, будто были отрепетированы до разрыва сухожилий, до кровавых мозолей, до охрипших голосов.

Только финал в этот раз был переписан.

Он так и не понял потом, зачем мама залезла на стол и встала на окно. Наверное, хотела напугать отца в порыве гнева и обиды? А может, ей так надоела эта драная, изъеденная молью занавеска, что она решила сорвать ее? Сорвать немедленно, не теряя ни минуты. Она так и упала на твердый асфальт под окнами — спиной к сыну, сжимая в руке проклятую штору, оповещая зрителей об окончании спектакля.

Он мысленно бросил тяжелый камень далеко в шуршащие волны ковыля и прошел еще немного, прислушиваясь к торжествующему оркестру из сверчков и звонкоголосых птиц.

Второй камень был тяжелее, но не такой горя-

чий. Да, он давно остыл и мог бы не утяжелять карман своим присутствием. Но что-то говорило Леониду Марковичу, что и этот груз он должен нести дальше, и больной довесок продолжал занимать вверенное ему место, словно важный кирпичик целого полотна.

Этот камень был о его супруге. О той, с кем он прожил недолгую, но счастливую жизнь. Да, это было лучшее, что Бог отвел ему. Но Леонид Маркович продолжал следовать совету мамы — быть для всех добрым и помогать людям решать их проблемы — и собственноручно разрушил свою жизнь.

Леонид Маркович почесал покрасневшие глаза — дать волю слезам он не мог. Это было бы слишком глупо и бесполезно. Он подумал, что дурных воспоминаний на сегодня достаточно и пора бы вернуться в дом.

И хотя прогулка отчасти облегчила его душу, он вдруг почувствовал, что ему не хватало собеседника. Впервые он хотел бы переживать свою боль не так, не в одиночку. Но доверить кому-то свои чувства — это не по-мужски, да и стыдно для старика. Впрочем, собеседника, который был бы безмолвен и не стал бы докучать советами и излишней жалостью, не существует, подумал он.

Леонид Маркович не спеша возвращался, рассматривая окрестности. Думы и тяжкие воспоминания оставались позади, отпускали его. Он подметил, как душисто пахнут густые травы и как громко жужжат и стрекочут пчелы и сверчки.

Раздумья о красоте этого места вытеснили накативший вдруг голод и мысли о сырокопченой домашней колбасе, которую Гера принес утром и которая так пахла пряностями.

Леонид Маркович сглотнул слюну, заполнившую рот, и зашагал чуть быстрее. Свежий воздух этого места возбуждал аппетит, точно в давние времена, когда он еще питался не только фастфудом.

Прогулка явно пошла ему на пользу. Он уже строил планы на остаток дня: это были мелкие дела, больше бытовые, но почему-то ему хотелось управиться с этой долей рутины, а не сидеть весь вечер перед телевизором, как было последние несколько лет.

Глава 4

Колокольчик стукнулся о деревянные половицы, неприятно звякнул и замолк. Леонид Маркович вздрогнул, разбуженный резким звуком.

— Ах ты ж поганец усатый… — Массой неуклюжих движений он расталкивал и высвобождал себя из объятий мягкой постели.

Кот сидел на прикроватной тумбочке, нагло глазел на нового хозяина и размеренно мотылял хвостом то в одну, то в другую сторону. Фотокарточка и колокольчик были сметены прочь в первую же секунду игривого происшествия. Вязаная салфетка скомкалась и потихоньку скользила к краю.

— А ну, брысь! — Леонид Маркович поднял колокольчик и со всей силы зазвонил, направив его в сторону кошачьей морды.

Кот неодобрительно мяукнул, наигранно облиз-

нулся и, спрыгнув с тумбы, шмыгнул за дверь.

— Хорошая штука, — похвалил Леонид Маркович, спрятал колокольчик в нагрудный карман пижамы и восторженно похлопал по нему.

Когда он спустился на кухню, то разочарованно обнаружил, что питомец успел накуролесить и здесь. В груди болезненно заныло, и в доме будто стало душно. Леонид Маркович оглядел поле боя: по полу были разбросаны растерзанные газетные листки, грязные картофелины заняли хаотичные места на деревянных половицах, огурцы и редис разлеглись по столу, будто просыпанная шахматная партия.

Укроп и петрушка были надкушены, а на розовых боках редиски виднелись следы от кошачьих клыков. Огурцы он и вовсе выел до мякоти.

Пока Леонид Маркович стоял и смотрел разинув рот, кот спокойно пристроился у дубовой ножки обеденного стола, выгнул и потянул спину, зевнул и принялся усердно точить когти.

— Убирайся! Брысь! Хвостатый негодник! Вот я тебе сейчас по мусалам!..

Леонид Маркович бросился к коту, ожесточенно звоня в колокольчик. Кот в диком испуге рванул прочь. Не вписываясь в повороты, он, точно шальной, запрыгнул на столешницу, скользя,

сгребая оставленные вафельные полотенца и сбрасывая на пол стаканы для воды, которые сушились на салфетке. Пугаясь уже шума собственных проделок, кот одним прыжком достиг маленького окошечка над раковиной и сбежал во двор.

— Вот же скарлатина лохматая, — заворчал Леонид Маркович, приставляя стул поближе к раковине и забираясь на него. — Ну ничего, теперь посмотрим, кто кого!

Он с трудом дотянулся до ручки окошка и захлопнул его. По задумке, кот больше не мог пробраться в дом, а значит, проделки пушистого разбойника отныне не побеспокоят Леонида Марковича. От осознания собственной изобретательности, сулившей долгожданную победу, он вдруг позволил себе рассмеяться, и смех его вышел хриплым и немного зловещим, точно у совершившего подлость пирата, хохочущего назло проигравшему.

Леонид Маркович спустился, собрал огрызки овощей, стёкла и полотенца, щелкнул кнопку на чайнике и рухнул на стул, выдыхая утреннее напряжение.

Чайник вскипел. Леонид Маркович направился к холодильнику, достал неизменные

ингредиенты для отрепетированного до мелочей неполезного завтрака из бутербродов и собирался провести остаток дня, а может и жизни, в полном умиротворении.

Когда гостей не ждешь, а точнее, не желаешь, чтобы тебя беспокоили, стук в дверь оказывается настолько пугающим и останавливающим течение времени, что ты на минуту застываешь в попытках прийти в себя и раздумываешь, пойти открывать или притвориться, что дом опустел.

— Вы в своем репертуаре, дядь Лёнь. Я уж было подумал, случилось чего.

На лице Геры приветливо расцвела дежурная улыбка. Он уверенно вносил в дом кота, а Леонид Маркович жалел, что открыл дверь и не продолжил притворяться.

— Вот, кота вашего встретил, он домой как раз просился.

— А ты, я смотрю, внимательный, — буркнул Леонид Маркович, недобро щуря один глаз и заранее представляя новую гонку за пятнистым проказником.

— Ну да, — Гера кивнул и выпустил питомца, а потом с манерной легкостью занес в дом два увесистых пакета. Наполненные продуктами кули были скреплены степлером у горловины

и помечены листком с номером, начерченным простым карандашом. — Вот, ваш заказ.

Леонид Маркович проводил взглядом убегающее в комнату животное, забрал пакеты и направился с ними в кухню. Порывшись в продуктовом однообразии и изучив скупое содержимое, он достал треугольник пиццы в запаянной пластиковой упаковке и отложил в сторону.

— В следующий раз в пятницу поеду. За списком когда зайти? — Гера недоверчиво рассматривал фастфуд и наблюдал, как Леонид Маркович раскладывает богатства из сухомятки по полкам холодильника.

— Не надо заходить, я же говорил. Повторяй старый заказ и не суетись.

Закончив с распаковкой, Леонид Маркович достал из верхнего шкафчика металлическую банку из-под леденцов и вытряхнул из нее заранее отложенные деньги за продукты и услугу.

— У вас что же, нет желания горячего домашнего супа поесть или котлет, на худой конец? — задумчиво протянул Гера, сгребая деньги со стола. — Одну пиццу с бутербродами едите. Не обижайтесь, Леонид Маркович, но питаетесь вы дрянью. А газировка в вашем возрасте вообще неполезна. Вы что же, за здоровьем не следите:

сосуды там, сахар, холестерин? У меня матушка вашего возраста примерно, так она в сторону еды в пластиковых пакетах и в жизни не посмотрела бы. А вы себя совсем не бережете, усердно травитесь этой химией…

— А ты что, врач? — грубо рыкнул Леонид Маркович. — Мне советы не нужны. Ем что хочу. Мне не пять лет, чтобы меня учили.

— Да вроде не пять, а рассуждаете, будто бы наоборот.

Гера старался держать ровный, спокойный тон, но понимал, что разговор не ладится: то ли хозяин дома встал не с той ноги, то ли он по жизни был неприятным типом и остальное не влияло на его постоянные вспышки резкости и недоброжелательности.

Гера махнул рукой и вышел вон.

Леонид Маркович сел завтракать чаем и треугольником грибной пиццы. По мере насыщения он думал о нескольких последних днях, прошедших в борьбе с наглым питомцем, о том, что был слишком резок с Герой. Если поразмыслить, парень делал замечания из добрых и заботливых побуждений, а Леонид Маркович будто назло себе не собирался даже воспринимать намеки о правильном рационе. В конце концов, какой в

этом смысл? Каждый раз он уверял себя, что старый, одинокий и никому не нужный человек не должен тратить время на глупости вроде геркулесовой каши на завтрак и супа с фрикадельками на обед. Пытаться продлить жизнь в его случае смешно и необоснованно.

Гера был прав. Леонид Маркович, вопреки этой правде, оставался при своем мнении, и странное скребущее чувство после разговора разрасталось в груди и никак не утихало.

Леонид Маркович решил пройтись. В конце концов, уже вторую неделю он проводил в стенах деревянной крепости, не покидая даже двор. Все это время он боролся с пятнистым пакостником и его неиссякаемыми идеями забегов; лежал на тахте, вздыхая, обдумывая, что настанет день, когда найдутся силы очистить комнаты от хлама, накопленного прежними хозяевами; поедал однообразные съестные заказы и бесконечно ворчал — то запинаясь о расставленные повсюду книги, то прогоняя кота, силясь напугать его колокольчиком и преподать урок. Мысли и дела кружились по спирали то вверх, то вниз — бесконечным водоворотом, но не становились рутиной. Дом и окружающий его пышный зеленый пейзаж творили что-то мистическое со

временем — его движение и ход отделялись от сознания и ощущения, перечеркивали формулы календарей и сезонов. День просто существовал, и все, что происходило или было прожито ранее, выглядело новым, забирало его полностью, без намека, что «вчера» повторилось уже сотни раз.

Прогулка после долгого уединения показалась Леониду Марковичу неприятной, сковывающей пространство до тошноты. Да, в крошечном селении не было шального потока машин, как в городе, а если кто и проезжал мимо, то какой-нибудь мальчишка на велосипеде, от которого шума и пыли было больше, чем опасности. В городе, даже среди тысяч идущих мимо людей, Леонид Маркович чувствовал себя абсолютным невидимкой: мог двигаться в любом направлении, проворачивать в голове любую закравшуюся мысль и не обращать ни на кого внимания. А здесь он чувствовал себя по-другому: будто его прозрачность обретала оттенки, чтобы привлечь внимание окружающих. Широкие дворы и их низенькие трухлявые заборчики с корявыми калитками, казалось, наблюдали за ним. Он пытался смотреть под ноги, будто его интерес провалился в облачка черноземной пыли, выбиваемой стоптанными на заднике подошвами, и

делал вид, что разглядывает, выбирает дорожку поровнее и обходит кручинистые бока сельской тропки, сроду не знавшей асфальта, — но все равно чувствовал любопытные взгляды местных жителей. А потому притворялся задумчивым и невнимательным. Но это его не спасало. Обнаружив Леонида Марковича за прогулкой, сельчане спешили к калитке или, копошась в богатых пушистой зеленью грядках, разгибали спины, поднимали головы, делая вид, что просто переводят дух и отмахиваются платком от назойливой мошкары. Все они наблюдали за новым жителем, и почему-то Леониду Марковичу было от этого не по себе. Он уже не мог бесцельно идти — будто в селах и деревнях люди обязаны ходить лишь по делу, не теряя зря времени. Он не мог думать о чем-то, потому что задевающие его взгляды колкой своей немотой касались плеча, цеплялись за ворот рубахи, тянули, стыдили, мол, обернись, поприветствуй, кивни — в селе все друг друга знают, а ты идешь как чужак, ни ответа, ни привета не отвесишь, нехорошо, не по-людски это.

Леонид Маркович трижды пожалел о своей вылазке. Да и улица сегодня казалась длинной, будто нарочно шла вперед, ни разу не вильнув, протягивала пыльный хребет, точно растянув-

шаяся донельзя гармошка. Он думал, что если сейчас возьмет и просто повернет назад, то это будет выглядеть странно и подозрительно. Как бы не решили, что у него болезнь Альцгеймера или что-то в этом роде.

Леонид Маркович прошел еще немного и облегченно осознал: вереница домов подходит к концу. Растерянность и волнение потихоньку схлынули. Скоро он выйдет на дорогу, которая разделяет село и поле. Получается, если повернуть направо, обогнув крайний двор, и развернуться, то можно заново обойти дома в обратном порядке и очутиться дома — путь по кругу, замечательно. С левой стороны виднелись какие-то новые строения, а чуть дальше — хоровод из стареньких понурых избушек. Такая же история с тропинкой. Надо было поскорее решить, в какую сторону поворачивать. Леонид Маркович приготовился выбрать правую тропу, но, обогнув крайний дом, нос к носу столкнулся с неопрятным стариком.

Старик был босым и растрепанным. Одежда напоминала лохмотья. Нестриженые волосы торчали вздыбившимися клоками, а взгляд был потерянный и пустой. Он, будто одичавший и больной, бросился на Леонида Марковича, вскидывая руки, и попытался схватить его в объятия,

трубно крича:

— Лука! Лука! Лукаша!

Его иссохшие, потрескавшиеся губы съезжались в узкую трубочку на первом слоге и раскрывались точно рыбья пасть на последнем.

— Лука! Лука!..

Леонид Маркович выставил ладони перед собой в попытке защититься, отталкивая неприятного собеседника. Ответить он не успел.

— Опять ты шалишь, дед Ибрагим. А ну-ка, домой пошли. Тебе матушка с утра такой суп из щавеля сварганила, на косточке, наваристый, вдобавок яиц покрошила, а ты шастать по селу умчался. Все неймется тебе…

Выбежавший из ниоткуда Гера схватил старика и поворотил в дом. Тот зашагал упрямыми и маленькими шажочками, точно расшалившийся ребятенок в баловстве, затряс головой и странно заулыбался, хотя взгляд его оставался неподвижным и туманным.

— Лука, Лука, — повторял он растерянно, то оборачиваясь, то поднимая взгляд на Геру. — Лукаша, Лука…

— Лука к тебе позже зайдет. Кончай, дед, идем, ну давай, давай, топай.

— А ты его видел? — Старик сопротивлялся,

но Гера отчаянно тащил его под локоть, аккуратно подталкивая вперед.

— Видел, видел! Все с ним в порядке, не волнуйся, иди домой. Он позже подойдет…

— Лука…

Леонид Маркович присел на лавку у забора, чтобы перевести дух. Отгоняя мошкару и прислушиваясь к стихающим голосам, он продолжал надеяться, что Гера вернется, объяснит ему странную встречу и проводит назад. Леонид Маркович опустил голову и смотрел на белые и коричневые камешки, застрявшие в уплотнившейся почве, разглядывал муравьев, которые атаковали деревянный кровоточащий смолой край лавки, прислушивался к постепенно стихающему зову и возвратившейся сельской тишине. Но наступившее затишье уже не было прежним. Оно выворачивало душу, корило и царапалось изнутри, точно запертый в клетке собственной совести зверек. Это затишье, которое наступает, когда не знаешь, чем помочь. Не знаешь и даже не пытаешься. Отводишь глаза, как минуту назад сам Леонид Маркович, пытаясь оправдаться перед собой, что Гера, в отличие от него, знает, что предпринять, и лучше не соваться не в свое дело.

Гера вынырнул на трухлявое крыльцо через

несколько минут. Он домовито поправил потускневшую штору, которая прикрывала вход в дом, повесил ранее оброненную ржавую лейку на торчащий из стены веранды крюк и зашагал прочь со двора.

— Здорово, дядь Лёнь. Вы чего тут забыли?

— Да я-а-а… — Леонид Маркович не хотел признаваться парню, что растерялся и почувствовал себя неловко, пройдясь по улице. Помедлив, с глупым видом растягивая слова, он ответил вопросом на вопрос: — Это что же, твой дедушка? — И кивнул, бросив жалостливый взгляд в сторону посеревшего деревянного дома.

Неухоженное жилище клонилось к земле, будто выдохнув тяжелую печаль и опустив плечи — точь-в-точь как его хозяин. На поручнях и боковой изгороди крыльца краска давно облезла слоями и теперь напоминала пестрые рыбьи чешуйки, которые выглядывали друг из-под друга, отражаясь на солнце искусственными синими, оранжевыми, зелеными и серыми бликами.

— Да нет, — бодро ответил Гера, — просто присматриваем по-соседски. Каждый день к нему кто-нибудь заглядывает: покормить, успокоить, спать отправить. Подстричь бы еще надо… Да все некогда мне. Летом в селе жизнь насыщенная.

Взгляд Геры затуманился. Он вскинул голову, посмотрев куда-то в синюю высь, потом далеко в сторону леса, которым заканчивались проулки, и, будто взяв разрешение у округи рассказать чужое горе, продолжил:

— Дед Ибрагим давно один живет. В последнее время совсем плох стал. Раньше хоть меня узнавал, а теперь, видите, скоро и я для него Лукой стану.

— А кто это — Лука? — перебил Леонид Маркович, поддавшись любопытству.

— Лука? — Гера скривился, будто борясь с зубной болью. — Не знаю я. Может, сын его был. Раньше мы как-то и не знались с ними. Они с бабкой Верой жили себе вдвоем, будто на отшибе, в своем последнем домике. Тихо-мирно, не помню, чтобы за ворота лишний раз выходили. А потом она умерла, и с ним это случилось. Видимо, умом тронулся от горя. Или с памятью что-то стало.

— А родственников у него нет? Может, в городе кто живет? Тот самый Лука, например?

— Да откуда ж мне знать. Не приезжает к нему никто. Ладно, дядь Лёнь, пойдемте, провожу вас. Чего комаров кормить. Вы куда ходили-то? Познакомились уже с кем?

— Нет, никого не встретил, — соврал Леонид

Маркович, послушно поднимаясь на ноги и следуя за Герой. Он с облегчением понял, что обратный его путь в глазах окружающих наполнится смыслом и не станет походить на бесцельное блуждание поглупевшего от старости бедняги.

Гера искоса взглянул на Леонида Марковича, сдерживая усмешку, потому что понимал, что капризный дедушка брешет и вранье его выглядит до того забавным, будто не взрослый человек упирается, а ребенок оправдывается, фальшивит в каждой своей интонации и движении, но не сдается.

— Привет, баб Нин, — Гера кивнул старушке, сидевшей на лавке у ворот красивой расписной избы, похожей на сказочный пряничный домик. — Это вот дядя Лёня — новый сосед наш, в доме Руфины Григорьевны теперь живет.

Леонид Маркович почувствовал жар в груди от волнения, ведь он уже проходил мимо женщины, сидящей мирно и задумчиво, то ли наблюдающей за улицей, то ли предающейся воспоминаниям. Голова ее была покрыта ситцевым идеально выглаженным белым платочком с голубыми васильками. Тонкое цветастое платье напоминало сорочку, обвязанную по вороту белыми ирисовыми нитками. В руках она держала лист

лопуха, которым манерно отгоняла надоедливую мошкару.

— Здравствуй, Феденька. — Старушка расплылась в душевной улыбке. — И вам здравствуйте.

— Доброго дня, — Леонид Маркович кивнул ей и растерянно улыбнулся.

— Ой, да что же я сижу, — она подскочила, вскинув руки. — Ты подожди меня, Феденька, и вы. Я сейчас…

Старушка побежала во двор, а Гера не успел ничего ответить. Через секунду она уже стояла перед ними с трехлитровой банкой молока, обвязанной по горлышку марлей. Леонид Маркович, который все еще разглядывал ее скромный, но опрятный и уютный дворик, подумал, что такие же банки висят у нее во дворе на тонких штакетинах заборчика. Сияющие, чистейшие, отражающие солнце и готовые наполниться до краев теплым парным молоком.

— Вот, возьмите. Свое, домашнее, — она протянула банку.

— Да ну что вы, — Леонид Маркович пытался возразить, но она не приняла отказа.

В соседнем дворе история повторилась, но с большей открытостью и теплотой. Старушка в платке из узоров, напоминающих гжельскую рос-

пись, вышла познакомиться. Она заторопилась предложить горячие домашние рогалики с начинкой из малины, завернув гостинцы в грубое льняное полотенце. Пес во дворе забеспокоился, зарычал, скандально залаял, рванулся на цепи, но, стоило хозяйке прикрикнуть и махнуть в его сторону рукой, он замолк и, как прежде, улегся на прохладную дорожку из красных кирпичиков, утопленных в землю. Больше пес не подал ни звука, будто так и положено, чужаков и опасностей нет. А Кузьма Ильич и вовсе как раз собирался обедать и уже накрыл дубовый стол во дворе под яблоней, стульями к которому служили обтесанные полуметровые пни. Себе на веселье и лекарство от скуки, а гостям на радость, заманил он трапезничать и Геру, и Леонида Марковича. Вареный картофель в мундирах, укроп и зеленый лук с крупной солью, которая хрустела на зубах не хуже речного песка, маринованные опята и, конечно, колбаса собственного приготовления.

Разговаривали недолго. Кузьма Ильич рассказывал, что его печеночная с салом и луком — лучшая колбаса на свете и что рецепты в его семье хранятся и передаются годами, а за ливерной и сосисками из свиной шеи к нему, бывает, из города едут. Колбаса и правда была вкусной, на-

вязчиво пахла пряностями и распадалась во рту на приятные послевкусия духмяного сала и тонкой, еле уловимой и неразгаданной кислинки.

Леонид Маркович ничего толком не поведал о себе: хозяин был любитель поговорить и в его сольной беседе не находилось места для историй гостей. Да оно и к лучшему, подумал Леонид Маркович, не желавший открывать душу, какой бы теплотой ни одаривала его новая компания.

— Про колбасу — это я балуюсь, для себя все больше, — расчувствовавшись в душевном диалоге, продолжал Кузьма Ильич, потирая кулаком густые усы. — А как каменный погреб для созревания сыра дострою, вот тогда и развернусь! Глядишь, из города народ подтянется. Оживет село. Поднимется. Дело же я говорю, Федюнь? Дело!

— Конечно дело, — подхватил Гера. — Надо, надо, Кузьма Ильич, и сыроварню, и колбасную лавку, все надо. Когда все будет, всяко не пропадем. Народ поддержит. А ему, народу-то, много ли нужно? Хлеба и зрелищ, как говорится!

— И сыра с колбасой, — хитро усмехнувшись, добавил Кузьма.

— Ой, да не слушайте вы его. У нас ни школы, ни детского сада нет, кто к нам поедет? — с теплой ухмылкой бросила супруга Кузьмы Ильича,

отмахнулась и продолжила с аппетитом уплетать дудчатый лук, закусывая сочную зелень ржаным мякишем.

— Итить-колотить, Алевтина! Куды ты поперек батьки в пекло лезешь! — Кузьма Ильич стукнул по столу кулаком, выругав жену, но шутливо, с теплотой в голосе, так, что и незнакомому стало бы смешно от их разборок, не более. — Как не поедут? Конечно поедут. Как моих сыров на рынке испробуют, так потом от городских тут отбою не будет.

— А это хорошая идея, Кузьма Ильич, село возродить, — Гера воодушевился, будто и сам мог предложить что-то в помощь. — Нам бы тут побольше смельчаков с толковой головой…

— Фантазеры вы, Феденька, — Алевтина вздохнула. — Вокруг-то посмотрите: старики свой век доживают, молодежь мало-помалу в город перебирается. Осталось-то меньше полста человек: год-другой, а там, глядишь, и сгинет Сагибово, сровняется с землей. А если еще и Амур снова в половодье войдет, то и ни былинки не останется.

— А что, вас тут подтапливает? — Леонид Маркович взволнованно посмотрел на беседующих, не понимая, как им только кусок в горло лезет, когда такие новости всплывают.

— Бывает, бывает, — важно затянул Кузьма Ильич, наполняя рот картофелем, и, откусив ломоть хлеба, продолжил уже с набитым ртом: — Ну вам-то бояться нечего. Ваш дом далековато стоит, да и на холме, к тому же строили по-новому, с высоким основанием на фундаменте.

— Так что живите спокойно, дядь Лёнь, наслаждайтесь, — подытожил Гера, поднимая кружку с квасом.

Посиделки их продлились еще немного, пока всю компанию не разморило на солнце, а хозяйка Алевтина не придремала прямо за столом, опершись о локоть.

С полными руками гостинцев Гера и Леонид Маркович миновали еще несколько домов. У последнего дворика, за которым начинались пушистые колючие кусты шиповника, Гера будто специально сбавил шаг. Леонид Маркович покосился на него и, уловив взволнованный взгляд, понял, что Гера украдкой осматривает двор, мимо которого они шли.

Домик был значительно меньше остальных в Сагибово и смотрел на главную улицу маленьким окошком с резными наличниками, выкрашенными в белый. Широкая веранда и крыльцо, в отличие от других домов, протянулись справа,

упираясь в скромный палисадник смородины. Там, между последней ступенькой и поднятыми к солнцу фигурными с зубчатыми краями листьями, прикрывающими спеющие ягоды, в тени и дворовой тесноте пряталась тонкая тропинка. С одного края она уводила к задней части двора, где ютились низенькая баня и туалет; огибала дом, заставляя любоваться бесчисленными цветущими и плодоносящими деревьями, главными из которых здесь были яблони ранних сортов: грушовка, антоновка, белый налив и бессемянка; а закончив путешествие по кудрявому цветущему и спеющему саду, разливающему по округе медовый аромат, тропинка обрывалась у калитки с новеньким почтовым ящиком.

Когда из плена сочной яблоневой листвы вышла девушка, Гера старательно выпрямил спину, мышцы на его мощной шее напряглись, он остановился, указывая рукой Леониду Марковичу на цветущий дворик и пытаясь что-то сказать, но поперхнулся слюной.

— Федя, здравствуй. И вам здравствуйте. Верно, это вы к нам в Сагибово переехали?

Девушка, тонкая и хрупкая, выбежала за двор, будто один из яблоневых цветков, бережно схваченных ветром и унесенных прочь из дома,

опустился на тропу рядом с ними.

Леонид Маркович поклонился.

— Привет, кхм, Ален. А мы тут… Я Леонида Марковича знакомил со всеми, получается, — запинаясь и покашливая, растерянно ответил Гера.

— Ну ясно. А я на почту иду. У бабушки голова разболелась, с давлением опять измучилась. Иду за нее пенсию получить. — Она подняла солнечно-янтарные глаза на Леонида Марковича, и он подумал, что таких светло-карих на своем веку не встречал. — А вы заходите к нам за яблоками. К концу месяца уже первые скороспелки красные будут. Но мы с бабушкой и с этих компотом балуемся — пока кисленькие, самое то в жару.

— Спасибо, Алена. Обязательно, обязательно зайду, — не ожидая от себя такой мягкости, ответил Леонид Маркович.

Аленка умчалась. Леонид Маркович и Гера еще недолго смотрели ей вслед, а потом побрели дальше. Оба поникли, будто от разговора с подобной лучистой атмосферой не приобрели тепло, а потеряли себя. И хотя Леонид Маркович быстро вернулся в чувства, перебив тошнотворную круговерть мыслей прежним убеждением: ему до встречи с Аленкой нечего было терять, а после и

подавно, — Геру вырвать из зачарованного плена и оживить было сложно.

— Какая милая и добрая девушка, — заметил Леонид Маркович, первым нарушив молчание.

— Угу, — отозвался Гера, опустивший плечи и уставившийся себе под ноги.

— Так ты что же, влюблен в нее? — без стеснения спросил Леонид Маркович, покосившись на Геру.

— Дядь Лёнь, ну разве можно такие вопросы прямо в лоб! — возмутился Гера, прыснув.

— А чего мне вокруг да около ходить. Время тратить на намеки. Мне уже шестьдесят девять лет. Каждая минута дорога.

— Ну-у, шестьдесят девять — это еще не возраст, — протянул Гера, махнув локтем и чуть не выронив банку с молоком. — Вон деду Ибрагиму восемьдесят пять прошлым летом справили, а бабке Инге из двадцать второго дома — соседке дядьки Кузьмы — девяносто два уже. У нас в деревне все долгожители. На свежем воздухе жизнь медленнее и длиннее, оказывается. Сельская жизнь закаляет и дух, и тело.

— А ты и местный волонтер, и философ, значит? — мрачно заметил Леонид Маркович, когда они уже вошли во двор его дома.

— Ну почему сразу волонтер?..

Гера оглядел двор, в который раз печально заметив, что с приездом Леонида Марковича тут ничего не изменилось: усохшие вьюнки так же безжизненно свисали с колонн и беседок, травяные заросли стали гуще и плотнее, беспорядочно валявшийся инвентарь выглядывал из кустов, а сам дом печально смотрел на мир потухшими, запачканными окнами.

— Нянчишься со всеми, бегаешь, суетишься. Разве не волонтер?

— Да какой из меня волонтер. Так, по доброте душевной помогаю немного, если по силам. В конце осени на учебу уеду — заочник я. Глядишь, пока меня не будет, и матушке моей люди подсобят в случае чего.

— А продукты как же? — Леонид Маркович замер с ключом в руке.

— Ну я же не навсегда уеду. Да и осенью урожай у всех, разносолы, овощи, фрукты, ягоды. Все есть.

Леонид Маркович подумал, что вполне мог бы и пропасть, потому что никакими посадками не занимался, но, оглядев гостинцы, подбодрил себя: если здесь ему и суждено погибнуть, то точно не от голода.

Когда он открыл входную дверь, заспанный Франческо неторопливо точил когти об косяк дубовой арки, превращая ее сияющее лакированное тело в негодное рыхлое и исполосованное полотно. Увидев их, кот задиристо мяукнул и помчался прочь в темноту зала с книжными шкафами.

Леонид Маркович подумал прикрикнуть на него, схватить колокольчик с маленького столика и наказать сердитым звоном, но остановился, почувствовав, что устал и игры в кошки-мышки будут лишними. Они разложили угощения на столе, Леонид Маркович включил чайник, чувствуя, что атмосфера дома забрала последние его силы, и без того иссякшие после долгой прогулки. В бесконечном уюте просторных комнат, хоть и захламленных сейчас беспорядочными стопками книг, таились спокойствие, сон и лень. Но чай и добрая беседа могли восстановить силы.

— Присаживайся, — скомандовал Леонид Маркович, доставая кружки.

Гера поколебался, провел рукой по своим коротко стриженным волосам от челки к затылку и присел не сразу.

— Я с этими гостинцами чувствую себя пятилетним внуком, вернувшимся от бабушки, — улыбаясь, по-доброму пошутил Леонид Маркович. — В

городе соседи неприветливые. Зимой снега не допросишься. Да и вообще, некоторых как звать-то не знаешь.

— Так вы новую жизнь начали, чего старое поминать, — с упреком заметил Гера.

— А обед на свежем воздухе — красота же, а не жизнь, — будто не замечая отстраненности гостя, добавил Леонид Маркович, разливая по кружкам чай и ставя на стол все съестное, которое могло составить приятную компанию ароматному мятному чаю. — Каждый день бы так обедал — в тени яблони, под песни синицы.

— Бог в помощь, дядь Лёнь. У вас все для этого имеется.

— Ты, наверное, ее с почты встретить хотел?

Леонид Маркович присел напротив, понимающе посмотрел на него и отхлебнул слабозаваренный мятно-липовый отвар.

— Кого ее? — Гера с плохой театральностью изобразил непонимание.

— Ну Аленку твою.

— Ничего она не моя. С чего вы взяли, — буркнул Гера, отодвинув кружку и скрестив руки на груди. — У нее парень в городе имеется. Она в городе на акушерку учится, в Сагибово теперь только на лето приезжает. Вот хожу который год,

любуюсь да вздыхаю, как дурак. А сказать ничего не могу. Потом еще весь год жду, чтобы лето снова наступило. Вот же дурень, надо было сразу ей тогда на фасолевом поле все рассказать…

— На каком поле?

— Да приметил я ее, когда мы классами на школьном огороде фасоль собирали — практику отрабатывали. Она мне еще тогда подорожник приложила — я на кочке споткнулся и ладонь об острый камень в кровь разодрал. — Гера потер старый шрам и с упреком добавил: — Сразу надо было признаваться, а не вокруг да около ходить, пока ее городской не захомутал.

— А ты откуда про парня-то знаешь? Это она тебе сказала?

— Нет, не она. Парень ее. Встретились мы как-то с ним у ее ворот — было дело. Приезжает он сюда — редко, но метко. Сказал мне тогда, чтоб я к ней не совался.

Гера отломил подсохший хлеб и положил на него пару кругляшей колбасы. Леонид Маркович задумчиво посмотрел на него и заметил:

— Ну, выглядит она окрыленной. Так выпорхнула, будто радостное что-то приключилось. Значит, счастлива. Мой тебе совет: найди в себе силы — не мешай ей. Надо уметь отпускать, если

правда любишь.

— Много вы понимаете, — с горькой усмешкой ответил Гера. — Вы вон женаты были, значит, счастье свое другому не уступили, а мне советуете. Знаю я эти житейские мудрости: будто со стороны виднее. Вы-то сами были на моей стороне? Нет?.. Тогда кому нужны такие советы?

Гера подскочил и направился к выходу.

— Да погоди, сядь, — вдогонку крикнул ему Леонид Маркович, вскакивая следом.

Гера развернулся в дверях, бросая на него разъяренный взгляд.

— Да чего «сядь», чего «сядь»-то, дядь Лёнь? Вы вот просто поддержать разговор хотите, настроение у вас побеседовать, а мне тошно на душе. Ай! — Гера с отчаянием махнул рукой. — Вам не понять.

Он быстрым шагом миновал ступени крыльца и направился прочь. Леонид Маркович немного постоял, глядя ему вслед и проглатывая горечь накативших воспоминаний и свежезаваренного чая. Еще мгновение он ждал, что Гера одумается и вернется, что обида оставит его, но никто не пришел. Леонид Маркович закрыл дверь и вернулся на кухню.

— Ах ты ж поганец! — гневно закричал он,

увидев, что Франческо сдернул марлю с банки и, просунув внутрь лохматую голову, нагло лакает молоко.

Леонид Маркович схватил колокольчик и, неся в ладони его дрожащий резкий звон, побежал к пушистому вору. Кот в испуге заметался, заторопился и опрокинул банку, которая с грохотом полетела на пол. Молоко окатило пол, медленно растекаясь белой тягучей лужей, захватывая ножки стульев и стола. Кота как ветром сдуло, а Леонид Маркович, вздохнув, принялся искать в нижних шкафчиках тряпку или старое полотенце и наводить порядок. Пока он возился, собирая стекла, кот все же вынырнул из-за тахты и, по-шпионски пригибаясь, подобрался к краю белой лужи и спешно начал лакать молоко.

Закончив уборку, Леонид Маркович все же допил уже остывший чай, немного перекусил и отправился в спальню. Он долго вглядывался в окно, наблюдая, как танцует потревоженное ветром море ковыля. Вспоминал слова Геры, брошенные от обиды или в порыве собственных терзаний: «Вам не понять…» Леонид Маркович хотел бы, чтобы эти слова были правдой, но правда была в том, что в его душе накопилось слишком много пережитых горестей.

Ковыль вдалеке раскачивался, убаюкивал, успокаивал, шептал. И Леонид Маркович, будто околдованный, отправился навстречу тихому месту, захватив со стола пару неспелых яблочек.

Весь путь к заветной степи и время, которое Леонид Маркович находился в плену волнующихся колосьев, он вспоминал прекрасные и печальные моменты молодости. Затуманенному взгляду его, унесенному прошлым, уже не чудились привольные живые пейзажи. Ноги увереннее шагали, будто несли его не по мягкой, уставшей от солнечных ожогов траве, а по зеркальной плитке сверкающего зала с высокими потолками и бесконечными цветочными арками. Воспоминания дробились и кусались эхом в многолюдном проулке…

Он с искренней радостью посмотрел вслед светящейся любовью и радостью паре, медленно плывущей на широкое каменное крыльцо. Толпа гостей посыпала молодых лепестками роз и что есть сил кричала: «Горько! Горько!» Он проводил взглядом невесту в дорогом белом платье с бесчисленными кружевными подъюбниками и жениха в идеально-белом. Крепче сжал руку своей будущей супруги, ощущая, как набирает скорость сердечный ритм.

— Ну что, идем? — спросила она, с нежностью заглядывая ему в глаза.

— Идем, — уверенно ответил он, расплываясь в счастливой улыбке.

Они расписались скромно, без изысков и ресторанных балов. Его мать и бабушка давно покинули этот мир, ее родители жили далеко и не смогли приехать, а может, и не хотели. Больше гостей не звали. После официальной части церемонии выбежали из ЗАГСа и, словно выпорхнувшие птицы, полетели навстречу большой жизни. Долго гуляли по набережной, сделали тонну фотокарточек в будке у кафе, ели мороженое, пили шампанское из пластиковых стаканчиков, в обнимку лежали на траве, наблюдая за звездами, танцевали и долго целовались под луной.

Он думал, что это лучшее, что могло произойти в жизни. Что его жизнь известна ему, и он никогда не упустит свое счастье, будет трепетно и жадно оберегать от посторонних помыслов и решений. Никогда ни на кого не променяет, не позволит подступиться и никому не отдаст.

Но как узнать, какой твой следующий шаг будет определенно твоим решением, а не прописанным в сценарии судьбы? Его мирок существовал вокруг нее и их скромной, уютно обставленной

квартирки. Однако новый виток превращал счастье в топливо для разочарований и боли.

Они безнадежно пытались, ходили по врачам, ездили к святым мощам, загадывали желания, пили лекарства, травы, опускали руки, держались за руки, отчаивались и настраивались на новые попытки, но их мир по-прежнему оставался пуст…

Он вспомнил, как крепко обнял ее, когда она плакала после очередного похода к врачу.

Она высвободилась на мгновение из объятий, вспухшими от слез глазами заглянула в его лицо и сказала:

— Я мечтаю о ребенке больше, чем все эти доктора могут себе представить.

— Я знаю, я тоже. — Он попытался снова обнять ее.

— Почему? Почему так несправедлива жизнь? Мы ведь любим друг друга. Что еще нужно Богу, который вершит наши судьбы? Должен быть ответ, решение, лекарство — обязательно должно быть лекарство.

Он стиснул зубы и, отстраненно посмотрев в сторону, ответил, проглатывая каждое слово, точно все они были твердыми, густыми комками:

— Наверное, это неправильно... И я должен отпустить тебя...

Она не согласилась. Волновалась, трепетала, билась в его руках, точно птица, которая не может найти выход из стеклянной западни. Хватала его за руки, говорила, что они еще поборются. Верила.

Он тоже верил. Пока однажды ночью не проснулся в пустой постели...

Она сидела на кухне, даже не включив свет, и так горько плакала. Горько, но беззвучно. Она не хотела, чтобы он узнал об этом. И он понял, что только одним ее горем нарушил тысячу обещаний, данных когда-то своей матери: он не должен причинять людям зло, должен верить в добро и нести добро, если это в его силах.

На следующее утро он помог ей собрать вещи, проводил на вокзал, но прихода поезда вместе с ней уже не дожидался.

Семь лет без нее тянулись мрачным, абсолютно несчастливым числом. Сколько раз он останавливал себя, чтобы не набрать номер ее родителей и не позвонить. Сколько раз слышал отчаянный звон телефона, но не поднимал трубку. Крепко сжимал пальцы в кулак, но верил: так будет лучше — не для него, так будет лучше для

нее. И это доброе, светлое решение.

Он не смел больше тревожить ее. Верил, что у нее все сложилось хорошо. Определенно знал, что так и должно было случиться с ней.

Однажды, волей судьбы, он отправился в командировку в ее родной город. Нашел двор, где она провела детство, двор, куда они приезжали за благословением к ее матери и отцу, двор, где она, вероятно, еще могла жить.

Он долго стоял у соседнего подъезда, осматривая улицу, дорожки и детскую площадку. Ничего здесь не изменилось, лишь посерело и выцвело.

Наблюдал за еле-еле плетущимися стариками, за парами, беззаботно прогуливающимися в сторону парка, за детьми, гоняющими мяч на детской площадке. Ветер дул ровно и мягко, время замедлялось, небо звенело и искрилось, пока он не услышал знакомый смех. Его сердце будто раскололось, и все вокруг снова обрело и потеряло смысл, точно в тот день, когда врачи поставили свой диагноз. В одно мгновение он испытал счастье и разочарование, будто грел надежды, которые собственноручно отпустил семь лет назад.

Она шла под руку с мужчиной — вероятно и очевидно, с новым супругом — и нежно поглаживала

свой слегка округлившийся животик, а ее муж катил в прогулочной коляске милую девчушку примерно двух или трех лет.

В тот момент она была самой счастливой на этой улице, в этом городе и на всей земле. И он понимал, что сделал все правильно, но не мог унять странное царапающее внутри, что нашептывало об упущенном и потерянном.

Леонид Маркович почти добрел до озера, но остановился. Он крепко сжал пальцами глаза, а когда отпустил их, вдохнул глубже. Он подумал, что это место каким-то неведомым образом лечит его душу и забирает горькие воспоминания — заставляет делиться болью.

«Хорошо бы и этот камень оставить тут», — подумал он, мысленно вытащил из нагрудного кармана серый в крапинку булыжник и бросил далеко в пучину разбушевавшихся травяных волн. Ему на мгновение полегчало, но, чуть придя в себя, он понял, что в кармане и правда что-то лежит. Это оказались яблоки, которые он взял, чтобы съесть по пути в поле.

— Кислющие, — поморщился Леонид Маркович, надкусив зеленый бок. — И чего Гера их нахваливал?

По пути к дому Леонид Маркович думал, что

если бы мог что-то исправить в своей жизни прямо сейчас, то, наверное, освободил бы дом от хлама, который оставила прежняя хозяйка, и продолжил бы свое существование в полном одиночестве. Да, от расставленных, разложенных и брошенных повсюду книг нужно решительно избавиться, так же как от пыли на полках. Ах да, еще этот кот, будь он неладен. Но коту уж точно надоест в скором времени такое недоброжелательное соседство, и он сбежит восвояси, вернется в город. А если нет, то, как обещался Гера, хозяйка сама приедет за питомцем, когда в степи отцветет ковыль.

Глава 5

Звонкий птичий гвалт состязался с ритмичным стрекотом кузнечиков и размеренным жужжанием пчел. Воздух, жадно впитывающий солнечный жар, приправленный ароматами разнотравья, летних цветов и медоносных кустарников, становился объемнее и тяжелее.

Леонид Маркович приоткрыл глаза. Щурясь от ярких лучей, скользящих по простыне и игриво запрыгивающих на ресницы и щеки, он решил, что настолько поющее и согревающее душу утро, несомненно, станет добрым началом дня. Леонид Маркович зевнул, сдернул тонкое одеяло и свесил ноги на пол.

— Проклятый кот! — гневно завопил он, ощутив, что его правая нога коснулась мягкого, пушистого и еще теплого тельца.

Леонид Маркович не раздумывая схватил колокольчик и начал звенеть им что было силы.

Чертыхаясь до хрипа в голосе, он ругал бестолковое животное за его выходки. Кот, сидевший напротив кровати, таращась на хозяина, вероятно, ожидал похвалы, но, не получив ее, мяукнул и степенно направился за дверь.

— Вот же напасть! — В который раз сердясь на проделки пушистого, Леонид Маркович достал носовой платок из шкафчика и, аккуратно обернув в него мышиное тельце, понес вниз. Он прямо в пижаме выбежал во двор и швырнул сверток в траву за забор. Платок вспорхнул, развернулся, замер в воздухе, точно вовремя раскрывшийся парашют, и повис на ветке шиповника, обозначая место падения котовьего дара.

Леонид Маркович не сразу осознал, что выбежал без обуви. Когда вернулся на крыльцо, остановился и замер: босые ноги чувствовали прогретый солнцем каменный островок, и тепло это поднималось по всему телу, будто напитывая его. Точно у дома и хозяина была особенная связь и вместе они становились одним целым, несомненно поддерживая жизнь друг друга.

Как еще один важный для душевного исцеления элемент, кот тут же прильнул к ногам хозяина и начал ластиться, замурлыкал.

— Уж помилуй, избавь меня от своих подар-

ков. — Леонид Маркович с укором погрозил коту пальцем, переступил через него и отправился выполнять утренние процедуры.

Когда быстрый завтрак из бутербродов и чая был съеден, он, ни минуты не раздумывая, принялся исполнять задуманное накануне: освобождать пространство дома от хлама.

Леонид Маркович встал посреди зала, оглядывая стены, окна, шкафы и мебель — каждый уголок первого этажа. Мрачные картины в резных золоченых рамах было решено выбросить сразу после того, как он избавится от книжных нагромождений. Да, пышнофигуристые дамы в чепцах с рюшами и нарядных платьях выглядели изумительно, но их томные взгляды, кукольные повороты или наклоны изящных головок и тонких рук с обнаженными запястьями наводили тоску. При этом у каждой в руке, на пышном подъюбнике или рядом, на скамье, покрытой тенью цветущей сирени, лежал будто нарочно потрепанный томик, испытывающий терпение и обещающий, что печали развеются, сомнения сгинут, а тайны вскроются, стоит лишь перелистнуть страницу.

Страницами, впрочем, этот дом был забит до высоких деревянных сводов потолка. Книги в

разных обложках и переплетах выглядывали из бережных укрытий, темных уголков и насиженных мест. Манили, зазывали, перешептывались и нашептывали, ожидая участи или участия, которое только они могли оказать сердцу, что осмелилось бы прочесть их истории, пройти по тропам горестей и радостей, уготованных героям и хранящих светлую мораль для читателя. Тома в тонких мягких обложках, страшась своей хрупкости, прятались и стыдливо наблюдали за тенью хозяина из нижних застекленных шкафчиков. Другие, в твердых переплетах — блестящих лакированных или матовых и потертых, — ощутимо зачитанные до самого нутра, горделиво выпирали со средних, хорошо освещаемых широких полок. У иных, поверх основной скромной однотонной обложки, крепилась вторая — яркая иллюстрированная раскладка. Леонид Маркович проводил рукой по бумажной поверхности, переставлял, рассматривал, изучал. По внешнему виду, цвету и запаху страниц, по загнутым уголкам или оставленной на середине закладке, по рассохшемуся и отходящему от основного блока или крепко склеенному и еще хрустящему переплету, по сбитым уголкам и заломам на картонном теле или по тому, как идеально сколь-

зит и отражается свет на прекрасной покрытой лаком поверхности, можно было многое понять, узнать, представить, ощутить. Точно сама судьба коснулась бумажного создания, изданного неживым, но хранящим внутри жизнь, и теперь, от прикосновения, кто-то другой мог прочесть книгу не только изнутри, но и снаружи.

Леонид Маркович приоткрыл окно. Свежий воздух наполнил комнаты. Привкус цветущего и спеющего сада смешался со странными ароматами дома, и он понял, что этот тяжелый, сырой и пыльный запах исходил от полок. Видимо, прежняя хозяйка не блюла должный уход за книжными коллекциями, и книги начали гибнуть, увядать, точно те самые вьюнки и дикий виноград во дворе.

Но и сам Леонид Маркович не имел никаких сил, да и не горел желанием заниматься чьей-то домашней библиотекой, вышедшей в росте из-под контроля. Ему хотелось выбросить ненужное вон, навести наконец легкий порядок — слишком усердствовать он не собирался, но протереть пыль и подмести не помешало бы.

Сначала он решил найти место, куда книги можно было бы просто перенести. Хранят же люди ненужные и годами не используемые ве-

щи в подвалах, гаражах, где-нибудь на дальних неосвещаемых и недоступных полках. Окончательно избавиться жаль, а так вроде бы ты еще владеешь предметом, хотя он тебя больше не беспокоит и не вторгается в поле твоего уюта. Он вспомнил, что во дворе есть приличные деревянные пристройки. Это показалось ему отличной идеей — ровно до того момента, пока Леонид Маркович не открыл тяжелые деревянные ворота. Ворвавшийся в немую обитель солнечный луч с жалостью обнял и укрыл ровные ряды книжных шкафов, переполненные и отчаянно просящие своим видом избавить их от одиночества и бесполезности.

— В этом доме жила династия чокнутых книголюбов. Тьфу ты, книжное проклятие какое-то! Куда ни плюнь, обязательно наткнешься на Достоевского, Булгакова, Куприна или Чехова… А, и еще Кафка с Гюго по углам распиханы.

Леонид Маркович еще мгновение постоял, удрученно осматривая амбарное книгохозяйство, перелистывая эту идею, а потом захлопнул ворота и вернулся в дом.

Вынуть книги из комнат его жилища оказалось не так-то просто. А надо ли было их вынимать? Хозяйское сердце не полнилось уверенностью в

своем решении до конца, где-то в темной глубине беспокоила ноющая боль. Сердце человеческое чуяло, но не могло подсказать загрубевшей душе, что книги на своем месте — и по-своему они тоже сердце и сосуды, оживляющие и напитывающие смыслом органы дома.

Носить по одной долго и мучительно, стопками — тяжело для его вечно ноющих суставов, а вот если уложить книжные кучки на пледы и завязать в тюки, то можно будет вытащить их на улицу волоком. Позже он решит, что с ними делать.

Леонид Маркович нашел несколько флисовых пледов и хорошо тянущихся покрывал из кулирки, захватил ажурное одеяло, что лежало на тахте и вязкой больше напоминало шаль, и даже сорвал лоскутный коврик из-под кухонного стола. На удивление, под ним пряталась дверца с тяжелым металлическим кольцом, наполовину утопающим в округлом углублении, — так вот что это был за бугорок. Леонид Маркович сдвинул стол и стулья и присел на пол, чтобы открыть неизвестный ход. Тугая дверца поддалась не сразу. Тонкая деревянная лестница вела в непроглядную темень. Он спустился до середины и заметил свисающий выключатель. Леонид Маркович щелкнул кнопку — лампочка еще была

жизнеспособна. Он огляделся и понял, что в его доме имеется приличный погреб.

— Ну хоть здесь нет книг, — буркнул он, оглядывая ряды с осиротевшими заготовками.

В пыльных банках красовались маринованные огурцы, помидоры, грузди и опята, кабачковая икра, лечо и всевозможные компоты. Леонид Маркович прихватил небольшую заготовку с солеными грибами, намечая, что в следующий раз возьмет красно-коричневые помидорки с красивым зонтиком укропа и крошечным патиссоном внутри.

Первый книжный куль он собрал из тех стопок, что хаотично разбрелись по кухне и маленькой прихожей. Все это отняло у Леонида Марковича неимоверное количество сил и энергии, и, вытаскивая ношу на крыльцо, он решил, что на сегодня работы достаточно.

— Здоров, дядь Лёнь. Вы чего там, дом от трупов очищаете?

Гера с приветливой улыбкой наблюдал за барахтающимся Леонидом Марковичем, стоя у калитки. У его ног, фырча и по-кошачьи порыкивая, сидел Франческо, который что-то с аппетитом уплетал.

— Помог бы лучше, — покосился на него Леонид

Маркович и, заметив кота, добавил: — Чего это он там? Опять мышь поймал?

— Да какая мышь, — усмехнулся Гера. — Я поесть ему принес. Вы-то, гляжу, не больно его жалуете.

— И давно ты его подкармливаешь?

Леонид Маркович возмутился, но быстро успокоился, вспомнив проказы кота с продуктами.

— Да так, бывает, — Гера пожал плечами и, радуясь, что их прежняя ссора сама собой сошла на нет, поспешил к Леониду Марковичу. — А что в тюке?

— Книги.

— Книги?!

— Да, книги. Чего по сто раз спрашивать-то?

— И куда вы их?

Гера, готовый помочь, остановился, оглядывая выпирающие бока пледа.

— На помойку хочу отнести. Не нравятся они мне — места много крадут. Пылью весь дом провоняли. Да и вообще тоскливо мне от них.

— А, ну если тоскливо, — кивнул Гера задумчиво и, помолчав, оживленно добавил: — Так у нас же библиотека в Сагибово есть! В Доме культуры! Давайте ваши книги туда сдадим. Чего добру зря пропадать. Там вам еще и спасибо скажут за

такие богатства.

Леонид Маркович остановился, выпустил из рук скрученный край пледа, потер уставшую поясницу и угрюмо посмотрел на Геру.

— Чего раньше-то не сказал? Ладно, потащили обратно в дом.

Гера хмыкнул и принялся помогать.

Они сдвинули куль ближе к шкафам с книжными полками, толкнув потертые сосновые бока широких этажерок. Фарфоровые и бронзовые сувениры, пылящиеся у корешков книг, неодобрительно закачались, заволновались, заерзали. Лепестки пластикового цветка задрожали на стеблях-пружинках. Крошечный винтажный клоун с фарфоровым личиком захохотал звонким булькающим бубенцом, спрятанным в его ватном туловище. Этот смех больше напоминал икоту, но, разрезая тишину, так и рисовал смелую картину оваций, ведь каждая мелочь, деталь, безделица и сувенир ликовали: книги возвращаются на место, а это значит, у них с хозяином еще будет возможность порядочно познакомиться и ужиться.

— Я вообще-то вам шарлотку принес. — Гера отряхнул ладони и достал из сумки еще теплый кусок яблочного пирога, завернутый в шеле-

стящие газетные листы. — Аленкина бабушка передала.

— А-а-а, — Леонид Маркович глянул на него недоверчиво и сердито. — Ну пойдем, что ли, чаю попьем.

Гера замялся, чувствуя неловкость от последнего их разговора, но старался не подавать виду.

— А чего ты все к ней наведываешься, если у нее жених есть? — Леонид Маркович пытался замаскировать жалость наигранным интересом или поучительным упреком.

— Да не могу я отступиться. Мимо дома ее пройти спокойно не могу. Не получается. Аж тянет всего зайти. Вот даже и дела нет, а глупость какая-нибудь приходит на ум, лишь бы повод сочинить, чтобы с ней повидаться, голос ее услышать, ямочками на щеках полюбоваться. Понимаете? Вот что мне делать?

— Ямочками, значит, — отчужденно повторил Леонид Маркович, неаккуратно бухая кружки с кипятком на стол, отчего липовое пойло хлюпнуло через края и растеклось по столу. — А жених ее часто приезжает?

— Приезжал, когда бабушка его тут жила. Но только я не знал, что он Аленку мою захомутал. Однажды встретились мы с ним нос к носу. Он

со двора ее выходил. Я говорю: «Ты чего здесь забыл?» А он мне: «Ты сам-то чего приперся? Кто такой? Я к невесте своей пришел. Любовь у нас с ней. Глядишь, насовсем ко мне в город переедет». — Гера с досадой мотнул головой, глядя в сторону, и продолжил: — В общем, сказал он мне, чтоб я к ней не совался. У нее с ним в городе перспективы, будущее большое, а я, мол, дубина деревенская.

— А ты чего?

— А чего я? Сказал, что без него разберусь, что мне делать. Он сел в машину и уехал, а она следом на крыльцо выбежала. Я как увидел ее улыбку, легкость, радость, сразу понял, что шансов у меня никаких. Видно же, что влюблена она по уши. Я тогда, конечно, развернулся и домой пошагал, но каждый раз, как мимо прохожу…

— Так, мож, она не из-за него радовалась?

— Ой, да бросьте вы, дядь Лёнь, утешать. Мне ж не пять лет, чтобы в сказки верить.

— Ну да. — Леонид Маркович доел свой кусок шарлотки и, не ожидая от себя такой щедрости, от души похвалил угощение: — А стряпня-то удалась на славу. В пироге эти кислые яблоки самое оно.

— Угу. Ладно, пойду я. Спасибо за чай. А, кстати,

опять чуть не забыл: у вас же там дымовик за калиткой разросся, собрали бы, пока не состарился.

— Что еще за дымовик?

— Ну дедушкин табак. Гриб такой. Полезный, между прочим. Главное — срезать пока молодой.

Леонид Маркович фыркнул, махнул рукой и, все еще плохо ощущая важность подобных советов, добавил:

— Возьми себе. Мне не жалко.

Гера усмехнулся, засобирался. Леонид Маркович проводил его, выспросил, как отыскать Дом культуры, переоделся и пошел договариваться о том, чтобы жилище его наконец освободили и очистили от ненужных и неприятных ему бумажных коллекций. Он все еще верил, что решение, за которое зацепился и которое придумал себе как важное дело, было необходимым, правда, уже без прежней твердости.

Заблудиться в Сагибово было невозможно. Одна-единственная улица — Амурская — кривой буквой «П» с закрученной ножкой ложилась на просторной территории, выстланной зеленью мятлика и овсяницы. Дом Леонида Марковича с литерой «4А» находился над «шапкой» буквы, там же еще пара дряхлых домиков и поросший шиповником спуск в виде деревянного мостика.

Две ровные дорожки, на которых дома, будто редкие зубья расчески, уходили далеко вперед с правой стороны, уныло глазея на Амур и собравшись скромным хороводом в конце улицы слева, предвосхищали бугристые тропки к сопкам и полю. Где-то вдали две тропы по левую сторону сливались в одну, что разрезала широкие луга, змеилась, раздваивалась, одним своим концом уходила далеко в лес, а другим — перерастала в озеро Кривое, формой своей напоминающее продолговатую мандариновую дольку.

Казалось, село широко и велико в размерах. Бродить по его дорожкам можно бесконечно. Хотя концом карты виделся дом Леонида Марковича. Он жил с краю, что называется на отшибе, отделенный от стоящих ровным рядком избушек и огородов полукруглым мостиком, прячущимся в зарослях дикого шиповника и плакучих ив. После колючих кустарников широкий и долгий луг отрезал дом от основной улицы, перерастая в мощный ободок из цветущих деревьев и сочных травянистых многолетников, заключивший его двор в плотные объятия. А с другого края улица преграждалась пыльной пустой дорогой; домики заканчивались, и через небольшой пустырь начинался еще один скромный проулок. Тут,

оторванные и неказистые, коротали свой век еще два дворика, как меха гармошки, неровно расположившиеся на округлой, вздыбившейся почве; Дом культуры, фельдшерско-акушерский пункт, почта и заброшенное здание местного сельсовета, ведомство которого уж много лет было передано в соседнее село. ДК правда тоже пустовал — недострой, на который вначале возлагали большие надежды, но бросили после сильного наводнения в две тысячи тринадцатом. Сельские мероприятия снова перенеслись в прежнее обветшалое здание, расположенное посредине буквы «П», и каким-то загадочным образом, из-за густоты трав и деревьев, перекоса почвы, будто укрывающей строение, или из-за его дряхлости, прежний Дом культуры становился едва заметным на общем фоне, растворялся, утопал в собственной серости и никчемности, будто его давно уже не существовало.

Леонид Маркович по рассеянности все-таки прошел мимо — в конец улицы, где пустовало здание недостроенного Дома культуры. Опомнившись, он махнул рукой, мысленно выругал себя и направился в обратную сторону. Он волновался, жался ближе к левому краю, чтобы снова не встретить здесь спятившего деда Ибрагима.

Леонид Маркович не знал, как вести себя с ним в следующую встречу. Понимал, что в глубине души ему очень жаль старика и отогнать его от себя он не посмеет, но и разыгрывать заботливые сцены с обещанием, что загадочный Лука скоро придет, он тоже не смог бы.

Прогулка выдалась удачной: в такое пекло никто из сельчан ему не встретился, дед Ибрагим не шатался по улицам, волнение спало.

— «Архаринский районный Дом культуры, село Сагибово», — спокойно прочитал Леонид Маркович на козырьке старого кирпичного здания.

Шифер на входном изголовье поредел; на окнах стояли давно не крашенные витые решетки, нагоняющие уныние и ужас; оббитый и сколотый кирпич поблескивал на солнце рыжими матовыми боками, которые, потеряв куски облицовки и краски, походили на вскрытые раны, уже слегка заветренные и остывшие от сухого летнего воздуха.

Леонид Маркович потер ладонью вспотевшие лоб и шею. Кожа стала липкой, и он чувствовал, как сильно его одежда источает кислый аромат пота. Ему хотелось пить и присесть где-нибудь в тени, чтобы дать отдых уставшим ногам.

Он потянул ручку, пружина напряглась, про-

тяжно зевнула, заскулила и взвизгнула, и дверь с грохотом захлопнулась за его спиной. Внутри царили полумрак и прохлада. Леонид Маркович побрел вперед в поисках людей и библиотечного кабинета.

Первый этаж оказался спортивным залом — стены были разрисованы в манере Олимпийских игр, по краям торчали, как две каланчи, башни с баскетбольными кольцами. Четыре кабинета за актовым залом — два с левой стороны и два с правой — оказались заперты. Леонид Маркович поднялся на второй этаж. Одна из дверей в конце коридора была приоткрыта, и он сразу направился туда.

— Вот это фуршет! — протянул Леонид Маркович, будто распахивал фразу, как объятия, при виде долгожданного друга.

В центре кабинета просторным кружком разлеглись вязаные коврики и пестрые подушки. За ними, у окна — теннисный стол и большой настольный хоккей. С краю у стены — барная стойка с угощениями из канапе, золотистых апельсинов, порезанных на дольки, свежих булочек, щедро политых сгущенкой и присыпанных корицей, и стройный рядок бутылочек с ледяным лимонадом, на толстом стекле которых сияли

нещадные капельки конденсата.

«Пить хочется ужас как. В горле пересохло…» — подумал Леонид Маркович, видя, как холодные капли скатываются по стеклянному горлышку бутылок, и поспешил войти.

— Вы это куда? Извините? Туда нельзя!

Его окликнула невысокая, но строго запакованная в сказочные кружевные слои юбок и блузок надушенная и напудренная женщина, похожая на советскую куклу. Кружевной воротник-стойка на ее шее плотно застегивался на увесистую брошь с темно-зеленым малахитом, а в собранные желтые локоны были вставлены фигурные шпильки с бежевыми бусинами на вершинах.

Леонид Маркович растерялся, будто пойманный на преступлении.

— Этот зал только для членов книжного клуба, — ее строгое замечание сильнее иссушило его горло и впилось острой иглой, мешая говорить.

— А… Я… я как раз хотел в него вступить, — соврал Леонид Маркович, оглядываясь на лимонад и спелые апельсины.

— Неужели, — с одобрительным придыханием выронила она. — Ну тогда пойдемте сначала ко мне в библиотеку, я заведу на вас читательский билет. И вам придется немного подождать: встре-

ча начнется только через двадцать минут. Агата вам все расскажет…

«Двадцать минут — целая вечность», — подумал он.

Ее каблучки разрезали тишину здания, эхом отскакивая в разные стороны и оповещая длинный коридор о том, что в старенькой доме еще теплится жизнь — культурная, посвященная книжным мероприятиям, тихая, размеренная и настоящая.

— Возьмете какую-нибудь книгу? Посоветовать вам что-нибудь?

Тембр ее голоса был настолько ласковым, мягким, обволакивающим книжные залы, словно медовый цветочный аромат.

— Э-э-э, нет, я, пожалуй, пока так схожу — присмотрюсь, — растерянно отмахнулся Леонид Маркович.

Она улыбнулась и кивнула. Леонид Маркович желал скорее ускользнуть из библиотеки и жалел, что соврал об истинной причине своего посещения, а теперь говорить правду было бы неловко и смешно. Он подумал, что скоро можно будет составлять список из необдуманных поступков этого лета.

Библиотечная карточка была заполнена.

Настенные часы в круглой деревянной раме громко отмеряли оставшееся до встречи время. Чтобы не выглядеть глупо, Леонид Маркович все же постоял у книжных полок, изображая, что здесь есть интересное для него издание. Он задумчиво глазел, растягивал шаги и, достигнув конца книжного ряда, переходил к следующему. Часы тикали громче, тишина становилась четче, неловкость нарастала — нельзя же уйти с пустыми руками, когда так долго изучаешь полки.

— Можно я все-таки вам подскажу, — не выдержав, библиотекарь сорвалась с места и, плавно виляя пышными подъюбниками, направилась к дальней полке. — Вот. Думаю, вам будет интересно.

Она бережно прижала к себе книжку, а потом протянула ему. Леонид Маркович не возражал.

Книга оказалась совсем новой. На обложке красовался пышный цветущий уголок, ухоженный до идеальности, приютивший птиц и разных насекомых и протягивающий ко взору читателя тяжелые желтые бутоны.

«Мой сад. Путешествие к себе»[1], — про себя

---

[1] Примечания: 1

Имеется в виду книга: Жоливо Н. Мой сад. Путешествие к себе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. *Здесь и далее, если не указано иное, прим. литред.*

прочел Леонид Маркович.

— Совсем новая, — удивился он, заметив год издания.

— Да, это из новинок, — радостно проворковала библиотекарь. — Раз в полгода закупаем. Правда, денег выделяют немного, поэтому по количеству все скромно. Но интернет — дело великое: мы с Агатой следим за каналами издательств и вносим в вишлист приглянувшиеся последние издания.

Леонид Маркович хмыкнул, полистал книгу, делая вид, что заинтересовался, и снова взглянул на часы.

— Ой, — библиотекарь дернула плечами, проследив взгляд Леонида Марковича, и, заметив который час, добавила: — Что же я вас задерживаю. Вам пора уже. Идите. Книгу я впишу.

Леонид Маркович кивнул и поблагодарил ее. Выйдя в коридор, он почувствовал облегчение, неловкость скатилась с его плеч — наверное, зря он не сказал ей настоящую причину своего визита, зря соврал про посещение книжного клуба. Только теперь ведь не скажешь, что дело совсем не так обстоит. Взрослый человек, а занимается ерундой, подумают другие.

Он медленно и спокойно шел по коридору.

Дверь в зал книжного клуба была открыта, за ней слышались уже радостные беседы и теплые ноты приглушенной мелодии, льющейся из маленькой колонки.

Леонид Маркович остановился, раздумывая: бросить все и скорее уйти или заглянуть. Все-таки приятная обстановка, интересное происшествие, да и угощения с холодными напитками — о них он думал сейчас больше, чем о книгах. Правда, тревожился, что на встрече, наверное, нужно будет о чем-то говорить.

— Вы к нам? — Девушка лет двадцати выглянула в коридор, ухватившись за дверную ручку и намереваясь прикрыть дверь и приятную картину их мероприятия. — Заходите скорее, уже начинаем. Что у вас? Ах, «Мой сад». Я так и не успела прочесть…

Леонид Маркович замялся, выдавил из себя что-то бессвязное, а потом скользнул внутрь теплого книжного мирка, и дверь за его спиной захлопнулась.

Внутри зашевелились, будто в уютной норке, закивали, улыбаясь, осматривали исподтишка удивленно, мысленно протягивали дружественную ладонь.

— Да вы присаживайтесь, присаживайтесь,

места много, всем найдется. — Пышная кудрявая женщина, сидевшая в углу на вязанном узором-спиралью коврике и стопке разноцветных тощих подушек, поманила его такими же мягкими «сиденьями» из пряжи.

Леонид Маркович нерешительно оглядел их книжный кружок, больше напоминавший пушистое нитяное гнездо, и уселся в сторонке.

— У нас сегодня новый участник, — заметил кто-то.

— Здорово, рады знакомству, — подхватили остальные.

— Почитаем от нечего делать! — широко улыбаясь, пошутила девушка в больших очках, но тут же помрачнела, будто смутившись собственной шутке.

Кто-то уже занял место, а кто-то только выбирал уютный островок, сняв обувь и усаживаясь в кружок. Читатели поправляли пестрые, будто перепачканные краской подушки, раскладывали перед собой книги или уже пролистывали лежащие на коленях томики. Пышная женщина с небрежными кудрями достала клубок и спицы из тряпичной сумки и принялась вязать, украдкой посматривая на схему в журнале, который расположила на пластиковой подставке перед собой.

— Ну что ж, прежде нам нужно познакомиться, — заметила она, не отрываясь от вязания. — Что вы читаете?

Леонид Маркович растерялся. Устремленные в его сторону взгляды наполнились ожиданием. Но ответа у него не было и, как ему казалось, быть не могло.

— Ничего, — хмуро бросил он. — Я вообще-то не люблю читать. Скучное это занятие. Да и зашел случайно… Наверное, все-таки зря…

Тревожный перестук спиц смолк, и вязальщица подняла на Леонида Марковича растерянный взгляд.

— Варвара Степановна, чего вы сразу с вопросами? — подхватилась девушка, которая и пригласила Леонида Марковича войти. Она с преласковой улыбкой поглядела на женщину, обронившую клубок на колени, и теплым, лилейным голосом продолжила: — Давайте сначала мы немного расскажем о себе, представимся, а потом уже черед нашего гостя.

Ее звали Агата. Она в одиночку придумала этот книжный клуб, чтобы хоть чем-то занять сельчан. Хотя, как показалось Леониду Марковичу, занимать человека в селе — лишняя забота: тут и без того трудов от зари до зари найдется. А

книги, да и вся эта вязано-бумажная благодать, обставленная уютными полками, картинами и бесчисленными цветочными горшками в треногих кашпо, как виделось, собирались ею совершенно для другого.

Агата говорила, что верит в книги, в их силу и исцеляющую возможность. В книгах ответы на любые вопросы, разгадки, подсказки, напутствия, наставления. И от скуки найдется совет, и от неизлечимой душевной раны. Книги унесут, скроют в своих мирах, дадут пищу для ума и души — вот только говори о них, рассуждай о прочитанном, размышляй над нитями историй, иначе духовная пища впрок не пойдет, не взрастет живым и верным семенем.

Так спокойно она рассуждала, с теплой улыбкой, ласково, напевно, что хотелось слушать ее, замерев. И как затейливо длилась эта речь! Агата выглядела какой-то удивительной, сияющей девочкой — сияние ее, конечно, было никому не видимо, не явно, но осязаемо сердцем.

Она не доучилась в музыкально-педагогическом колледже, но искусство было ее призванием, она чувствовала и понимала это всей душой, поэтому и устроилась в сельский Дом культуры. Поначалу организовывала праздники и разные

мелкие мероприятия с дискотекой в финале, но они не успокаивали ее, не наполняли. Как-то, помогая библиотекарю с перестановками, она прихватила домой «Анну Каренину» — так, почитать перед сном пару страниц от дурных мыслей, ради усыпления и успокоения. А потом, через какое-то время, неожиданно и странно поняла, что перечитала уже половину библиотеки, но не это было главным, а то, что о книгах ей хотелось рассказывать всем и каждому, обсуждать, переворачивать судьбы и поступки. Но как говорить, если чтение не в моде и единомышленников по пальцам перечесть? Агате помогли ее организаторские способности. Хотя, может, люди и сами потянулись на ее зов — не на истории о чтении, а на что-то другое — доброе и светлое, то, что они получали, чувствовали, что получат, в ходе этих бесед.

Книги для совместного чтения выбирались чаще из соображения настроений. Читали заранее, готовились, а бывало, пили глинтвейн или чай на шиповнике с ароматной выпечкой и читали прямо на встрече, подкрепляя духовную пищу горячим напитком и искусным угощением.

Сдружились. Сроднились так, что приходили уже больше за эмоциями, за чистым сиянием

от этого книжного единения и искреннего дружелюбия. Создали в этом читательском мирке намерение, в котором были отдушина и подкрепление их смыслов.

Следующей за Агатой слово взяла та самая общительная женщина с вязанием — Варвара Степановна.

Она брала исключительно книги по рукоделию, жила своим занятием, любила его и лелеяла. На встречах слушала и «поддерживала нарядный дух благожелательных бесед», как она сама выразилась, сделав гордый жест головой и широко, от души улыбнувшись.

Варвара Степановна и украсила их читательский мирок многочисленными рукодельными ковриками, подушками, кашпо и причудливыми ангелами и листьями в технике макраме, которых на стенах было теперь сверх нормы.

Рядом с Варварой Степановной сидел молодой мужчина. На вид ему было лет тридцать семь, может быть тридцать пять, — выглядел он свежо, но паутинка еле заметных морщинок уже покрывала уголки глаз. Он казался странным, излишне стеснительным, тер ладони в волнении, говорил сбивчиво, глупо и невпопад улыбался и так же невпопад пытался пошутить и посмеяться между

фразами. Его звали Анатолий, и он «создавал выпечку»: хлеб с семечками и орехами, сахарные булки, маковые рулеты… Наверное, хлебобулочный список он мог продолжать бесконечно, как бесконечно могла говорить о книгах Агата.

— Да что там хлеб! Что там хлеб с вашими рулетами, господи! — восторженно перебила Варвара Степановна. — Ты лучше расскажи про свои пироги! — Она пристально посмотрела на Леонида Марковича, прикрыв нарочно рот ладонью, будто рассказывая ему по секрету то, что в этот момент слышали и остальные. — Толечка нам такие пироги печет с апельсинами! Если попробуете, умрете от счастья! А тот, прошлый, молочный, с кислыми ранетками и сметаной, м-м-м…

Анатолий покраснел, невпопад поправил завивающуюся челку, отчего чуть не уронил очки, сбив заушник. Остальные закивали и заразительно продолжили петь похвалы искусным пекарским умениям Анатолия.

Леонид Маркович не восхищался. Его отвлекал смятый по краю воротничок Анатолия. Клетчатая серая рубашка была плохо выглажена и оттого придавала мужчине неряшливый вид. А проклятый ворот не давал покоя, так и манил, так и отвлекал Леонида Марковича. Эх, будь Ана-

толий хоть на минутку его сыном, он бы мигом вскочил, одернул ему рубаху, пристыдил бы за разгильдяйство. Хотя он и сам в последнее время не особо-то задумывался о внешнем виде. Но это он — себя-то он знает, за собой следит, кое-как, но следит. А тут — молодежь! И взглянуть дико, думал Леонид Маркович. Хотя, наверное, в первую очередь нужно будет начать с себя, преподать урок, прийти в следующий раз, одевшись как подобает выходить из дома.

Еще три участницы знакомились тихо, смущаясь. О занятиях не упомянули, но ласково отозвались о книжных посиделках, подтвердили их важность и благодарили Агату за то, что переменила их жизнь.

Одну из них звали Нина. На вид ей было лет восемнадцать. Ее выделяло черное с пепельным отливом каре, уголки которого падали на лицо, а когда она сутулилась или опускала голову в задумчивости, то налакированные пряди смыкались на щеках, скрывая от общества и Нину, и ее огромные с толстыми стеклами очки. Хотя, видимо, об этом она и мечтала — по всей фигуре ее, по повадкам, закрытости и тишине, даже по выбранным цветам ощущалось, что она прячется — неясно, от кого и зачем, но ей явно удавалась

неприметность. Нина была человеком-невидимкой — снаружи и внутри себя.

Другая — Надя, перебирала в руках хвостики цветных закладок, бесчисленным количеством торчащих из ее книги. Она, как показалось Леониду Марковичу, не выговаривала «р», но, может, ему только так показалось, ведь слова она произносила еле слышно, будто выдыхала невесомые и бесцветные буквенные символы. Волосы Нади свисали сосульками по плечам. Торчащие уши из-за заправленных за них локонов выглядели по-ребячески смешно. При разговоре Надя постоянно жестикулировала тонкой, почти детской ручкой. Надежда была тощей и бледной, как потерявшая всякий смысл, высохшая и поддавшаяся болезненной скуке какая-нибудь героиня ее книги — обязательно вдовая графиня или безвольная девушка, без любви выданная замуж за престарелого богача.

Последняя — Геля, чем-то напоминала ему бабушку, хотя на вид ей было лет сорок, может сорок пять. Она укрывала плечи вязанной треугольником шалью с плохо обработанными краями. Постоянно поправляла ее, сильнее натягивая на шею, хотя в помещении было тепло, а на дворе творилось цветущее лето. О себе Геля сказала

только, что пришла за компанию с Ниной, да так и прижилась в их уютном уголке.

Когда круг беседующих замкнулся и участники в немом молчании посмотрели на Леонида Марковича, он вздрогнул, будто и не ожидал, забыл, не готов был что-то о себе сказать. Сложив руки на груди, он хмыкнул и небрежно брякнул имя и возраст.

— Книг я не читаю, — добавил он, чуть помолчав. — Не интересовался пока. Даже не знаю, что рассказать. Увлечений у меня нет, но вас было интересно послушать. Наверное, еще зайду…

— Ой, а что это у вас в руках? — по-лисьи щурясь в улыбке, спросила Варвара Степановна.

— Где? А, это?

Леонид Маркович приподнял книгу, которую до того всучила ему библиотекарь.

— Да, да, это.

— Даже не знаю, — он опустил голову, будто рассматривая обложку, — в библиотеке взял. Точнее, дали. Сам бы я…

— Это чудесная книга, — подхватилась Агата. — Обязательно прочтите. Вам она пойдет на пользу, вот увидите. Ни одна книга не попадает под руку случайно.

Анатолий по-доброму усмехнулся, смотря на

них, а потом доброжелательно добавил:

— Прочтите-прочтите. Они меня так же на кулинарные книги подсадили, теперь вот сами видите, — он кивнул в сторону столика с угощениями.

— Зато теперь у нас тут идеальная компания. — Варвара Степановна погладила его по плечу, сияя, будто заботливая мать, переполненная радостью и гордостью за сына. — И пи-ро-ги, — протянула она по слогам и расхохоталась на последнем звуке.

Разговоры иссякли так же внезапно, как и возникли. Леонид Маркович и сам не понял, как стрелка часов успела опуститься к вечерней доле циферблата, как захватившие его истории вырвали и унесли из реальности и как все снова встало на свои места — обыденности, жизненности, одинокости. Прислушиваясь к спорам и рассуждениям, он подумал, что такие состояния, быть может, испытываешь в момент чтения, а когда последняя страница оповещает о том, что книга окончилась и пора возвращаться, ты никак не привыкнешь, что реальность на самом деле здесь и ее не переписать.

Он хорошо понимал, что читать книги и говорить о них, несомненно, два разных занятия, но

одно не может существовать без другого, создавая особенные эмоции, наполняя до краев высокими чувствами, неся успокоение, насыщение, выравнивая дыхание и пульс, будто в моменты возвышенного и трепетного ремесла. Находясь с людьми, посвящавшими жизнь книгам, можно было заверить себя, что осознанное и увлеченное чтение книг — одна из форм искусства. Чувственная, сложная в трактовках, подвластная всем и никому одновременно. Владеть ею правильно и красиво могли лишь особенные — те, чьи сердца были хрупки и открыты.

Леонид Маркович, увлеченный и взволнованный вечером, и не помнил, как оказался дома. Мысли все еще туманились и путались в голове. Какая-то необъяснимая радость и легкость обнимали его усталые плечи и шептали что-то неразборчивое, но определенно доброе и светлое.

Этот день закончился тепло и уютно, и сон был в нем приятным финальным словом. Засыпая, Леонид Маркович улыбался и думал о том, чтобы скорее наступила следующая встреча за книгами и с душевным чаепитием в завершении. Ему даже не нужно было рассказывать о себе, открываться и делиться сокровенным. Он просто хотел

снова очутиться в этих спокойствии и радости — чувствах, которые давно были им забыты.

Глава 6

Наутро Леонид Маркович пребывал в смятении: растерянно и взволнованно он лелеял возвышенность и свет, окутавшие его накануне, и по привычке противился, норовил снова закрыться от мира, отмахнуться от муторного настроения и жить по-старому. Ему казалось, что произошедшее вчера было благой переменой, но недоверие в душе пыталось погасить зачатки добра. Он чувствовал, что люди, в кругу которых довелось побывать, искренностью своей отогрели его душу, успокоили, подпитали сплоченностью.

Вся эта встреча и новое занятие, появившееся в его судьбе, неожиданно и нелепо обрели над ним влияние, побудили к ответственности за собственную жизнь, про которую он давно и думать забыл, намереваясь скрыться от всех в темноте комнат, а позже и вовсе в глухом поселке. Впрочем, он догадливо улавливал свои настроения

и мысли и определенно соглашался с тем, что и место это не просто так возникло в его судьбе: все было к лучшему, все исцеляло, оздоравливало дух его незримо, понемногу, тайком, вытаскивало из омута тяжелой судьбы. Но он по-прежнему боялся и был убежден, что радости человеку положено меньше, чем горестей и преодолений.

— А может, это странное дело и не по мне вовсе, — порой спрашивал он себя, проходя мимо книжного шкафа и заглядываясь на него, будто смотрясь в зеркало. — И чего мне сдались эти книги? Дел, что ли, у меня нет других? Ерунда. Глупости. Курам на смех.

Так он возмущался наедине с собой, а все же тянулся на полку за книгой, рылся в пыльных книжных стопках дома, чтобы добыть заданный к следующей встрече томик. Через несколько встреч почти запомнил расстановку в домашней библиотеке и даже вывел в ней некую логику. Немного позже и вовсе расставлял книги уже по-своему, подмечая собственный книжный комфорт и уют.

В книжном клубе все больше углублялись в классику. В день знакомства, случайного визита, библиотека Сагибово предстала длинной, наполненной, выстланной бесконечными стеллажами

и рядами книжных богатств, а позже, в привычном уже посещении, виделась ему как читателю скромной, недостаточной и бедной.

Классики, впрочем, и в его доме было немало. Леонид Маркович даже пару раз просил Геру привезти из города какую-нибудь интересную новинку, когда тот навещал его с продуктовыми пакетами. Гера изумлялся этим просьбам, вел бровью, нарочито заглядывал в глубь зала и кивал на книжные шкафы: мол, мало, что ли, у вас тут коллекций, и не вы ли, дядя Лёня, недавно грешили сбыть всю печатно-буквенную макулатуру на свалку?

Но Леонид Маркович долго не размышлял и не спорил. С Герой отныне мало делился личным, был скуп на беседы. Оказалось, что книги не так бесполезны, как он несправедливо считал ранее. И теперь он жаждал нового уединения, того, что пряталось на шуршащих, манящих, отнимающих волю и вволю дарующих новые сюжеты жизни пожелтевших и мятых или белых и ядовито-пахнущих страницах. Впрочем, наблюдать за беседами в книжном клубе он тоже был не прочь. Агата даже заметила, мол, такое поведение присуще полным интровертам, поэтому отстраненность и закрытость Леонида Марко-

вича никому не в обиду. На что Варвара тут же возразила, мол, если рвется человек в компанию, желает находиться в гуще событий, то никакой он не интроверт — просто человеку никак не найти душевного спокойствия и мира, вот он и цепляется за каждый луч. А тут, среди книг, тепла и тишины предостаточно.

На последней книжной встрече говорили об «Обыкновенной истории» Ивана Гончарова. Леонид Маркович едва справлялся с волнами чувств, но продолжал молча слушать окружающих. Какие теплые и искренние изречения лились в пользу высокого искусства, любви, помыслов и намерений главного героя в начале. Какие споры завязались о концовке романа, и какими интересными деталями писательского пути делились участники.

— А как Гончаров любил Пушкина!

— Точно, любил и восхищался… Я где-то помечала об этом, сейчас зачитаю. — Нина пролистала внушительной толщины тетрадь с яркой надписью «Читательский дневник». — Вот. «Не умею выразить, как велико было наше наслаждение, — записывает от их имени Гончаров, — видеть и слушать нашего кумира». Это был не просто визит любопытствующего посетителя. Студенты

видели перед собой поэта, находившегося на вершине славы и успеха, на которого именно в то время начинали смотреть как на национальную гордость России[2].

— А про лекцию Давыдова вы прочли? — перебила Агата с горящими глазами.

— Это где он сказал про теоретиков и искусство?

— Да, да!

— О-о-о, я представила этот момент!

Они смеялись, оживлялись так рьяно, обсуждая судьбу писателя, про которого Леонид Маркович в своей обычной жизни и думать бы не стал. Впрочем, он бы и о других не подумал, но тут такая лавина эмоций! Сложно оставаться недвижимым камнем, когда вокруг тебя все колышется — тут или заденет и уронит, или накинется и заразит.

— А как это красиво звучит: «Я писал свою жизнь и то, что к ней прирастало».

— Удивительно красиво.

— Ну, мы уже слишком отвлеклись. Давайте вернемся к Адуевым?

— Да, да…

---

[2] Примечания: 2

В статье И. А. Гончарова «Солнце над аудиториями…» рассказывается о посещении А. С. Пушкиным Московского университета 27 сентября 1832 года. *Прим. авт.*

— Как вы думаете, концовка обязана ли идее того времени? Это годы, когда романтизм вымещался реализмом. Повлияло ли это на финал?

— Белинский пишет…

— Если подумать, эпоха была активная, деятельная. Это то, что Гончаров пронесет в своем творчестве…

— Ой, а у вас не было ощущения, что Александр уведет тетушку у дяди?

— У меня при каждой их беседе было такое ощущение!

— Ой, а как смешно Евсей докладывал матери Александра об обедах и ужинах!

— Точно, огурцы-то дорогие!

— Угу, едят что попало!

— Ну что сказать, Евсей-то не поужинал, вот и разговоры такие!

Живая беседа вспыхивала заразительным хохотом. Леонид Маркович находил интересными, талантливыми, иногда удивительными факты биографии и моменты сюжета, но оставался сдержанным. Он по-прежнему считал трепетные излияния лишними, не баловал окружающих улыбками, молчал.

— Мы так долго это обсуждаем, а в то время писали, что это «бесталанная история», — перебила

Агата очередную волну эмоций.

— Кто это писал?!

— Да! Кто этот нехороший человек?!

И снова волна неудержимого хохота.

Леонид Маркович разглядывал их, смеющихся и каких-то родных, разгаданных — открытых и прочитанных, не полностью, но уже с очевидными, предугадываемыми развязками и финалами. Он словно узнавал в них себя — отдаленно, еле уловимо. Они были уже другими, но виделось, ощущалось, что однажды каждый из них был ранен и им тоже пришлось столкнуться с несправедливостью. Шрамы остались глубоко внутри, но глаза уже не выражали болезненности. Люди, которые исцелились книгами и разговорами о них, нашли в них утешение и опору и теперь становились таинственными историями. Их непростые судьбы достойно бы обернуть в темные дорогие переплеты, украсить завитками позолоченных надписей и поставить на полку, где они будут проживать свой век, но кто-то обязательно заглянет, дотронется, прочтет и узнает. Наверное, это будет судьбоносный момент — для читателя, конечно.

Когда принялись зачитывать цитаты и отмеченные «особенные» места, Леонид Маркович, в

который раз уступая слово, махнул рукой. Чтецы привыкли, понимали и не спорили; следующий быстро подхватывал свой черед, делился драгоценным куском текста, а Леонид Маркович задумчиво наблюдал, слушал.

И как много общего находил он с дядей Александра. Племянник был человеком хрупкой душевной организации, тонко чувствующим, увлеченным поэзией и окрыляющими душу мотивами. А дядюшка был его полной противоположностью: учил изнеженного родственника правильности и манерности, отпускал жесточайшие советы по поводу всей его открытости и чуткости.

«Что за человек! Таким и следует быть, чтобы не раниться об этот мир, об уроки судьбы, — думал Леонид Маркович, преодолевая главу за главой. — А племянник — ну сущий рохля и бестолочь. И повезло же ему иметь такого мудрого наставника в лице дядюшки. Хотя что толку! И где-то же споткнется он, где-то же образумится — пошли ему, наконец, урок посерьезнее», — бубнил еле слышно Леонид Маркович, перелистывая страницы. Он зачитывался, забывал о времени, предчувствуя, предугадывая тот самый урок, как только речь зашла о новой любви, о милой На-

деньке в ее прелестном синем платье и о графе, ворвавшемся неожиданно и в жизни влюбленных, и в планы Александра о женитьбе, и в мысли самого Леонида Марковича.

Впрочем, не все книги так увлекали его. Сам он пока не понимал, что выбирать к чтению и что больше всего ему по душе. Терялся, заплутав в дремучем лесу мыслей и философий вместе с Данте, бросал незавершенную «Божественную комедию» на середине, хватался за короткие рассказы Шолохова, Бунина, Паустовского. Понимал, что необычайная достоверность историй и их трагизм не выдумка автора или отчасти не выдумка. Снова метался в поисках книги, которая бы что-то исправила, может не в настоящем, не в будущем, а там — в прошлом, где все еще не заживало. Брался по совету Агаты за Лилиан Войнич, Маргарет Митчелл, сестер Бронте и, наконец, возвращался к Александру Дюма, Грибоедову, Островскому. Он знакомился с авторами и произведениями по порядку — будто имелся таинственный список заданной на лето литературы. Списка не было, да и порядка, само собой, тоже, но были полки, ломившиеся от книг, и он просто брал одну за другой, по очереди, не растрачиваясь на муки выбора.

Но на встречах, каким бы насыщенным ни было прозаическое путешествие накануне, Леонид Маркович чаще оставался вольным слушателем. Окружающие высказывались, восхищались прочитанным, трясли в руках принесенные томики. Леонид Маркович, манерно махнув ладонью и небрежно кивнув, угрюмо отрез*ал*: «Я пропущу ход». Его не уговаривали, понимали, привыкли. И уже следующий рассказывал с задором и любовью. А Леонид Маркович вспоминал и думал о том, что привело его в их компанию, — вовсе не любовь к книгам, а угощения и холодные напитки сманили, завлекли, заставили соврать и остаться. Но, побывав однажды в кругу открытых и интересных разговоров, он и их стал любить, привязался, чувствовал необходимость в этих встречах и жажду к чтению. Хотя и не сознавался на людях, скрывал заинтересованность. Все так же бурчал, о себе не рассказывал, мало проявлял участия и инициативы. Но его принимали и любили даже таким. В конце концов, как сказала Агата, книги рады каждому читателю: жизнелюбивому и угрюмому, тихому и говорливому, спокойному и неуемному, выплескивающему чувства напоказ или таящему их в себе непреложно и строго — любому. А они уж тем более.

Агата была хорошенькой. Доброй, чуткой, внимательной. Она скромно улыбалась каждому и озарялась сияющей улыбкой, когда кто-то говорил о книге больше, чем просто «мне понравилась эта история». Она говорила, что в книгах можно найти ответы на любые вопросы и рецепты от любых недугов.

Правда, рецепта от своей беды она еще не нашла, наверное, потому и продолжала читать книги, пока все они не иссякнут в библиотечных списках или пока не случится чудо.

— Мне и правда легчает, — созналась она неожиданно, не растеряв при этом своей лучистой улыбки и все того же скромного и милого очарования простой сельской девушки. — На мой вопрос ответа нет, но я успокаиваюсь, перебирая чужие судьбы. Утешаюсь тем, что в конце концов каждый обретает то, что ищет. Разве не это главное? Если нет ответа, то обязательно найдется пример, символ или путь, знаменующий, что надо продолжать идти. И я буду идти, пока во всех книгах мира не закончатся слова. А если для меня слов не найдется, значит, смысл был в том, чтобы быть символом, примером или ответом для кого-то другого.

Ее случайное признание коснулось Леонида

Марковича, когда в один из вечеров он задержался, доедая сахарный пирог с облепиховым вареньем и допивая остатки холодного ягодного чая. Он обещал, что поможет прибрать кабинет после встречи, вытряхнуть и сложить на полки коврики и подушки, вымыть чашки и блюдца.

Агата была взволнована, как, впрочем, в конце каждой встречи, подводя ее итоги и так поэтично философствуя, как в обычной, некнижной жизни не сумела бы выразить ни одну свою горькую мысль. Она сгребала со столика крошки и мятые салфетки и вдруг начала рассказывать:

— Я, наверное, эгоистка, раз все это создала? Вы же так думаете? Собираю вас всех, отнимаю время, заставляю делиться чувствами, читать, в конце концов, все эти печальные истории… Да кому они вообще нужны, эти книги!

Леонид Маркович подумал, что последний кусок пирога был лишним и сейчас застрял у него в горле сухим острым комком.

— Получается, мне нужно было какое-то спасение, и я нашла его здесь. — Агата будто нечаянно присела напротив, небрежно уронив на стол блестящий чайный поднос. С него тут же просыпались обратно бумажный мусор, фантики и запеченные до черноты карамельные звездочки,

которые не удались сегодня в десерте и которые никто не ел. Она продолжила, не дожидаясь ответа. Впрочем, по всей видимости, он ей был не нужен. Леонид Маркович понял это и просто приготовился выслушать.

— Вот вы думаете, что я всегда такая улыбчивая и заботливая, что у меня и проблем-то никаких нет, да? Знаю, что думаете. И другие так думают. А на самом деле все не так. Никто же не знает, о чем я по-настоящему страдаю.

Леонид Маркович раскрыл было рот, чтобы что-то возразить или поддержать беседу, но тут же смолк. Он и правда не знал, что ее могло тревожить. Жизнерадостность, которую источала Агата, ее теплый голос и участие во взгляде говорили о другом: она живет свою лучшую жизнь, легкую, беззаботную, наполняет себя радостью любимых увлечений, уверенностью удач и светом искренних откликов ее друзей, совершенно не тронутая и не раненная еще жизненными истинами.

— Мне порой кажется, что все, кто с нами тут обсуждают истории, смотрят на них из своих пережитых окошек. И каждую книгу примеряют к себе, к своей боли, к своей проблеме. Ответы в книгах множатся, но в руках нуждающихся

фразы приобретают форму мази или таблетки от любого недуга. Вот нас тут много, а лекарство одно на всех, потому что каждый понял и принял его по-своему. Каждый нашел в книге свой смысл и свое исцеление, понимаете?

Леонид Маркович едва кивнул. Тень мрачной задумчивости пролегла поверх глубоких морщин на его лице. Он невольно слушал, молча, почти окаменев и не выражая никаких эмоций ни мышцей морщинистого лица, ни похлопыванием по плечу, ни теплым объятием — никак. Будто его и не было в этих стенах, а история должна была быть рассказана…

Агата гордилась и безумно радовалась, что ей удалось вырваться, оставить жизнь в провинции, поехать в большой город и поступить. Большой город хоть и был в нескольких часах на поезде от Сагибово, а все же столица области — есть чем похвастать.

В университет ее не взяли, но зато в педколледж с руками и ногами ухватили, еще и общежитие бесплатное оформили — нарадоваться не могла. Учитель музыки — немудреная профессия, а работать везде возьмут: и в школе, и в саду, да и в Доме культуры пригодится.

Училась Агата прилежно, преподавателям

полюбилась сразу, и Ольга Владимировна, ее наставница по дирижированию, упросила директора взять Агату в их ансамбль. Так Агата познакомилась с Николаем.

В ансамбль определяли исключительные таланты колледжа, самородки, а потому ребята выступали и в областной филармонии, и в театрах, на площади в День города, да и во всех университетах и школах были желанными гостями. Репетировали, не жалея связок, каждую свободную минуту. И любую минуту они — Коля и Агата — ждали внеплановых распевок, сборов в дирижерском кабинете после пар, репетиций общих и отчетных — каждых, чтобы постоять рядом, скромно улыбнуться, раствориться от огонька во взгляде друг друга, легонько и незаметно прикоснуться кончиками пальцев.

И все завертелось, вскружило голову: от безумной радости, уносящей под небеса, до тошноты, когда день бросает тебя в объятия разлуке, — будто те самые качели, о которых они пели в новой динамичной и эмоциональной аранжировке Ольги Владимировны:

Lesti, lesti! Via! Montiam su la! Lesti, lesti! Via!

Montiam su la! Funiculi funicula…[3]

Все стремительно началось и так же стремительно закончилось.

Но до финала как же красиво и нежно он за ней ухаживал! В общежитии они больше не прятались, сцепились в одно целое, нерушимое и целыми днями сидели возле друг друга. Занимались учебой, ели, ходили в магазин, в библиотеку, распечатывать ноты — да что угодно, лишь бы вдвоем! Плавились от собственного жара, словно кусок еще сырого, незавершенного глиняного шедевра. Сливались, соединялись полностью, всем своим присутствием знаменуя единство и верность, которые непременно суждены и утверждены.

Обещали друг другу во что бы то ни стало старательно доучиться в колледже, а после поехать вместе в Хабаровск — поступать в Институт искусств. Обещали, клялись, скрещивали пальцы на удачу, радуясь общим мечтам и целям.

— А после, конечно, поженимся, — мечтательно добавлял Николай. — Снимем квартиру, будем работать в одном театре, ты всегда будешь мо-

---

[3] Примечания: 3

«Выше, выше, к белым облакам! Выше, выше к белым облакам! Качели тут, качели там!..» — отрывок из песни Funiculi funicula («На качелях»). Слова К. Валькадоса, музыка Л. Денца. *Прим. авт.*

ей музой, моей Джульеттой, и я буду целовать тебя даже на большой сцене, перед тысячами зрителей…

Когда у Агаты умерла мать, ей пришлось все бросить и вернуться в Сагибово. Николая она бросать не собиралась никогда и ни за что на свете. Верила, что он поймет ее положение и не раздумывая примчится следом, сюда, в этот спокойный, прекрасный край. А как иначе поступают любящие и верные?

Посреди учебного года, посреди жизни и любви, оставив за спиной надежды о будущем и вверяясь страху неизвестности и потери, Агата вернулась в село ради младшего брата. Он и с непутевой пьющей матерью-то совсем от рук отбился, а один бы точно пропал. Да и как оставить малолетнего мальчишку? Некому было поручить заботу о нем. А характер-то у него держись — он бы и не послушал постороннего.

— Ничего, Кирюша, не пропадем, — наставляла она брата. — Вот Коля мой диплом защитит, приедет к нам, научит тебя жизни. Совсем ты у меня от рук отбился.

Но, окончив колледж, Коля не торопился. А чуть погодя и вовсе предложил оставить брата, мол, не пропадет он в селе — привычный к сельской

жизни. Зато самостоятельности быстро научится, опыта нахватается, ничего с ним не случится. Да и звонить будем, узнавать, как он там, советовать… Все время на связи будем… Не ломать же себе жизнь из-за таких пустяков.

После того Агата еще долго и настойчиво звонила ему. Упрашивала, уговаривала, слезно молила, как могла. То начинала спокойно, то рыдала во весь голос и обвиняла его в том, в чем он, возможно, был не виноват и бессилен; под конец закатывала истерики, бросала трубку, перезванивала; потом и он обрывал разговор. Позже совсем перестал отвечать на ее звонки. Она писала сообщения и тут же обещала себе, что сдержится, покажет ему гордую и мудрую Агату. Но ночью снова плакала и снова набирала текст о том, что тоскует, что больше не может без него и что жизнь ее стала совершенно невыносимой оттого, что он так с ней поступил.

Когда после долгих выворачиваний чувств и трепания нервов сообщение оказалось не доставлено, Агата поняла, что Коля сменил номер телефона и что все ее слезные номера для него пустая истерика. Он двигается дальше, поет, творит, дышит той самой жизнью, которую она не могла с ним разделить, потому что у нее появились

обязательства и ответственность.

Бывшие одногруппницы рассказали, что он уехал и благополучно поступил в институт Хабаровска, как и мечтал. Как они мечтали. Устроился в театр уже на первом курсе и зажил своей сказочной жизнью. Ах да, и, кажется, он там с кем-то встречался… Да, точно встречался — из театральных… Хорошенькая, волосы длинные, худенькая, высокая, играет первые роли.

Счастливые качели и дальше летели то вниз, то вверх, уносили в облака и тянули обратно, а потом снова и снова, кружа голову от переполняющей радости жизни, — но только не Агату. Она давно потеряла веру в то, что вдвоем возможно усидеть на тонкой перекладине, — соскользнула, спрыгнула нечаянно и осталась навсегда на твердой земле. Одна. Не в одиночестве, но уже одна.

— Получается, все дело в любви? В разбитом сердце? — Леонид Маркович первым нарушил повисшую паузу. — Что ж, таких ответов разве нет в книгах?

— Я пока не нашла. — Она смутилась, глубоко вздохнула, вытерла нос ладошкой и заправила выбившиеся прядки за ухо. — Никто не знает, что я была влюблена. Наверное, окружающие списывают мою грусть на свалившуюся на меня

заботу о брате. Мне кажется, я так и останусь одна, потому что второй раз встретить самого лучшего человека на Земле просто невозможно.

Леонид Маркович поднял на нее полный сожаления взгляд. Она смотрела куда-то в пол, пытаясь сдерживать подрагивающие губы.

— Я думаю, самого лучшего человека на Земле встретил твой Николай. В твоем лице, Агата, — тяжело, мучительно, на болезненном выдохе произнес Леонид Маркович. — А ты такого человека еще и не видела.

— Вы так говорите, потому что совсем его не знаете. — Она все-таки подняла красные, почти стеклянные от слез глаза. — Творчество — это болезнь. Медленная, затяжная, бескомпромиссная. И чем больше ты стремишься и делаешь, тем сильнее заболеваешь. Я не такая. Я легко смогла оставить все это, чувствуя ответственность за брата… Да и вообще, надеялась и представляла, что с Колей у нас могла бы получиться, ну не знаю, семья… Даже без музыки и театров. Просто здесь, «в шалаше», как говорится. Я верила как слепая. А он нет. Он не мог бросить музыку. Потому что уже был очень сильно заражен сценой, уже бредил театром, и яд искусства нещадно и бесповоротно, с каждой новой мыслью, новой

нотой и партитурой, проникал в его кровь. Музыка отобрала его у меня. Он ни в чем не виноват. Если бы я могла быть рядом с ним, думаю, мне всю жизнь пришлось бы оберегать его тонкую натуру, как в тот раз — от мук выбора. Но мне потребовалось оставить его.

— Думаю, он не страдал и не мучился, — усмехнулся Леонид Маркович. — Ведь не предложил же он дождаться, когда Кирюша окончит школу. Тогда вы бы снова воссоединились, ты бы с братом приехала к нему, и жили бы, как вам мечталось.

— Я думала об этом, но все это слишком сложно. — Она замотала головой, будто убеждая себя в том, что Леонид Маркович не понимает, о чем говорит. — Извините, что я на вас тут обрушила, расчувствовалась что-то. Не знаю, что на меня нашло.

Агата подскочила, снова схватила поднос и наспех, неаккуратно поспешила завершить дела.

— Да нет, ничего, — скупо ответил Леонид Маркович и, помолчав, добавил: — Все, что касается любви и разлуки, я хорошо понимаю.

— Вас тоже кто-то бросил?

Агата выпрямила спину, глубоко вздохнула, ее выражение лица совершенно переменилось — на нем не было боли и тоски, только забота

и вовлеченность, желание услышать и помочь. Она даже выдавила улыбку.

— Я бы назвал это «оставить». — Леонид Маркович кашлянул, глубоко вздохнул, будто освобождая путь новым словам, но сказал совсем немного: — Может, наши истории совершенно разные, но чувство покинутости мне знакомо. Со своей второй женой — Зоей — я познакомился поздно… Ну, или вовремя, кто знает, быть может, тогда было самое время для нашей встречи. Мы прожили с ней счастливых семнадцать лет, и это лучшее, что случилось со мной за последние годы.

— Тогда почему вы расстались?

— Всему виной зеленый горошек, — с горькой усмешкой ответил Леонид Маркович.

— Горошек? — переспросила Агата, рисуя в голове развязки истории, пытаясь представить, чем горох мог расстроить долгие годы крепкого брака.

— Да, да, так и есть, — Леонид Маркович кивал, роняя взгляд ниже деревянных половиц. — Зоя оставила меня за ужином. Она так вкусно готовила, ты себе не представляешь! В тот вечер мы пробовали какой-то новый рецепт — салат со свежим горошком. И она вдруг закашлялась,

схватилась за грудь, впилась в меня стеклянными глазами, точно молила о помощи. Я подумал, что ей не хватает воздуха, что она, быть может, подавилась проклятым горохом. Я не сразу об этом догадался, но, когда осознал, бросился ее спасать…

Агата ахнула, прикрыв ладонями лицо, которое выражало и ужас, и глубокое сожаление, и волнение, будто все происходило в этот самый час и еще можно было исправить случившееся. Леонид Маркович почувствовал, что виноват в ее новых переживаниях, и постарался не раскрашивать эмоциями последние фразы:

— Я тогда так вскочил, что зацепил скатерть, сдернул ее со стола, и тарелки полетели на пол, — он всплеснул руками. — Все разбилось, просыпалось… Я пытался помочь Зое, пытался оказать ей первую помощь, но делал только хуже. Когда я позвонил в скорую, было уже поздно.

— Ее не спасли? — тихонько спросила Агата.

— Нет. И врачи сказали мне, что горошек ни при чем. Все дело в ее больном сердце. Просто так совпало. Она не подавилась. Виной были схожие симптомы, и этот салат, и упущенное время…

Агата посмотрела на Леонида Марковича, ощущая всем телом его боль и разочарование. Она

понимала, как трудно ему признавать, что упущенное время в тот роковой час — отчасти его вина. Озвучить это он не смел. Зеленый горошек, который не был причиной, оставался единственной мишенью, в которую можно было метить неизбывную собственную вину. Безболезненнее от этого не становилось, но полегче, попроще, как и в любой истории с самообманом, точно.

Агата хотела подытожить разговор и переспросить, спасли бы его жену, если бы он не перепутал и не свел сердечные симптомы к глупости о застрявшей в горле горошине? Скорая бы успела вовремя, если бы он не тратил время на неловкое и бесполезное оказание первой помощи, а сразу помчался к телефону? Или нет? Она оставила вопросы при себе. Впрочем, Агата понимала, что и Леонид Маркович все это время тоже держал их за пазухой, но боялся на них посмотреть.

— Значит, все было предрешено, и, будь то другой салат, вы бы все равно ничего не смогли сделать, — она положила ладонь на его плечо и заботливо заглянула в лицо.

— Пожалуй, ты права, — он облегченно выдохнул, удивляясь, что позволил постороннему вторгнуться в его тайну и не отверг слова утешения.

Леонид Маркович вымученно улыбнулся, больше из вежливости и правильности, чем от истинных чувств. Неловко повертелся на стуле, будто оглядывая порядок комнаты, и, взглядом и жестом утвердив, что вокруг все убрано, встал с места.

Домой он снова возвращался в смятенных и растрепанных чувствах. Мысли беспорядочно метались, задевали за больное, навязчиво и беспричинно грызли укором: непозволительно делиться с посторонними личным — опрометчиво, напрасно. Но ядовитые фразы тут же ударялись о каменную стену, рассыпались и гибли в другой пучине — уверенной, ровной, спокойной, от шепота которой у него будто расправлялись плечи, спадала с них тяжелая ноша, и он мог ступать в любом направлении, не заботясь об ответственности перед грузом гнетущих дум.

Дома все переменилось, стерлось мгновенно, перечеркнулось проделками беспризорного пушистика. Кот в который раз напроказничал и скрылся в саду. Леонид Маркович схватил тапочку, метнулся к окну, будто разглядел Франческо среди веток цветущей спиреи. Кустарник неестественно закачал сердцевиной, воздушные соцветия нервно закивали пушистыми шапками

и замерли. Леонид Маркович сердито погрозил в неизвестность и выпалил: «Вот я тебя! Только вернешься! Паршивец эдакий!»

Но что толку, кот назло или по воле игривого нрава испортил кружевную занавеску в спальне, оставив на тонком полотне затяжки и мелкие дырки. Занавеска поднималась и плавно ложилась к окну, развеваемая нежными струйками вечернего сквозняка, но теперь без былого изящества. Скромная красота ее ткани, увенчанная кошачьими проделками, и вовсе делала из нее унылую, негодную к уюту тряпку.

На полу у кровати валялись мелкие стекла. Леонид Маркович нарочно оставлял на тумбе стакан с водой, чтобы не вставать лишний раз ночью, и теперь забытое им представилось пакостнику потехой с последствиями.

— Издевается надо мной, — ворчал Леонид Маркович, краснея от злости.

Он сгреб платком стекло и аккуратно извлек из воды фотокарточку с Зоей. Изображение, пролежав во влаге, помутнело и теперь расползалось в руках, как песочная фигурка на речном берегу, с излишком смоченная волной.

Леонид Маркович бережно положил еле живую фотографию на окно, чтобы просушить. Оглядел

комнату в поисках незамеченных разрушений и, присев на край кровати, подумал, что больше не позволит коту оставаться в доме одному и творить что вздумается.

Глава 7

— Дядь Лёнь, вы дома?

Гера по сложившейся уже привычке колотил в окно кухни, домиком складывал ладони, прильнув к мутному стеклу, и пытался разглядеть признаки жизни в полутемных комнатах первого этажа.

— Да что ж такое! — недовольно бормотал Леонид Маркович, торопливо направляясь к двери. — Принесла же тебя нелегкая с утра. Вот неугомонный! Ходит и ходит, покою от него нет.

— Здрасьте, дядь Лёнь! — радостно выпалил Гера. Едва только дверь отворилась, он вошел и сразу же проследовал на кухню, будто был здесь уже родным. — Вы чего, приболели? Давление, что ли? Не видать вас совсем. Как ни зайду: темно, двери не открываете.

— Дела у меня были, — грубо отрезал Леонид Маркович, разглядывая, как беззастенчивый

гость управляется с чаем.

— Дела, хм. Что за дела?

— Разные.

— Понял. Разные так разные, не пристаю.

— А ты чего с утра пораньше-то хотел? Чаю, что ли, попить не с кем?

Леонид Маркович внимательно наблюдал за приготовлениями Геры, стараясь снизить, по-успокоить привычную резкость в интонациях. Но подобная сдержанность давалась ему с трудом, грубое рыкание уже вошло в привычку.

— Да ничего. Там Кузьма Ильич говорит, что-то давно вас не видно было. В гости зовет. — Гера, дождавшись символичного щелчка вскипевшего чайника, по-хозяйски наполнил кружки и поставил кипяток на стол. — Хорошо, говорит, в прошлый раз посидели, побеседовали душевно.

— В какой прошлый раз? Я ж тогда молча просидел.

— Ну, Кузьма Ильич, видать, ценит в человеке умение слушать, — отшутился Гера, вспоминая их прогулку. — Ну так что, придете на обед? Он, кстати, хвастал, что Алевтина потолки в доме побелила и что-то там для парников диковинное приобрела. Значит, праздничный пирог будет. Зовут, так сказать, обновку обмывать. Придете?

— А тебе что за дело?

— Да так, одному как-то неловко будет, с вами бы я похрабрее себя чувствовал.

— А-а-а, понял, — догадливо протянул Леонид Маркович, достал из шкафчика пачку курабье с повидлом и присел за стол. — Аленка, что ли, там будет?

Гера стыдливо опустил глаза. Его торчащие уши вмиг налились бордовой краской, как два ядовитых лопуха.

— И чего ты за ней бегаешь, если у нее парень есть, — съязвил Леонид Маркович. — Не понимаю я этих деревенских интриг.

— Сегодня есть, а завтра, глядишь, и нет, — выпалил скороговоркой Гера. — Кто знает, может, у них это не навсегда.

— Вот дурной, только время зря тратишь. Что, в Сагибово девушек свободных нет, что ли?

Гера не ответил, но лицо его потемнело. Он закатил глаза, будто готовясь выслушать порцию нравоучений.

— А, вот хотя бы и эта, наша, как ее… Арина… Алина… Аглая… Агата! Точно, Агата, — продолжал Леонид Маркович. — Тьфу ты, совсем память плохая стала. Хорошая девушка, добрая, ласковая, книжки читает. Ну? Познакомить вас?

— С кем? — растерянно отрезал Гера, будто вырванный из нахлынувших воспоминаний и не понимающий, о чем речь.

— С Агатой. Я же тебе про Агату рассказываю.

— Да какая Агата! — с обидой упрекнул Гера и, махнув рукой, опрометью бросился к двери. — Не нужен мне никто, что вы взялись? Я на Аленку взглянуть хотел…

Гера хлопнул дверью.

— Тьфу ты! Сельский сумасшедший! — выпалил Леонид Маркович и принялся чаевничать и обдумывать приглашение на обед к Кузьме.

Еще несколько недель назад он бы ни за что не размышлял над гостеприимными предложениями, да что там, и двери бы не открыл перед Герой. Выпроводил бы вон без сожаления, закрылся бы в своей темной и беззвучной скорлупе, в замкнутом пространстве, в пустоте душевной, в абсолютной одинокости. Теперь желание, чтобы его оставили в покое, как-то постепенно и незаметно отступало. Нет, он все еще противился по привычке всему, что, казалось, имело жизненность и душевность: все эти теплые разливистые беседы, бесцельные, но настраивающие прогулки, соседские традиции с гостинцами, объятиями и родственной, хоть и посторонней на деле, под-

держкой. Противился, но слабо. Погибало в нем что-то гнетущее, окончательно утихомиривалось и сменялось желанием пойти, посмотреть, заговорить, сделать — иным словом, двигаться, обозначаться, жить.

— Черт знает что такое, — с досадой бросил Леонид Маркович, встал из-за стола и убрал кружки в раковину. — Черт знает что такое! — повторил он громче, понимая, что не готов тратить впустую время и надо бы собираться в гости. Раньше подобное мероприятие он назвал бы пустой тратой времени, а нынче будто и сам себе гость — живет не по собственным правилам и убеждениям — и рад. Будто вышел за ворота и потерялся, не по-настоящему потерялся, не нужно искать — потерялся только для дурных мыслей, напоминаний, воспоминаний и иных болящих знаний. Для себя, кажется, нашелся.

Он выглянул в окно, бесцельно оглядел двор, заметил кота, который сидел на заборчике, плотно овив лапки пушистым хвостом и сощурив от солнца зеленые глаза. Пейзаж перевернуто напоминал первый зимний день — двор неожиданно накрыло тополиным пухом.

В обед Леонид Маркович неспешно двигался к дому Кузьмы Ильича.

Травы и пышные кустарники вокруг тревожились, шумели, дразнили нестройными танцами пугливых кузнечиков, пестрых жуков и редко проносящихся стрекоз. Пыльные песчаные дорожки извивались бесчисленными тонкими змейками, падали в неожиданные ямы, вымытые в слабых низинах дождем; поднимались горкой или шли на разрыв выпрыгнувшей посредине вспученной кочкой, торчащим кривым иссохшим корневищем или семечком сиреневой космеи, что чудом покинуло сад и взросло прекрасным цветком посреди пыли и сорняков.

Тополиное семя меж тем щедро разлеталось по округе. Прикрывая травные островки, укладываясь по берегам тропинок, утепляя деревья и кустарники. Больше всего пушинок набилось в колючих ветвях елочек. Тополиный пух застрял, запутался, наживился ветерком на зеленые иглы, будто самый настоящий снег.

«Летний снег», — подумал Леонид Маркович, вспоминая, как мальчишками хулиганили во дворе: чиркнув спичкой, подпалив пушистое облако на тротуаре, бежали за дымящейся змейкой, ползущей дальше и дальше, пока вся пуховая поляна не вспыхивала.

Он снова спокойно предавался мыслям и вос-

поминаниям. Прогулка уже не казалась Леониду Марковичу неловкой и глупой затеей. Он понемногу привыкал кивать в знак приветствия выглядывающим из окошек или из-за кривых заборчиков старушкам и старичкам. Не кричал гневно вслед пробегающей мимо собаке, которая, завидев его, делала попытки сблизиться: подбежать, обнюхать, радостно подпрыгивать, хватая за штанину, и бесконечно вилять хвостом.

Жизнь в селе таяла медленнее, чем в городской суете. Здесь она была вся на поверхности, на ладони, обнажая всякие свои смыслы и мелкие радости, затрагивая тебя всего и сразу. В городе ты лишь мельком мог услышать звонкое птичье пение наперебой, во всем его наряде, будто у пестроперого певца генеральная репетиция перед важным концертом. В городе солнце прячется за серостью облаков, а то и вовсе, не касаясь тебя, мелькнет лучом в окошке — обыденность и не имеющая ценности природная деталь, как и все остальное. Здесь же, в крошечном уголке, укрытом природой, все по-другому, и что ни день, то прикосновение к жизни. А солнце светит так, будто оно и есть главный вещатель сельской жизни — и в каждый час по-своему, в каждый миг по-особенному: на заре солнцу положено полыхать

пожаром вдали, но холодным, ускользающим; на закате — закатиться за озеро или утонуть в степи среди трав, оставляя иссиня-черные пятна на горизонте, а в душе прохладу и покой; посреди дня солнечные лучи растворяются в воздухе, нагревают его, и ты, будто пирог, томишься от печного жара и не можешь дождаться, когда же остудится день; а в редкие минуты, разные, странные, солнце светит из бутонов цветов, из журчания ручьев или озера, из тяжелых, усталых медовых ароматов дворовых трав — оно, будто напитав все вокруг, излучается, отражается, множится их живой прелестью.

Леонид Маркович ступал медленно, тихонько, шел так, как идет человек, не спешащий никуда. И хотя у него и раньше забот особо не случалось, он замечал за собой тревожную спешку шага, нарочную торопливость. Теперь же симптомы и побочные действия прежней жизни понемногу отпускали.

Кузьма встретил его у ворот. Он стоял, держа руки в карманах затасканного трико с вытянутыми буграми на коленях, курил сигарету, зажав ее в зубах, и качался на ступнях вперед-назад. Увидев Леонида Марковича, Кузьма сделал последнюю затяжку, бросил окурок и усердно затоптал его,

выдохнув напористое облачко дыма в сторону падения, а потом потер руки о майку и протянул правую Леониду Марковичу в знак приветствия.

— Алевтина шибко ругается, что курю на дворе, — начал он вместо «здрасьте», покачав головой. — Говорит, дым в окна лезет. Все ей воздуха на свежем воздухе не хватает.

Он усмехнулся.

Леонид Маркович понимающе кивнул, хотя сам и не курил.

Кузьма Ильич пригласил его во двор, к столу под яблоней, где подоспевшие заранее его добрые знакомые уже вели оживленные беседы о наболевшем, будничном и важном.

Варвара Степановна, не дожидаясь остальных, хлебала окрошку вприкусу с внушительным ломтем хлеба, будто отломила полбуханки, а не отрезала тонкую краюшку, как полагается.

Они с Алевтиной и Гелей живо обсуждали урожайность:

— У яблонь-то в этом году какой богатый цвет!

— Да… А пчел сколько!

— Ой, много пчел! Нет-нет, да и цапнет, зараза!

— Не говори. А черемуха как разрослась…

— Я-то сухие ветки еще с мая обрезала…

— Акация за двором вся осыпалась…

— Жимолости много.

— Много, в этом году большой урожай. Только никто рвать не хочет. Я своим уж сколько раз в город звонила — не хотят приезжать, ничего не надо. Все, говорят, купим.

— Купят. Таких ягод в супермаркете уж точно нет. Купят они.

— И не говори. Там химия одна. А тут свое, родное, полезное…

— Вот-вот. Помню, в прошлом году какая смородина уродилась! Ягоды крупные, наливные, ветки аж попадали от тяжести, ступить было негде. Я уж и заморозила, и варенья заготовила, и сама наелась, и деткам соседним раздала, а своим ничего не надо. Так и не приехали.

Леонид Маркович замешкался у дворового рукомойника, внимательно прислушиваясь к их огороднических щебетаниям и сетованиям. Но тут подоспел Гера, и они друг за дружкой направились к столу, бросаясь говорящими взглядами, будто соревнуясь в подначиваниях.

Тихо и скромно поздоровавшись, вошла Надежда. Она сразу заняла свое место в середине стола и, будто оправдываясь, поблагодарила хозяев за возможность выбраться из дома.

Последней двор посетила бабушка Аленки. Гера

торжественно подскочил со своего места, засиял, зарделся, но тут же сник.

Она побродила по двору, ревизионно позаглядывалась на устройство и убранство, а когда присела, принялась расхваливать золотые руки Кузьмы Ильича и кулинарные таланты Алевтины.

— А где же Алена? — спросил Гера разочарованно, все еще выглядывая на дорогу, не идет ли она где-нибудь следом, позади, поддавшись сельской неспешности, запаздывая и замечтавшись.

— Ой, Феденька, она дома осталась, — затараторила старушка, махнув иссохшей хрупкой ладошкой. — Сегодня спозаранку сорняки на моркови полола, огурцы поливала — так умаялась, бедная, голова от зноя разболелась, легла на веранде вздремнуть, в себя прийти. На веранде-то у нас хорошо, даже в жару прохладно. Половицы аж ледяные. После сада, огорода зайдешь босиком, так и исцеляешься от усталости и летней муки. Только мухи проклятые залетят и хороводят над головой.

— Ясно, — расстроенно протянул Гера.

— Это она из-за тебя не пришла, — шепнул ему на ухо Леонид Маркович.

— Чего? — искривился в непонимании Гера.

— Услышала, говорю, что ты придешь, и дома осталась. Надоел ты ей. Ходишь хвостом, отбоя от тебя нет, — продолжал он нашептывать с кривой ухмылкой.

— Да вы… знаете что, — разозлился Гера и гневно отбросил вилку.

Металл недоброжелательно звякнул, ударившись о препятствие из расписных фарфоровых салатников, и смолк. Разговоры стихли, а гости в недоумении уставились на Геру и Леонида Марковича.

— Да я ж так… пошутить хотел, — протянул Леонид Маркович, пожимая плечами, но осознавая, что перегнул палку.

— Идите вы со своими шутками, — красный, как свекольный салат с чесноком, поданный на стол Алевтиной, Гера вскочил и понесся восвояси.

Леонид Маркович не хотел обидеть его, но то ли шутка не удалась, то ли для Геры эта тема была как священный мотылек: хочется держать его в ладонях, крепко, отчаянно, однако сжимать опасно, губительно. Правильнее отпустить, отряхнув с липкой кожи опавшую пыльцу, но отпускать больно и трудно. И в самообмане начинает казаться, что если уж любишь, то необходимо сжать

посильнее, насколько хватит любви, насколько сильны и правдивы чувства.

— Чего это он? — растерянно протянула Алевтина, выронив ломоть хлеба.

— Да ничего страшного. Молодежь. Тревожатся из-за всякой ерунды. Отойдет, — виновато оправдывался Леонид Маркович, подумывая, что надо бы после зайти и поговорить с Герой, объяснить ему, что, мол, шутки все это его неумелые, а так-то он, конечно, всей душой переживает за друга. Только какой в этих терзаниях толк, если Аленка влюблена в другого.

— Конечно отойдет. Молодежь, у них гормоны, вечная история, — перебил Кузьма Ильич, скорее поднимая очередную кружку с квасом и протягивая Леониду Марковичу.

Разговор за столом снова закипел, продолжился под гудение дворовых пчел и разномастный писк подрастающих хозяйских птиц, гоняющихся за сверчками и мелкой мошкарой.

Леонид Маркович жадно глотнул холодного кваса, но чуть не ошалел от неожиданности — глотку обожгло, в голове помутнело, лицо обдало жаром.

— Это по моему личному рецепту, — шепнул, наклонившись к нему, Кузьма Ильич и тут же

добавил встревоженно: — Не крепковато, не? Только Алевтине ни слова. Лады? Она со своими компотами и отварами шиповника меня в могилу сведет. А то было придумала сыворотку по утрам пить, то ли для молодости, то ли еще для чего, не помню…

«А это пойло тебя в могилу не сведет?» — про себя спросил Леонид Маркович. Он скорее закусил квас Кузьмы коркой хлеба и принялся за окрошку.

Все дружно и радостно беседовали, поедая щедрые и простые угощения Алевтины. Она радовалась и украдкой гордилась собой. Будто впопыхах вспомнила, что Кузьма «начал сырную», и принялась расхваливать мужа за умелость, мастерство и усердие. Особенно вспоминала, каким прытким на идеи, стремления и хозяйские воплощения он был лет так в двадцать. Да и она сама не покладая рук кружила по двору, как пчела, одаривая каждый его уголок хвалебными думами и неспелыми мечтами о том, как двор их превратится в завидный цветущий и плодоносящий чудесный островок.

— Да и все мы, сельские женщины, такие, — добавляла Алевтина поспешно, плавно кивая в такт мелодично составленной речи о былой

молодости. — Ой, да не говорите, годы-то идут, а теперь тяжелее все дается, руки уже не те, поясницу ломит. Постоишь над грядкой час, а в себя потом приходишь два. Труднее, труднее вести хозяйство-то стало, но что ни говори, а только с возрастом понимаешь всю ценность, всю прелесть и сладость такого труда. Будто с первой морщиной приходит истинное осознание, зачем тебе дом и вся эта непосильная работа у его крыльца.

Разговоры лились, струились какими-то нагретыми на солнце потоками, будто повторялись не единожды, переносились со двора на двор, пересказывались из уст в уста, из села в село, как важная часть фольклора. Как незыблемое и недосягаемое до поры, но заражающее, прорастающее в груди в свой назначенный судьбой и возрастом срок.

— Ежевика-то завязывается уже.

— Угу, и малина со смородиной. Завязываются, только спеть начинают.

— Помидоры цвет набрали.

— Огурцы-то подвязала?

— Подвязала. Давно уж. Они уже и усы пустили. Правда, только с одной стороны, а с другой — так и стоят, непонятно чего ждут. Семена плохие,

невестка покупала, рука у нее тяжелая. Надо было самой.

— Жара невыносимая. На улицу не выйти. Жара и мошкара проклятая.

— От пуха лицо чешется. Тополь в этом году поздно цветет.

— Картошка скоро зацветет. Я девятого сажала. Все выходные провозилась. Алевтина, вы когда посадили?

— Первого — только май на календаре нарисовался, сразу и высадили. Уже окучили.

— Смотрю, клубника и у вас не приживается. У меня только земляника, скромно так, небогато растет. И то ягоды не красные, а какие-то все бледные, белые почти. Но сладкие, прямо сахарные.

— Ой, да клубника старая у нас. Она же три-четыре года всего плодоносит. Я от молодняка не отсеяла, забыла. Этим летом уж ягоды с молоком не попробуем. Теперь до осени придется ждать, а там вырву к чертовой матери.

— А у меня батун совсем повывелся. В августе забыла посеять. Думаю, попробую весной, только без толку — тонкий, как волосок, растет.

— Батун в сентябре сеют.

— Да знаю. Забыла. В конце августа снова посажу. А этот — весенний, думаю, и к следующему

году не порадует.

— Ой, а у меня кошка окотилась.

— Опять?

— Опять. Два черненьких и один белый.

— И куда ты их?

— Да никуда, кормлю.

— Я бы тоже оставила. Помню, когда маленькая была, бабка котят в ведре топила. А у меня рука не поднимается.

— А мои в соседнее село отвозили и в первый попавшийся двор подкидывали.

Пока женщины предавались разговорам на неисчерпаемые темы, мужчины с добрым аппетитом обедали, точно послушные воспитанники детского сада: молча, сопя, хорошо пережевывая пищу и неустанно орудуя ложкой или вилкой. Первое, второе и салат — по логике, конечно, полагался компот, но вместо него Кузьма незаметно подливал из-под стола квас.

Когда, по мнению Алевтины, разговорам, окрошке да жаренному с овощами мясу вышел час, она смолкла, махнула куда-то в сторону полотенцем, точно платком на прощание, сдвинула тяжелую пузатую супницу и поторопилась за пирогом с ягодами. По-хозяйски стряхнула с румяного бока выпечки нечаянно просыпанную муку

и приказала мужу идти в дом за самоваром.

— Алевтина, ну какой чай? — скривился тот, наигранно выражая свое недовольство. — Опять ты поперек батьки в пекло…

— Иди, сказала! — строго рявкнула она каким-то не своим голосом, сдвинув брови. — Ишь, расселся!

Кузьма дернулся и затих. Виноватый и глуповатый взгляд его выдавал жене все причины странного поведения и раскрасневшегося до темно-бордового цвета, явно не от жары, лица.

— Алевтина, ну что ты, в самом деле, — попыталась разрядить обстановку Геля.

— Пойду лучше Леониду «сырную» покажу, — буркнул Кузьма и подтолкнул Леонида Марковича в плечо.

Тот чуть не подавился, но все понял, опустил ложку и поплелся следом.

В дальнем углу двора расположилось круглое, как купол, и широкое кирпичное строение. Оно напоминало печь, обмазанную глиной, но с продольным жерлом, похожим на просторный вход.

— Вон видишь, уже начал лепить, — Кузьма махнул в сторону «сырной». — Невелика, но все по моей технологии.

Он подошел и постучал по измазанным глиной

неровным бокам. Набившиеся внутрь индюшки и утята, покряхтывая, вынырнули и помчались прочь.

— Вот заразы! А ну, кыш отсюда! — крикнул Кузьма.

Он размашисто пнул траву вслед дворовой птице, неосторожно запульнув тапку, точно бумеранг, которому не суждено было самостоятельно вернуться.

Леонид Маркович тихо посмеивался, наблюдая, как Кузьма скачет на одной ноге, возвращая обувь на место.

— Никогда ничего подобного не видел. — Леонид Маркович подошел ближе, заглянул внутрь чудной «печи» и погладил ладонью ее шершавые стенки. — И что, здесь сыр будет храниться?

— Ага. Так сказать, зреть, доспевать. — Кузьма окинул «сырную» гордым взглядом.

— Долго ты это все мастерил?

— Еще прошлым летом мог бы закончить, только материал уперли.

— Как это «уперли»?

— А так! Прямо из-под носа у меня стащили! Пока я в погребе на летней кухне ступень ремонтировал. И далась Алевтине эта доска. Сто лет со скрипучей жили, а тут заладила: «Переделывай!

Переделывай!»

— И что, не нашли вора-то? Не узнали кто?

Кузьма усмехнулся и важно потер усы.

— Сразу видно, что ты городской. Не привык еще к сельской жизни. Село — это такое место, где тебя ночью пьяного все заметят и судачить потом будут всей деревней еще месяц, а то и год. А когда днем из-под носа сперли рулон сена или еще чего — этого никто не увидит.

— Свои же, получается? Раз все тишком произошло, — возмутился Леонид Маркович, точно обижаясь на ситуацию, к которой сам он не имел никакого отношения. — И что же, теперь ходят и в глаза тебе смотрят, будто ничего и не было?

— Да какая разница, — закряхтел Кузьма, пробираясь ближе к забору через сваленные в кучу остатки строительных материалов. — Я тут от Алевтины квас припрятал. Во, нашел. — Он отряхнул с майки грязь и протянул пластиковую бутыль с сияющим, точно янтарь, пойлом. — Этот, кажется, покрепче будет…

Леонид Маркович, познакомившись уже с напитком Кузьмы, хотел было придумать отмазку, чтобы не пить, но растерялся. На помощь подоспела Алевтина. Она бежала к ним растрепанная и растерянная, смешно перепрыгивая через

взрыхленные грядки.

— Кузьма! Кузьма! Там это, Ибрагим… Ибрагим пришел. — Она остановилась отдышаться, уставилась на бутыль, зарделась теперь уже не от волнения, а от злости. — А это чего? М?

— А, это? — быстро нашелся Кузьма, сунув квас Леониду Марковичу. — Вот, угостил товарища. С собой ему на дорожку… Ну а что, хороший же квас…

Леонид Маркович смотрел то на них, то на бутылку и не знал, что сказать. Он чувствовал себя мальчишкой, которого поймали на месте преступления, хотя на самом-то деле ничего ужасного он не натворил.

— Квас? — повторила Алевтина, смотря на мужа осуждающе, уперев руки в боки.

— Квас, — поддакнул тот, зачем-то кивая для пущей убедительности.

— Квас? Для товарища?

— Для товарища.

— За дуру меня держишь?

— Алевтина, ну чего ты?

— Опять за старое, морж ты усатый…

— А что там случилось-то? — нашелся Леонид Маркович, желая поскорее покинуть территорию предстоящего словесного боя. — Что с дедом

Ибрагимом?

— Точно! Ибрагим, — опомнилась Алевтина. — Дед Ибрагим снова во двор забрел.

Они поспешили обратно. Дед Ибрагим, как и во всех других ситуациях, с потерянным, несчастным видом искал кого-то, заглядывал в глаза присутствующим и звал таинственного и несуществующего Луку.

— Алевтина, пирог давай! — скомандовал Кузьма.

Та опрометью бросилась в дом за чистым полотенцем, потом схватила со стола пирог, завернула его аккуратно и протянула мужу.

— Пойдем, дед, провожу тебя, чаю тебе заварю. — Кузьма обхватил деда Ибрагима за плечи и повел к выходу. Тот, как слепой теленок, спотыкаясь и «ощупывая» тропинку слабыми ногами, послушно поплелся восвояси.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — произнес Леонид Маркович, ощущая внутри какую-то горечь и расстройство от новой встречи с убогим стариком, но не понимая причины этих чувств.

— Да и нам пора. Алевтина, спасибо, милая, за богатый стол. — Варвара Степановна первая привстала, двигаясь потихоньку, намекая, что покидает трапезу.

Остальные заторопились следом. Алевтина всплеснула руками, но душевно попрощалась с гостями. Варвара Степановна прихватила с собой большую прошлогоднюю тыкву, уговорив Леонида Марковича понести плод к ее дому.

— Я в детстве любил тыквенную кашу, — разговорился по пути Леонид Маркович, пыхтя и останавливаясь, чтобы перевести дух. — Бабушка ее так разваривала, что она будто медовая становилась… Еще риса добавит, м-м-м, объеденье…

— Да, мой Егорка ее тоже любил, — вдруг погрустнев, проронила Варвара Степановна.

— Егорка — это муж ваш? — неосторожно спросил Леонид Маркович.

— Сынок.

— У вас сын есть? Маленький еще? Сколько ему?

— Тогда было семь лет и два месяца.

— «Тогда» — это когда? — Леонид Маркович замедлил шаг, и слова его тоже начали растягиваться, как поплывшие на жаре сахарные фигурки.

— «Тогда» — это когда он еще не умер. — Варвара Степановна помолчала, а потом добавила: — А теперь ему одиннадцать.

Леонид Маркович застыл на мгновение, чуть не

выронив проклятую тыкву. Не зная, что сказать, он долго метался взглядом в воздухе. Или ему показалось, что пауза протянулась, удвоилась, заполнила собой непозволительный временной отрезок. Приостановившееся вдруг время укоризненно кольнуло его в области солнечного сплетения. Нахлынувшее неприятное чувство вины напоминало несправедливую пощечину — и не ты причина страдания, но неосторожный шаг принадлежал тебе.

— Ничего, — спокойно сказала Варвара, кивнув и поманив в сторону дома.

Они не спеша двигались, теперь почти неслышными шагами, и она, глубоко вздохнув, рассказывала ему тихо и спокойно, будто в ее голосе, правильном вздохе и ровном взгляде содержались сейчас все нечеловеческие примеры стойкости и силы и любые формы и образы бессилия, обреченности и замирания слов, которые только уготовано было принять, смириться и пережить матери.

— Мой Егорка — поздний ребенок. Растила я его одна. Да и не жаловалась, все у нас хорошо было. А потом он заболел. Сначала температура держалась и держалась, долго… Много недель. Наши врачи не могли понять, чем он болен. Я ду-

мала, вирус какой-то подцепил. Потом ему как-то совсем плохо стало, и нас отправили в область. Там после череды обследований выяснилось, что у Егорушки лейкоз. — Она опять тяжело вздохнула, замерла, продолжила не сразу: — В одной книге написано, что у каждой беды есть имя. И когда произносишь это имя, вроде бы не так больно становится — вроде бы знаешь, с чем тебе воевать, и понимаешь, как справиться… Когда теряешь мужа, тебя называют вдовой. Когда родителей — то сиротой. А когда теряешь ребенка — этому нет названия… И никто не понимает почему. А я могу сказать. Потому что это настолько разрывает сердце, что любой звук, тончайшая мысль или тень зачем-то воспрянувшей вновь надежды вскрывают раны снова и снова, безжалостно, до бесконечности. И с этим придется жить, это придется принять и нести дальше. И никак не залечить тоску, которая теперь навечно с тобой.

Варвара говорила, с трудом сдерживаясь, напрягая каждую мышцу перекошенного от слез лица. Но когда произнесла — отпустила последнее слово, то не разрыдалась в отчаянии, не кричала от бессилия, не билась, не заламывала руки, как множество раз до. Она выдохнула, слов-

но стряхнула с себя накатившую волну горя, и успокоилась. Будто боль была яростным зверем — прогнать нельзя, но она смогла приручить: порой, конечно, дикий нрав давал о себе знать, нет-нет да и полоснет по старой ране острой когтистой лапой, а в другой раз отпустит, забудет, загуляет где-то между дел.

Они уже добрались, миновали скромную калиточку, выкрашенную в небесный цвет. Леонид Маркович опустил тыкву на прогретое солнцем крыльцо и присел тут же перевести дух и найти слова, которые должен был сказать.

— Как же вы пережили это? Очень жаль… Я так сочувствую, Варвара, не представляю, как вы смогли…

— Все Агата и ее книжки. Она умница. Если бы не она… Ходила ко мне, как на работу. Сидела возле моей кровати, читала что-то, я даже не помню что… Да я и не слышала, что она там проговаривает. Для меня тогда совсем смысл жизни померк. Я ревела день и ночь, а когда не ревела, то сидела как каменная и смотрела в одну точку.

— А потом что?

— А потом Агата не пришла. Оставила мне какую-то книжку на столе и клубок, и все. А я ее будто ждала уже. Подошла, взяла — книга была

по рукоделию. А в клубке крючок торчит с начатой салфеткой: ряды перетянуты, узор вкривь пошел, с одного бока столбик пропущен. Я присела и начала распускать. Потом как-то само все пошло, охватило меня, отвлекло. Я тогда, наверное, впервые из дома вышла — принесла Агате книгу и салфетку исправленную, прямо в клуб пришла. Она стелет салфетку на столик, кладет сверху стопку книг и говорит: «Замечательно. В этом есть какой-то смысл…» — На глазах Варвары снова показались слезы.

— Так вот как вы с ними познакомились.

— Да, так меня эта книга и этот клубочек к ним и привели: в книжный клуб и к занятию, которое меня спасло. Мне кажется, благодаря этой идее я буква за буквой, петелька за петелькой вернулась к жизни. — Она махнула ладошкой, смотря вдаль. — Иногда, конечно, воспоминания нахлынут, и снова чувствуешь груз своего горя, но отпускает уже быстрее. И я больше не зацикливаюсь. Я ни в чем не виновата, просто так сложилось.

Варвара переменилась в лице, посветлела.

— Слышите, как расщебетались? Видимо, совсем осмелели, сил набрались.

Леонид Маркович прислушался, завертел голо-

вой, догадавшись, о чем речь.

— За малиной в пустой сараюшке ласточки который год уже гнездо вьют. Этим летом запоздалое потомство у них. Но горластые какие. Под вечер так, бывает, раскричатся, рассуетятся… Я иной раз во дворе хозяйничаю, пройду мимо, загляну, а там только их хвосты, как циркули, торчат во все стороны. Сами они друг к дружке жмутся, прячутся от меня.

— К дождю, может, волнуются, — спохватился Леонид Маркович, поднимая лицо к потемневшему небу. — Вон тучи какие собрались. Вроде бы день ясный был, а к вечеру что-то собралось.

— А может, — согласилась Варвара, чувствуя, как резко спряталось солнечное тепло и в воздухе появился вкус сырости.

— Пора мне домой.

— Конечно, конечно, не то дождь застанет, еще и простынете.

Уходя, Леонид Маркович с нескрываемым интересом оглядывал двор. По центру маячили одинокие теперь и никому не нужные качели из плотного троса и шины. Они свисали с могучей, наклоненной горизонтально ветки тополя, росшего за забором, но тянувшегося к людям всем своим нестройным древесным телом.

«Странное дело, — думал Леонид Маркович, направляясь к дому, — такие простые и скромные люди живут на свете, но такие сильные, всякое способны пережить и не сломиться. Вот эти качели висят тут — ничтожные и убогие, но самое горькое воспоминание и напоминание. И непонятно, кто из них сильнее — хрупкий человек, который чувствует боль, но держится и все равно бережет воспоминания, или эти качели, которые никто никогда не посмеет срезать и унести прочь, с глаз долой. Хотя, видимо, есть что-то третье. Получается, иногда это книги. Хотя, может, это почти всегда книги. Берут за руку, отводят в сторонку, и вот ты со своими ранами останавливаешься, оборачиваешься и смотришь и на боль, и на качели, и на страдания, которые пережил. Совсем уйти не получится, ты это понимаешь и будто находишься у жаркого костровища. Пламя уже не обжигает твое лицо и грудь. Ты, конечно, всегда рядом, чтобы жизнь в нем тлела, не бросаешь, подкидываешь редкие сухие поленья, но теперь держишься за другое — за что-то исцеляющее и поддерживающее тебя».

Глава 8

«Брать кота с собой на встречу книжного клуба — дурная авантюра», — думал Леонид Маркович, задвигая «беспокойный» рюкзак под журнальный столик с цветами. Но, с другой стороны, может, ему удастся пристроить пакостливое животное в чужие добрые руки, потому что, что уж греха таить, ему надоело и это соседство, и все звериные выходки.

Испорченная фотография Зои, битые стаканы, пролитое молоко, которое просочилось в щели в полу, закисло там и с трудом было вымыто; шторы в затяжках, а иной раз и вовсе сдернутые с петель; дверные проемы, ножки столов и стульев, непозволительно превратившиеся в когтеточки, — каждый выход из дома сопровождался мелкой, но увесистой местью за одиночество всученного ему питомца. И резкий звон колокольчика понемногу переставал быть оружием от котовьих проказ.

— Что это у вас там?

Агата аккуратно опустила стопку прочитанных книг на стол и заглянула вниз. Рюкзак дернулся, ударился о хлипкие ножки расшатанного стола. Широкогорлая ваза с пионами подпрыгнула, укоризненно хлюпнув воду через край.

— Где? Ничего нет, — Леонид Маркович, пытаясь скрыть волну неожиданной паники, неуклюже задвинул сумку ногой под стул. — Тебе показалось, наверное.

— Да нет же, рюкзак зашевелился, — она растерянно замерла, указывая пальцем в сторону темного угла, подавшего признаки жизни. — Вот опять! Видели? Вы видели?..

— Может, мышь? — напряглась Нина.

— Или крыса! — подхватила Надя.

— Надо припечатать чем-то тяжелым! Словарь Ожегова! — Анатолий живо направился к полке с темными затертыми книгами, в которых, кажется, было по миллиону страниц. Капталы их давно рассохлись, нити переплета ослабели и плохо держали доверенные им весомые знания, которые в плохой день и не подскажут, а раздавят.

— Да не надо ничего, — сдался Леонид Маркович, вытащил рюкзак из-под стола и расстегнул молнию.

Кот повертел мохнатой мордой, облизнулся, тряхнул головой, будто расправляя смявшуюся шерсть, и аккуратно выбрался наружу.

— Какой хороший, — Нина протянула слова нарочито тоненьким, будто детским голоском и уселась рядом. — Иди, я тебя поглажу. Ушки такие маленькие. На правой щеке рыжая шерсть, а на левой черная. Красавец…

— Я хотел его с собой взять, но боялся, что вы не одобрите, — начал оправдываться Леонид Маркович. К своему удивлению, он чувствовал каплю стыда за этот поступок. — Потому и спрятал. Он без меня дома скучает и так пакостит потом! Сегодня утром, пока я завтракал и собирался уходить, он мне мышь притащил прямо в кухню! Я хотел его шугнуть, так он прыгнул на шторы и оторвал их вместе с карнизом.

— Вы могли бы брать его с собой, — сказала Агата, которая, как и остальные, гладила кота и раздавала ему комплименты. — Такой красивый! Видно, вы за ним хорошо ухаживаете, такая чистая шерстка. Активный, живенький…

— Он когда шалит, я звоню в колокольчик, чтобы согнать его с дурного дела. — Леонид Маркович вынул из кармана сияющий инструмент и скромно тряхнул в воздухе, совсем не так, как

обычно нервно трезвонил им дома.

Кот, заласканный бесконечными поглаживаниями, мурчащий от удовольствия, насторожился, ловко увернулся от посторонних рук и метнулся к нерадивому хозяину. Будто надрессированный, приученный, он благодарно или вопрошающе терся мордой об ноги Леонида Марковича, заглядывал ему в глаза и взволнованно перебирал лапками на месте.

— Дайте-ка…

Анатолий взял колокольчик, задумчиво и с интересом изучая его. Хмыкнув, он отошел в противоположный конец кабинета и зазвонил. Животное дернулось, обернулось, неуверенно направилось на звук, вопрошающе поглядывая назад — на хозяина.

— Мне кажется, он привык к этому звуку и колокольчик его привлекает, — заключил Анатолий.

— Вот как! — всплеснул руками Леонид Маркович. — А я думал, что так его пугаю.

Анатолий аккуратно подбросил колокольчик обратно — прямо в руки Леониду Марковичу, так что тот легко поймал инструмент. Колокольчик звякнул в падении, кот поторопился обратно.

— Мне кажется, он чего-то ждет. — Анатолий взял кота на руки и направился к столику с угоще-

ниями. — Наверное, этот звук для него как призыв к кормежке. Да, точно, он ждал угощений.

— И правда, — протянул Леонид Маркович, обдумывая прошедшие сценарии с колокольным звоном. — Он ведь обычно на кухню убегал. Вот же бедствие котовье!

— Любит он вас… — умиляясь, сказала Нина, а остальные дружными партитурами продолжили расхваливать пушистого красавца.

— Угу. Вот сразу видно, когда хозяин с животным как с членом семьи…

— Да какой же хороший, мурлычет, добряк-добряк…

— Ласковый какой, ручной! Приносите его почаще.

— Ага, пусть с нами книжки читает.

— Будет у нас свой книжный кот…

— Грамотный кот.

— И кто решил, что в библиотеке котам не место? Самое место — коты тоже тишину ценят…

Уходя из книжного клуба в этот день, Леонид Маркович чувствовал себя навязанным должником. Избавиться от кота ему не удалось, да и странное дело — не в том ли причина, что он почти уже сроднился с пушистым безобразником, вечно возникающим отовсюду, и в глубине

души спорил сам с собой. Вся эта сегодняшняя история, где Леонид Маркович отмалчивался и подкреплял фантазии об ответственном котохозяйничестве, взволновала его и покалывала неловкостью. Будто все сказанное он должен был исполнять уже давно, и доброе, даже ласковое отношение к нему питомца, получается, взято им взаймы, а похвалы о заботе и подавно. Леониду Марковичу захотелось поскорее исправить свои ошибки и беспрепятственно приступить к выполнению обязанностей. И да, конечно, правильно кормить, гладить и больше не ворчать на кота он намеревался вдвое больше положенного — чтобы загладить вину и отработать накопившийся долг нелюбви.

Вернувшись домой, утомленный от прогулки и общения, Леонид Маркович и вовсе мысленно сдался перед непреодолимым желанием исправить все плохое. Только вот не знал, с чего начать. И, припомнив вдруг слова своей покойной жены Зои, заварил чай и нарезал бутерброды с колбасой, ведь, что бы ни случилось, почти всегда можно начать с чистого листа, главное — подкрепиться сладким чаем перед задуманным большим делом.

Удивительно, но в этот раз ни на шумный звук

закипающего чайника, ни на хлопанье дверцы холодильника кот не спешил на кухню. Тогда Леонид Маркович вышел в зал, оглядел мебель, поднялся в спальню — пустота. Леонид Маркович приоткрыл дверь и обнаружил питомца сидящим на крыльце. Вечернее солнце медленно опускалось за горизонт, и его горячие лучи, задевая верхушки деревянных дощечек забора, темные листья кустов и трав и широкое крыльцо, укутывали всю дворовую жизнь в уютную янтарную сладость. Стрекот и отдаленное жужжание насекомых, прощальные вечерние птичьи песни и разливающиеся цветочные ароматы, которые к вечеру раскрывались и томили сильнее, — все погружало двор в уютную сельскую дремоту. Кот послушно наблюдал тишину и покой большого мира. Он щурил ясные глаза, предчувствуя первые нотки вечерней прохлады. Разнеженный и сонный, пытался вобрать в себя больше чудесных воспоминаний, насладиться всласть родным мирком, будто завтра может не случиться.

— Вот ты где, — тихонечко проронил Леонид Маркович усталым голосом и добавил: — Ладно, я сейчас. Никуда не уходи.

Он торопливо собрал на поднос бутерброды, кружку с чаем, налитую только до половины,

чтобы кипяток остывал быстрее, и три разные на вкус кошачьи консервы, которые ему непрошенным подарком подкидывал Гера. Леонид Маркович ругался на глупые и бесполезные траты для животного, убирал разноцветные баночки в глубь ящика с крупой и бессовестно забывал об их существовании, но теперь понял, как ошибался.

— Вот, угощайся. Тут индейка с овощами, цыпленок с овощами и даже кролик… без овощей. Что ты любишь?

Он открыл три обозначенные баночки и поставил перед котом. Тот облизнулся, заметался, с аппетитом накинулся на ту, что стояла ближе.

Леонид Маркович хмыкнул, водрузил на хлебный ломоть кружок докторской колбасы и с необъяснимыми облегчением и радостью принялся за чай.

— Знаешь, как-то мы с тобой неправильно начали, не по-людски. — Леонид Маркович погладил животное от макушки до кончика пятнистой спины. — Хоть ты и кот… все ж надо по-человечьи, верно же говорю?

Кот продолжал есть. Леонид Маркович тоже отхлебнул из кружки и откусил бутерброд. На улице

поздний паужин[4] казался особенно вкусным.

— Хорошо тут, правда? — Он оглядел двор, а потом посмотрел на кота и погладил его снова. — Объявляю перемирие. Давай жить как положено. Буду о тебе заботиться, кормить, поить, что там еще… Ты подсказывай, как у вас, у котов, принято. Только, чур, мышей в дом не таскать. И вот еще что: ты уж извини, друг, но кличку подберем тебе другую? Ладно?

Кот вылизал банку до сияющей чистоты и, бесцеремонно тыча морду в бутерброд Леонида Марковича, смерив его вкусовые и полезные качества с собственным кормом, выбрал лучшее — принялся за «цыпленка с овощами».

— У меня котов отродясь не было… А вот попугай волнистый жил, в детстве еще, у бабушки. Крикливый, шебутной, надоедливый такой. Прям как ты. — Леонид Маркович посмеялся и снова погладил кошачью морду. — А что? Кеша — неплохое имя и для кота, верно ведь говорю?

Кот мурлыкал. Сытый, обласканный, он прикрыл глаза и улегся ближе к хозяйским рукам, принимая долгожданные условия мира.

---

[4] Примечания: 4

Паужин (или паужина) — устаревший или областной термин, обозначающий легкий прием пищи, перекус или полдник, который происходит между обедом и ужином.

— На том и порешили, — заключил Леонид Маркович. — Завтра, Кеша, мы с тобой все заново начнем. А что, тут дел хоть пропадом пропади! Двор надо в порядок привести, забор покрасить, книги эти расставить, наверное, а еще карниз починить, который ты вместе со шторой вырвал. Хотя в этом деле, наверное, без Геры не обойтись. Стремянка та, что у книжных полок приспособлена, — шаткая, хлипкая. Да и штора из жаккарда тяжеленная. Одному мне не осилить.

Чай незаметно стыл, дружба завязывалась, укреплялась, прогоняла бесстыдно загостившееся одиночество. Большой молчаливый дом наблюдал свою новую судьбу, напитывался жизнью, вбирая струи надежд и мечтаний нового хозяина, облегченно выдыхая дни тяжелого периода, когда все они трое никак не могли привыкнуть и принять друг друга.

И каждому из них в этот миг хорошо ощущалось, что все теперь будет по-другому, все будет хорошо. Втроем они становились целым и основательным. И каждый был другому опорой и ориентиром: дом, человек и кот. Первый — со всеми своими бесчисленными книжными коллекциями, полками, картинами и окружающими его садами и степями, где все нуждалось в забот-

ливой руке, во взгляде, в прикосновении; второй — с крепким желанием чувствовать себя в покое и с непроглядной пустотой внутри, которую непременно надо было заполнить, которую он не замечал, как почти извел, добавляя по капле события новой жизни; третий — не находящий себе места и вечно следующий за своими инстинктами, со стороны походившими на проказы, просто знающий, что все уже настроено так, как и должно быть.

Глава 9

— Доброе утро!

— А?

— Вы на кой там ковыряетесь, дядь Лёнь? Потеряли, что ли, чего?

Гера с прежней доброжелательностью и светлой открытостью пробирался сквозь заросли сорняков к Леониду Марковичу. Тот же, с трудом разогнув уставшую поясницу, недовольно глянул на Геру, вытер вспотевший лоб и затряс рукой так, словно очерчивал в круг все произрастающее и пахнущее на его территории.

— Сам ты ковыряешься… — тяжело дыша, выдавил Леонид Маркович. — Территорию в порядок привожу… Этот край прополю к обеду, остальное завтра… На вечер еще дел куча: и в доме, и во дворе. Вон, видишь, в беседке мусор вымел и скатерть на столе закрепил — теперь как в кино, можно чай подавать и любоваться цветами. Цветы, правда, все завяли…

— Да вас не узнать, дядь Лёнь. — Гера принялся дергать щирицу и спутанный пырей. — Вы теперь прямо как настоящий сельский житель. Питаетесь прилично, на прогулку по вечерам, смотрю, выбираетесь, за порядком в доме следите, двор вот взялись прибирать… Кота приручили, как с внуком с ним нянчитесь. Я, кстати, принес там все по списку: корм, продукты, зубную пасту, чистящее… Все, что заказывали. Даже волновался, пока корзину наполнял, — думал, перепутал, чужой листок взял, а ваш где-то обронил, потерял.

— А, так ты поэтому пришел?

— Да нет, хотел посмотреть, вдруг у вас это прошло уже и вы снова превратились в брюзгливого, вредного, несносного… — Гера тянул слова с широкой улыбкой, и чувствовалось, что говорил он не со зла, а пытаясь подшутить над Леонидом Марковичем.

— Посмотрел? — Леонид Маркович неодобрительно взглянул на него, перебив.

— Посмотрел, — кивнув и широко улыбаясь, ответил Гера, пытаясь разглядеть, оценил ли собеседник шутку и долю нешуточного в его словах.

— Ну иди тогда, — обиженно отрезал Леонид Маркович и схватился за крупный травяной

корень, который никак не поддавался.

— Вы бы перчатки надели. Да и без головного убора на жаре опасно. У вас тяпка-то где?..

Гера по-хозяйски прошелся по двору, заглянул за скрипучие двери давно не крашенных деревянных построек и мигом выудил разномастные садовые инструменты. Вдвоем работа у них не сказать что закипела, но Гера справлялся ловко, скоро, ретиво. Сразу видно, у сельского парня рука до любой работы набита, натружена опытом. Такого и учить не надо: он сам знает, сам чувствует, на каком участке земли какой инструмент сгодится. Чует, где глубже взрыхлить землю, а где и притормозить, чтобы не повредить уставшие, задыхающиеся в сорняках корневища душистых пионов, надломленные, еле живые.

— Смотрите, дядь Лёнь, у вас тут прибавление!

Гера наклонился и, аккуратно удерживая тонкие веточки жимолости, кивнул вглубь темно-зеленой листвы. Леонид Маркович поспешил посмотреть.

— Что там? Подожди, дай взглянуть, — спотыкаясь о неровные заросшие грядки, сбивчиво, но с интересом проговорил он.

— Впервые их на жимолости вижу. Они же вроде на дубах яйца откладывают?

Леонид Маркович неаккуратно ухватил ветку, больше напоминающую плеть, усыпанную продолговатыми листьями и ягодами-фасолинами.

— Да тише вы, уроните. Ей еще крылышки обсушить надо!

На тонком листе висела безжизненным тускло-коричневым цветком бабочка-павлиноглазка. Рядом не было других куколок. Она одна оказалась тут, в заброшенном саду. Нашла приют и неприметное место для метаморфоз своей жизни, точно символ или какой-то знак, который должны были разгадать хозяева, когда бы отправились собирать ягоды с потяжелевших ветвей.

— И что мне с ней теперь делать? — спросил Леонид Маркович, глядя на Геру с тревогой и готовностью к действиям.

— Да ничего, — ответил тот, медленно отпустив ветку. — Не наступите только и не сбейте, когда проходить будете. Она крылья высушит и улетит.

— А-а-а, — отозвался Леонид Маркович, взглядом догоняя Геру, который сразу же нашел себе новое задание, ловко срубая тяпкой сорняки вдоль забора.

Помощь Геры оказалась бесценным подарком, и не только для Леонида Марковича, но и для

дома, который теперь расправлял понемногу могучую грудь, набирал побольше звенящего синевой воздуха, окидывал взглядом неряшливые еще вчера тропинки и клумбы, а сегодня — поднимающие головки, чудом выжившие многолетние флоксы, астры, нивяник и распушившуюся астильбу; призывал все живое окружить, обласкать, одарить это место урожаем и многоцветьем.

В другой раз Гера позвал с собой Кузьму, который охотно присоединился к ним, захватив, будто во спасение от жары, свой высокоградусный «квас». В следующие рабочие выходные с ними уже трудились и Алевтина, и случайно заглянувшая в гости Геля. Геля торжественно внесла продолговатые цветочные горшки, которые крепились на заборе или под окнами дома и представляли собой парящие крохотные клумбы с разноцветными садовыми гвозди*к*ами.

Геля и Алевтина хватко справились с пылью, скопившейся на лавках во дворе и в беседке, подрезали кустарники, вынесли из теплицы ржавые склянки и кастрюли, из которых торчали обреченные пожухлые ростки, убрали безжизненную рассаду и спарившиеся до личинок тыквы и накрыли на стол.

— Смотрите, что у вас тут растет! — В который раз удивленный Гера нес Леониду Марковичу природную находку. — Знаете, что это?

— Нет, я таких ягод никогда не видел, — Леонид Маркович покрутил в руке плотные шарики, висящие рядком на тонком стебле. — А вот листья на ландыш похожи.

— Это и есть ландыш, — усмехнулся Гера. — У вас за домом целая поляна.

— Не знал, что у него ягоды бывают. Я только цветы видел.

Леонид Маркович сунул в карман безжизненную ландышевую веточку и продолжил прополку.

— Ничего, поживете, полюбите заботу о природе, столько всего узнаете. В жизни все в свой черед происходит, как и в природе, — подметила Геля, которая, пока Алевтина возилась с угощениями, решила наполнить лейку и полить прополотые цветочные островки. — Вот вы знаете, почему на многих деревьях первыми распускаются цветы, а уж потом появляются листья?

Леонид Маркович никогда не думал о таких мелочах и не замечал механизмов природы, которые, как выяснялось теперь, были символами и подсказками в его судьбе. Он молча отрицатель-

но помотал головой.

— Листья помешают опылению, — спокойно и миролюбиво продолжила Геля. — Насекомые обойдут вниманием скрытый листвой бутон. А так пыльца беспрепятственно разнесется ветром и мохнатыми пчелиными лапками. Листья появятся позже, чтобы прятать и укрывать спеющие плоды. Во всем, что нас окружает, прячется столько смысла!

— Геля, там Алевтина тебя звала то ли с пирогами, то ли с чаем помогать. — Кузьма хитро потер усы, направляясь к Леониду Марковичу с горящей в глазах идеей, и, подойдя ближе, шепотом добавил: — Заслушаешься бабьих разговоров, особенно про огороды, не отобьешься потом. Я вот что подумал, Леонид, место у тебя просторное, посевами не занято, надо бы шашлыки организовать. Я квас прихвачу… Только Алевтине ни-ни…

Он многозначительно кивнул Леониду Марковичу, ища во взгляде понимающий отклик и поддержку.

— А если Алевтина откажется? Она и так устала за день.

— Не откажется. У нас сосед баню строит, а с инструментом не в ладах: то пилу неправильно держит, то гвоздь в зубы не той стороной кладет.

А я же смолчать не могу, ты меня знаешь. Весь день у нас с ним споры. Алевтина шибко ругается на меня, чтоб не лез не в свое дело, нервничает. А как не посоветовать, как мимо проходить, если у него руки не из того места растут. Я же вижу! Так что она и рада будет со двора уйти.

Чаепитие, скрепленное новыми планами, вылилось в недолгую еще работу на стройных и уже преобразившихся грядках, а после в заслуженный отдых.

На шашлыки Геля пришла не одна. Мальчишка лет пяти кружил по двору Леонида Марковича на стареньком облезлом велосипеде с дополнительными маленькими колесиками у заднего колеса.

— Опять не едет! — неожиданно завопил он, спрыгнув с велосипеда и помчавшись к Геле. — Опять сломался! Баба, иди насос проси у соседа. Опять сдулось.

— Дай посмотрю, — вызвался Кузьма, который следил за мангалом. — Колесо, видать, дырявое. Леонид, неси тазик с водой.

— Зачем? — Леонид Маркович и мальчишка с интересом наклонились, рассматривая, как Кузьма без инструментов легко справился с проржавевшей гайкой и «снял» заднее колесо.

— Как зачем? Сейчас колесо разбортируем,

камеру вытащим и будем искать, где спускает. А иначе как дыру заклеить. Тазик с водой, говорю, неси.

«Обозначив» дыру, поразмыслив, как быть, Кузьма и Леонид Маркович отправились за инструментами, поручив Гере присматривать за мясом и овощами, которые томились на углях. Кузьма обещал, что дел на пять минут, да и идти к нему близко.

По дороге Леонид Маркович не удержался и спросил о мальчике.

— Это внук ее, — начал Кузьма. — Я всего не знаю, но Геля почти с рождения его растит. Нет, иногда мать его забирает, но ненадолго. Геля сама так решила. Она дочку рано родила, без образования осталась, судьба нелегкая. Не хотела, чтобы дочь повторила ее ошибки. Переживала шибко за нее. Но, как моя Алевтина говорит, то, чего мы сильно боимся, невольно притягиваем в свою жизнь.

— И что, дочка ее рано родила и бросила мальчонку?

— Да нет, не бросила. Алевтина сама предложила. Дочери университет надо было окончить, жизнь устроить, поработать первый год для опыта. Она, конечно, пыталась Мишку забрать, в сад

пристроить, но он там, в городе, болел беспробудно, а на работе ей за постоянные больничные нагоняй дали, чуть не уволили. Так Алевтина решила, пусть с ней будет, до поры.

— А отец его где?

— Не знаю. Геля ходила к Алевтине поплакаться, раньше часто, а теперь уже совсем успокоилась. Говорит, у нее занятие появилось, которое отвлекает от горестных дум, к жизни ее вернуло…

— Знаю-знаю, — Леонид Маркович догадливо покачал головой.

— А раньше она так горевала. Сетовала, что на их семье венец безбрачия. Алевтина говорит, это трагедия — остаться одной с ребенком, женщина понимает, что никому не нужна, а тут еще и дите тянуть. Но никто не знает, как за брошенных дочерей переживают их матери. Вот Геля с ума сходила, места себе найти не могла, все к Алевтине жаловаться и плакать шла. Так не хотела, чтобы дочка по ее стопам — одинокая осталась, в жизни не устроилась, на ноги толком не встала, ребенка-то одной поднимать не шутка.

— И она вот так ей помогла? Думаешь, правильно все это?

— Ну, им виднее. Наверное, так лучше. Может,

дочка ее поработает, покрепче устроится в городе и заберет Мишку. Как раз, наверное, пацан в первый класс там пойдет. Все же лучше, чем в село бы вернулась без образования, без работы и у матери на шее…

Чужие жизни представали перед Леонидом Марковичем как новые непрочитанные книги. Даже пересказанные из уст посторонних, они казались интересными и сложными. Поначалу каждая тайна была проста, пока не услышишь, не прочтешь ее собственными глазами, не коснешься, не отворишь. Когда углубляешься в ее «настоящесть», слушаешь о переплетениях, исходах, попытках к счастью, невольно стыдишься, что в этот момент ты всего лишь слушатель, бездейственный наблюдатель, абсолютно бесполезное существо перед событийностью и разномастностью непобедимых течений, кружащихся на страницах жизни.

Прошло еще несколько «правильных» дней, и с трудом можно было узнать и дом, и приятный теперь на вид дворик, и хозяина. Голос и взгляд Леонида Марковича прежде не излучали ровного, уверенного спокойствия, тепла и душевного комфорта. Порядок книжных полок в комнатах дома, его убранный сад и выметенные дорожки

тоже будто проснулись, оживились и с радостным сердцем ожидали гостей.

Сам Леонид Маркович глядел на прежние дни будто на недочитанную историю, которую теперь с гордым самовосхвалением имел право убрать на полку. День за днем он бросал страницу на полуслове, проходил мимо сиротливо глядящего на него, покрывшегося пылью томика, недостойно одаривал равнодушным взглядом и сбегал. Теперь же нашел в себе смелость, силы и непреодолимое желание все изменить, прочесть собственную жизнь в красивой обложке, расставить все по полочкам и узнать, что случится дальше, если перевернуть страницу.

Жизнь понемногу налаживалась. Все вокруг и внутри преображалось, становилось ярче, звонче, живее, ощутимее. Оттого на душе радостью грело что-то решительное, рвущее прошлые настроения, ломающее невидимые стены, зовущее совершать, несмотря на предрассудки о возрасте, душевных ранах, жизненных обстоятельствах.

В тот лучистый летний денек, когда казалось, что все уже сложилось и не может перевернуться с ног на голову, снова разрушиться, Леонид Маркович возвратился с прогулки в прекрасном и поющем расположении духа. Он по сложив-

шейся уже личной традиции бродил по степи, где волнующийся ковыль уносил боль воспоминаний прочь, убаюкивал и шептал о добром и смиренном. Леонид Маркович чувствовал легкую усталость, но все же собирался навестить друзей по книжному клубу: Анатолий как раз обещался принести тыквенные пироги, приготовленные по его новой импровизации, а Агата просила сдать уже ту самую книгу, которую библиотекарь вручила Леониду Марковичу при первой встрече.

Леонид Маркович, чувствуя теперь собственную важность и полезность, даже сбрил прилично отросшие уже бороду и усы, выгладил ворот рубашки так, что он напоминал острые изгибы крыла бумажного самолетика, покормил Кешу и попросил его вести себя прилично, дожидаться и не проказничать.

Кот следил за неторопливыми передвижениями хозяина по комнате, слушал его негромкую с хрипотцой речь, отвлекался и с волнением следил за тонкой кружевной занавеской на окне, которая, будто дразня, надувала живот и медленно опадала от сквозняка.

Но, будучи неугомонным котом, Кеша успевал все и сразу: и выслушать наставления, и поохотиться за оконным кружевом, и углядеть,

что хозяин оставил что-то на тахте — гладкое, ровное, идеальное для его котовьего отдыха. Кот прилег на оставленную книгу, укрыв ее пушистым телом.

Леонид Маркович вовремя заметил, подошел, пересадил питомца, спасая книгу, которая рисковала снова не вернуться в библиотеку. Он присел тут же — на тахте, покряхтывая от сковывающей поясницу боли, и принялся перелистывать страницы. Это была удивительная история сада, расцветающая в деревьях, бутонах, птицах и даже людях. Автор рисовал прекрасный зеленеющий мир и делился семейными воспоминаниями: целый год он изучал фамильный сад, целый год наблюдал и не покидал дом. Леонид Маркович даже почувствовал какое-то сходство с теперешней своей жизнью, погрузился в странные и волнительные мысли о том, что книга будто немое послание, предсказание или таящее в себе ответы магическое существо. Да, с виду это бездушный предмет, вполне себе обычный и простой, но стоит коснуться, пробежаться по строчкам, заглянуть в развороты с иллюстрациями — жизнь меняется. Порой скромно, незаметно, в полшага, а иногда и с разбега, резко, неожиданно. Книга сама выбирает, каким будет твое послание, и

ждать отгадок преднамеренно глупо. Все придет и случится само собой…

В дверь постучали.

«Это точно не Гера», — Леонид Маркович вздрогнул, повернув голову в сторону настойчивого, резкого и уверенного звука.

— Может, случилось чего… — прокряхтел он, поднимаясь с места и направляясь к двери. — Или Кузьма чего удумал…

Он представлял Геру, который принес новый необычный гостинец: лимонный пирог, садовые груши или редьку для салата — и, как обычно, с глупой, но доброй улыбкой, в радостном расположении духа заглянет на чай, пошатается по кухне, расспрашивая о том о сем. Потом разговор снова зайдет об Аленке, и Гера сбежит, смешно опуская голову, всем сердцем выражая обиду на неосторожные шутки Леонида Марковича, который и переживает за друга, но понимает, что дело гиблое.

Леонид Маркович отворил дверь, но на крыльце стоял совсем не Гера.

— Доброго дня, — собеседник еле заметно кивнул, недовольно сжимая губы и хмуря лоб. — А я смотрю, вы тут времени зря не теряли: прибрались вон, сорняки выпололи, сухие ветки

срезали…

— Петр? — удивленно протянул Леонид Маркович, пытаясь понять, вспомнить, догадаться, зачем он приехал. — А ты чего тут? С документами что-то не так?

— С документами у меня проблем не бывает, — важно заметил Петр, пытаясь открыть дверь, но Леонид Маркович зачем-то крепко вцепился в нее, не пуская гостя на порог, будто чувствуя неладное.

— А зачем тогда приехал?

— У Руфины Григорьевны — бывшей хозяйки дома — если вы забыли, кто это, — кот сбежал. Он не в первый раз во время поездки из машины выпрыгивает. Раньше тоже протестовал, когда она до осени в город перебиралась.

— А я-то тут при чем? Я чем могу помочь?

— Кот, должно быть, в доме. Он всегда возвращался сюда. — Петр сильнее толкнул дверь и попытался заглянуть внутрь, подзывая кота. — Франческо! Франческо! Кс-кс-кс-кс…

— Нет, здесь нет никаких животных, — кряхтел Леонид Маркович, напирая плечом на дверную ручку.

— Да дайте же зайти!

— Нельзя! Убирайся! Пошел вон из моего дома!

— Безмозглый старик… — угрожающе процедил Петр, не собираясь отступать.

— Это мой дом! Мой! И я никому не позволю…

— Да чтоб тебя, психопат старый…

Петр гневно взглянул на него, не собираясь сдаваться, и со всей силы вывернул дверь настежь. Леонид Маркович не удержался на ногах и от неожиданности и слабости упал на спину. В голове зазвенело, в глазах замелькали белые мушки, а потом и вовсе вокруг потемнело. Он попытался нащупать пространство и, опершись на стену, подняться. В затылке пульсировала боль, разливаясь по всему телу и переходя в странную дрожь и слабость. Когда звон в ушах, похожий на дребезжащий свист, начал стихать, Леонид Маркович, понемногу приходя в себя, ощупал голову трясущейся ладонью. Невольно оглядывая комнату, он увидел, как Петр хватает сопротивляющегося и яростно кричащего Кешу, заматывает его в пиджак и широкими шагами уносится из дома.

Еще недолго Леонид Маркович сгребал остатки мужества, успокаивался, поднимался. Хотя колени его продолжали дрожать, будто соломинки, не имеющие силы удержать тело, но вынужденно ставшие его опорой.

Леонид Маркович медленно и неуклюже, качаясь, запинаясь, побрел на кухню выпить стакан воды. Окончательно осознав, что остался совсем один, он вдруг сорвался с места с неимоверной больной прыткостью и погнался следом за Петром, насколько можно было назвать бегом его спешащую, колеблющуюся походку. Пустился со двора, не зная на самом деле, куда направился грабитель. Хотя можно ли считать грабителем того, кто, если подумать, ничего и не крал — вернул свое. Насильно, грубо, как того потребовали обстоятельства, но чужого взять не смел. А свое ли взял? Живое существо, выбравшее место и человека, решившее, что дом его тут и хозяин сгодится, вдруг оказалось вырвано, насильно отправлено в другие руки. Даром что добрые — важнее, что неродные. И никто не спрашивал, врываясь и разбойничая внутри, принимает ли дом, одобряет ли хозяин, желает ли питомец…

— Просто взял и забрал… — плевался Леонид Маркович, задыхаясь от спешки. — Да он же им даже не нужен! Он бы еще через сто лет приехал. Почему сразу не забрал?.. Не нужен потому что! А теперь, когда все привыкли… когда он мне как член семьи… Взял и забрал, мерзавец!

Он миновал деревянный забор и узкую, зарос-

шую пышными кустами шиповника тропку. Долго искать обидчика не пришлось, да и догонять тоже. Машина Петра стояла у дома Аленки. Леонид Маркович увереннее заторопился, когда увидел, что надежда еще есть. Поравнявшись с автомобилем, он оперся ладонью о капот в попытках отдышаться. Петр придерживал калитку, намереваясь войти во двор, а напротив него, недовольно буравя взглядом, стоял Гера.

— Ты чего тут забыл? — сдержанно, спокойно, с прикрытым гневом и презрением начал Петр. — Отойди.

— Не твое дело, — вызывающе огрызнулся Гера. — Ты бы сам проваливал подобру-поздорову. Тоже мне, городской нашелся! Никто тебя здесь не ждет, понял?

— Что ты сказал?

— Что слышал. Ты думал, я так просто от нее отступлюсь? Ну давай, посмотрим, кто из нас достойнее!

Гера принял решительную позу, выставив вперед кулаки.

— Дубина деревенская! — Петр испытующе смотрел в лицо сопернику, делая шаг навстречу и толкаясь с ним плечом. — Дай пройти, сказал. Она меня ждет.

Леонид Маркович, обессилевший от бега, задыхаясь и пытаясь подобрать слова, оборвал их стачку.

— Да он ко мне приехал… — просипел он и еле слышно, почти про себя, добавил: — Черт бы его побрал…

— К вам? — растерялся Гера. — А, то есть и вы с ним…

— Ага, старые друзья, — ухмыляясь, закончил фразу Петр.

— Вот, значит, как? А я-то думал, и чего вы все ко мне со своими советами лезете, про любовь, про философию. А вы за него, что ли? — Гера уронил руки и, точно дикий, уставился на Леонида Марковича. — Я перед вами душу выворачивал, а вы…

— Да гори она синим пламенем… — Леонид Маркович хотел договорить «такая дружба», но не успел: Гера взбрыкнул, точно разъяренный и упрямый молодой телок.

— Ноги моей больше здесь не будет!

— Гера… Гера… успокойся… — все еще повторял Леонид Маркович в попытках ухватить воздух.

Гера резко стукнул кулаком по заборчику, отчего тот закачался, будто картонный, пнул колесо машины и, смачно плюнув на лобовое стекло,

зашагал в сторону дома.

— Отдай кота, Петя? — умоляюще начал Леонид Маркович, едва проводив Геру взглядом и опомнившись. — Да зачем он вам? Здесь его дом. В городе ему не выжить.

— Да идите вы лесом, сельские дегенераты! — возмущенно отрезал Петр, небрежно сунул что-то в почтовый ящик, запрыгнул в машину и включил омыватель лобового стекла.

Леонид Маркович наконец заметил Кешу, который жался на заднем сиденье к окошку. Кот принюхивался, в волнении пригибал спину, прижимал ушки и в тревоге царапал велюровые накидки. Это было последнее неожиданное и всколыхнувшее чувство отчаяния видение.

Петр поехал восвояси, оставляя людям за спиной разочарование и пыль. Впрочем, пыль через минуту улеглась, а что насчет жизни — как принять и успокоиться, — ответов не было.

Глава 10

На душе кружила тревога, в груди ныло, голову сдавливала тупая боль, возникшая то ли от падения, то ли от пережитого в этот день. Леонид Маркович сидел молча, опустив взгляд ниже вязаных ковриков, скомкавшихся на деревянных половицах.

Он не мог перестать думать о Кеше, к которому, как оказалось, привык и привязался и с которым ему даже не дали попрощаться, не позволили успокоить, погладить, подержать на руках перед разлукой.

Мельком всплывали обида Геры и разговор, в котором он что-то не так понял, решив, что Леонид Маркович дружит с Петром, а Петр, получается, и был тем самым городским женихом Аленки. Теперь и Аленка, и ее бабушка, и соседи плохо подумают о них, ведь они с Герой не дали Петру ступить на порог невестиного дома, угрожали, гнали прочь, накинулись, каждый со

своим упреком.

Так он думал, думал и совсем не замечал и не слышал беседы остальных. Не сразу очнулся, вырванный из глубины переживаний эхом — повторяющимся зовом Агаты.

— Леонид Маркович… Вы меня слышите? С вами всё в порядке?

— А? Что? — Он вздрогнул.

— Вы сегодня какой-то странный. Молчите опять. Мы рассказываем, что прочитали или начали за выходные. Вы что-то принесли?

Он вдруг вспомнил, как Кеша уселся на книгу, укрыл ее пушистым телом, верно, чтобы понаблюдать, как забывчивый хозяин вернется и будет ворчать, что пришлось лишний раз тратить силы, ходить туда-сюда — еще репей вечно прицепится к краям штанин, когда минуешь узкий деревянный мостик. Книгу он, впрочем, все равно не взял.

Оглядев присутствующих книжного клуба, беззаботно и радостно сидящих в кружке, болтающих и не знающих горестей, он хотел сказать, что забыл и пришел просто послушать их.

Но слова сами вырвались, и остановить их, удержать оказалось невозможным:

— Вы здесь опять о какой-то ерунде говори-

те… — Голос его полился протяжно и плотно, незнакомым тембром, прикрытым навязчивой хрипотцой, а взгляд совсем затуманился. Будто все вокруг, те, кто не познал, не прочувствовал его беды, были причастны и находились на стороне обидчика, а потому решительно определялись в ранг врага и виновника и на чистосердечные разговоры могли не рассчитывать.

Все смолкли. Непонимающе, но в ожидании ясности уставились на него.

— Даже не знаете, как нелегко бывает день за днем нести груз несчастий! И что мир не вертится только вокруг ваших этих бесполезных книжек! Как они могут здесь помочь? Побегут за машиной? Догонят? Дадут сдачи? Отберут украденное? Как?..

— Подождите-подождите, — Агата присела рядом и обняла за плечо. — У вас что-то украли? Успокойтесь. Объясните толком… Надо вызвать участкового. Что случилось?

— Ничего у меня не украли. Я сам, может, не свое взял…

Он все еще пребывал в странном волнении и непонимании, мог ли после всего считать Кешу своим питомцем или весь этот коротенький кусок лета был недоразумением, ошибкой, неверно

истолкованным обстоятельством. Признаваться кому-то, рассказывать такое — смешно и глупо.

— Может, вам лучше домой пойти? Прилечь? Чаю попить? Как-то успокоиться, — растерянно протянула Варвара, раздуваясь при этом от важности и будто от обиды, точно конфликт относился к ней лично и задевал не хуже «груза несчастий», про который, как сказал Леонид Маркович, она вроде и не подозревала.

— Да ладно вам! — Анатолий попытался все уладить: подскочил, включил в розетку чайник, схватил с прогретого мармита блюдо с пышками. — Что такого могло произойти в нашем тихом, забытом богом селенье? Давайте сегодня начнем с угощений, заодно и поговорим… А книжки напоследок — на десерт оставим.

— У вас-то, конечно, ничего произойти не могло, — в сердцах кинул Леонид Маркович, вскакивая с места. — Только о булках своих да любовных романах думаете! Да ну вас! Бесполезное все! Сижу тут, время трачу…

— Ну зачем же вы так?..

— Вы бы поделились, может, вам полегчает…

— Конечно. А булки и книжки еще никому вреда не сделали. И очень, между прочим, целебное сочетание.

— Вот-вот…

— Да гори оно все синим пламенем! — бросил Леонид Маркович напоследок и хлопнул дверью, уходя.

— Чего это он? — вздрогнув от хлопка, испуганно спросила Геля, первой нарушив тишину, сковавшую пространство. — Может, случилось чего?

Но ответа не последовало. Сидящие отшутились плохим настроением, которое к старости будет мучить и их, да и ворчливость Леонида Марковича была не новостью. А что он говорил про украденное — видимо, по забывчивости положил вещь на новое место, а теперь мудрено найти. Геля, впрочем, пообещала зайти к нему позже, поговорить, проведать.

Сам же Леонид Маркович пребывал теперь в другой, новой тишине: беспокойной, колющей под ребрами, толкающей в плечо и зовущей метаться по комнате в неопределенности. Он прилег, уговаривая себя успокоиться, уснуть, чтобы поскорее преодолеть этот день. Но мысли вились и надоедали, как рой насекомых во дворе, хаотично вихляющийся потоками воздуха.

Они становились громче и невыносимее. Он поднялся, пошел вниз, по пути ворчливо про-

износя обрывки фраз, которые то ли про себя, то ли шепотом высказывал невидимому врагу, сопровождая их редким грозящим жестом указательного пальца для пущей строгости. На последней ступеньке он задержался и застыл в ожидании, оглядывая залу, — никого не было. Кеша, который обычно спал на тахте, ютился на маленьком коврике у камина или проказничал на кухне, теперь становился коротеньким воспоминанием. Оно зудело и ныло еле слышно, тянулось надеждой, что вот-вот, сейчас он проснется, выпрыгнет из-за книжных полок… Но нет — вокруг было сумрачно, зыбко, безжизненно. Тишина комнат прекратила свое дыхание, скрип и шепот. Все так, как сначала мечтал сам Леонид Маркович — ошибочно мечтал, неосторожно, глупо. Теперь воплощение этой мечты, как злобная усмешка, дразнило его и укладывало на плечи новый, невидимый груз вины.

Он вышел во двор, сомневаясь в своих силах. Ноги не слушались, спотыкались, но тревога не позволяла оставаться на месте. Он шел к степи неловкими, неосторожными шагами, запинаясь о зеленеющие верхушки кочек, натыкаясь на крапиву и надоедливый репейник. Не шел, а бежал, неспокойно плыл, будто оброненный

в ручей сухой лист — ударяясь о края берега, задерживаясь у торчащих корней, чудом обходя острые каменные выступы. Дойдя до середины травного моря, он сел прямо на ставшую к вечеру прохладной почву. Уронил голову, закрыл лицо руками, впился пальцами в седые волосы, и… сутулые широкие мужские плечи редким подрагиванием выдавали слабость и последнюю побежденную крупицу колючей стойкости, все это время маскирующейся под личиной недовольства и недоброжелательности.

Леонид Маркович думал о том, что в жизни его слишком много несправедливости и горя и что плакал он в последний раз, когда Зоя оставила его: нет, не во время траурных приготовлений и даже не на кладбище. Соседи тогда, провожая взглядом его поникшую фигуру, наверное, судачили, что он бесчувственный и каменный, раз так спокойно перенес утрату. Но это спокойствие рассыпалось, стоило ему оказаться в пустоте и тишине собственной квартиры, где до того долгие годы все оживало, дышало, пело, имело смысл только потому, что она была с ним.

Одиночество, в котором ты остался *вдруг*, будто кривое зеркало: с издевкой смотрит, уверяя, что реальность такова и неизменна. Хотя ты-то

знаешь, что рядом опустевшее место, что ладонь больше не сжимает руку покинувшего тебя. Ты будто стоишь перед открытой дверью, ждешь, что сейчас кто-то войдет из темноты, но фонарь над крыльцом не загорается, пустота и тишина остаются на своих местах, а сам ты не решаешься сделать шаг, потому что поверить и принять обстоятельства больнее.

Леонид Маркович откинулся на спину, и ничего не было вокруг, кроме перешептывающихся колосьев, стрекота насекомых, жалобной и однообразной песни кукушки, тотчас подхваченной и передразненной сорокой, и провисшего серого неба, которое становилось пурпурным и мрачным по краям, вбирая в себя вечерние пасмурные краски сумерек.

Глава 11

— Батюшки мои! Да как же это? Что же это делается?

Геля кричала в такт остальным, вскидывала руки, растерянно кутаясь в цветастый платок, который догадалась схватить впопыхах и накинуть на плечи, прикрывая тонкие бретели потускневшей ночной сорочки.

— Пожарных вызвали? — кричал кто-то из толпы.

— Вызвали-вызвали, — отозвались в другом краю.

— Давно уже вызвали. К нам пока доедут…

— Хоть бы на дома не перекинулось…

— Да не должно. Здание, слава богу, в центре стоит, к дворам не примыкает…

— Полыхает-то как…

— Неужели поджог?

— Ну не само же!

— Да кому оно понадобилось? Сто лет стояло,

взять нечего… Проводка, наверное, старая, само загорелось…

— Как же, само! Нашелся, видать, тот, кому помешал наш Дом культуры…

Геля растерянно осматривала толпу. В суматохе заметила Варвару, за ней Агату, Надю и Нину и обреченно направилась к ним. Анатолий вертел головой по сторонам, будто разбуженный филин, в испуге пытающийся разглядеть причину атаковавшей его тревоги. Он что-то бормотал о поджоге.

Люди вокруг бегали, суетились, кто-то таскал ведра с водой или песком, будто это могло помочь; кто-то просто стоял и глазел разинув рот. Все члены книжного клуба, кроме одного, кучковались в сторонке, наблюдая, как огонь пожирает старенькое здание, внутри которого теперь погибали библиотека и целый мир, сроднивший их, наполнивший смыслом дни, дарящий ускользающее и необъяснимое, что исцеляло и отмеряло каждому силы.

За чернеющими и лопающимися стеклами им мерещились малочисленные книжные полки: языки пламени жадно скользили по хрупким томикам, обгладывали беззащитные издания, взвивались до потолка, обдавая жаром простран-

ство и закручивая гарью место, ставшее живым сердцем маленького села. Сагибово задыхалось. Агата и остальные смотрели, как умирает и перестает биться их другая жизнь. К утру этот крошечный деревянный островок должен был обратиться в пепел. Агата закрыла лицо руками и заплакала. Анатолий приблизился и бережно обнял ее, все еще не в силах сказать связное и внятное.

— Куда дуля — туда дым, куда дуля — туда дым. — Дед Ибрагим топтался вокруг толпы и всего действа, как безумец повторяя дурацкую поговорку и тыча в полыхающее бедствие нелицеприятные жесты.

— Кто?.. Кто это сделал? — опомнившись, прошептал Анатолий. Он сдвинул очки и потер покрасневшие от дыма глаза. В круглых перепачканных линзах отражался пожар.

Гера, который метался с ведрами, случайно толкнул стоящих в обнимку и чуть не сбил их с ног. Он мельком услышал бормотание Анатолия и будто осознал, что у произошедшего есть виновники. Гера остановился, смотря на их встревоженные догадками лица, и приготовился слушать.

— Разве у этого сарая были недоброжелате-

ли? — тихо спросил он.

— Недоброжелатели? — переспросила Агата, отпрянув от Анатолия.

— Врагов, может, и не было, — вмешалась Варвара, — но кое-кто сегодня был крайне зол на всех нас, ругался, крушил все вокруг, дверью хлопнул!

— Варвара, ну что ты говоришь, ничего он не крушил, — Агата понимала, к чему клонит Варвара, но не решалась до конца встать на защиту «виновника». — Повздорили немного. Не о чем говорить, по-моему…

— А как он дверью хлопнул, — Геля подступила ближе и понизила голос. — Я аж вся вздрогнула от удара.

— И в конце сказал что-то такое, будто пожелал, чтобы все сгорело, — неуверенно подытожила Нина.

Все они смотрели на Геру, будто он что-то решал в этой ситуации и в этой беседе. А он слушал их и вспоминал личные ссоры и неприязненные беседы с Леонидом Марковичем.

— Ясно, — протянул он, утвердительно кивая. — Я знаю, кто поджег. Знаю, — Гера говорил все громче, в конце совсем переходя на крик. — Проклятый старик! Он! Кто же еще! Ему тут все

было не так! Везде он вмешивался, всюду свое слово вворачивал!

Оставляя позади и пожар, и рассыпающуюся толпу, и осиротевший книжный кружок, Гера разъяренно мчался к дому Леонида Марковича. Он не знал, что скажет ему, не знал, что собирается сделать, — он был зол до глубины души на дурной и непонятный поступок. Гера с трудом усмирял гнев, от которого ладони сжимались в кулаки, а грудь обдавало жаром. Он нуждался во встрече, в которой ему, по собственным душевным заключениям, положено было первое и решающее слово.

В окнах наверху горел свет, входная дверь была заперта. Гера долго и упорно стучал, кричал, обходил дом кругами и колотил в окна. Никто не открывал, не подавал признаков жизни. В ответ лишь тишина слушала его, смотрела бездонными глазами через широкие стекла первого этажа, молчаливо и беспомощно пожимала плечами.

— Струсил. Прячется, значит. — Гера присел на крыльцо, опустив перепачканные руки. — Что ж, ладно. Все равно каждый свое получит.

Он вытер вспотевшее лицо тыльной стороной ладони и пошагал обратно — к людям. Там он еще мог быть чем-то полезен. По крайней мере,

надеялся, верил, что все еще можно исправить. Так его учила мать: и в детстве — не наказывая, но поучая за дурные поступки наставлениями и моралями, в которых суть — дурное нужно и можно исправить, что бы ни приключилось, что бы ни натворил сам; и потом — когда детство кончилось и он узнал горести взрослой жизни.

Когда отец его свалился с инсультом, а потерянное время в ожидании скорой утекало безвозвратно, оставляя тяжелейшие последствия, мать верила, учила верить и упрекала за уныние, за неумение видеть главное. Она одна тогда искала пути и решения, одна сделала все, что было ей по силам. Верила даже в глупости, в деревенские сказки — заговоры и отвары из ковыля. Гера не верил, но поддерживал и выполнял любые поручения. И загаданное, выпрошенное чудо случилось — глава семейства тогда пришел в себя.

Почему же теперь у Геры все не ладится: ни с любовью, ни с людьми, в которых он верит? Почему люди, которым он помогает, которых считает друзьями, на деле оказываются мерзавцами, предателями, способными на поджог? Ведь теперь он стал сильнее, повзрослел и многое понял. Теперь он, кажется, научился видеть главное — или еще нет?

* * *

Когда он открыл глаза, то с трудом осознал, где находится. Леонид Маркович осторожно поднялся, отряхивая с себя траву, пыль и насекомых. Он замерз, а спина ныла от долгого лежания на твердой земле.

Леонид Маркович посмотрел на небо, огляделся, пытаясь хоть немного понять, который час. Небесная тьма подсвечивалась густым туманом или дымом. Воздух был смешан с предрассветным влажным холодом и горьким привкусом прогоревшего костра. Дышать было тяжело, муторно.

Понемногу приходя в себя, Леонид Маркович направлялся в сторону дома.

Просыпающиеся травы и луговые цветы провожали его тяжелым шелестом, роняя вслед еще не опавшую росу и поднимая освобожденные стебли выше. Двор глядел на него опустошенно и устало, щурясь еле заметными бликами и отзвуками былого дня.

Половицы в сонных комнатах простодушно поскрипывали, ловили в движениях протяжную неуклюжесть, скованность, скоро смолкали, предупредив пространство о хозяйском присутствии и продолжив досматривать странный ночной

кошмар.

Плотно задернув шторы спальни, Леонид Маркович погрузился на мягкую кровать, даже не расправив ее. Голова его мгновенно утонула в пышно взбитой перьевой подушке, стоящей аккуратным уголком. Веки тотчас же сомкнулись, предавая его крепкому сну.

Глава 12

Странная, но оживляющая мысль — пройтись по селу рано утром, когда заря только разлилась по горизонту, когда птицы еще нерешительны, берут свои ноты ласково и мягко; травы тяжелы от неопавшей росы, а воздух точно янтарный медовый отвар — чистый и насыщенный, с привкусом гречишной горькости и дурманящей цветочной сладости. Впрочем, подхваченная прохладными струйками ветерка горчинка в это утро расцветала не только в ароматах медоносной гречихи. До головной боли пахло костром.

Леонид Маркович проснулся раньше обычного. Он посмотрел на часы, перевернулся на бок, попытался снова уснуть. Воспоминания и думы тут же накинулись на него, сон окончательно отступил, да и лопатка ныла после падения. За окном было уже светло, солнце без остатка вторглось в спальню, освещая каждый ее угол.

Леонид Маркович умылся, выпил травяного

чая и отправился на прогулку. Он собирался побродить в одиночестве там, за широким лугом, где узкие тропинки прячут прохожих, обступив их пышными зарослями трав и кустарников по обе стороны. Но когда доверяешься лесным тропкам — теряешь бдительность, и выбранный путь твой потихоньку ускользает, меняется на верный, нужный. Леонид Маркович прошел мимо мостика, не ступая на основную дорожку, ведущую на центральную улицу. Осматриваясь, свернул с тропы, обогнул дома с другой стороны — тут он еще не гулял.

Сельские дворы интересны в любое время дня, и каждый раз старенькие душевные домики и кособокие огороды встречают тебя с новой историей. Дома будто разговаривают с прохожими: они также приветствуют спешащих мимо, как и их хозяева в свой час; по-своему вздыхают вслед, хвастаются обновкой в виде распустившейся сливы или крашенной намедни скамейки, говорят, что и твоя история им интересна. Вот куда ты идешь? И зачем? Ты знаешь? Знаешь ли? Ну ступай. Только не оглядывайся теперь, не засматривайся на танцующие от сквозняка занавески в приоткрытых окнах, на поскрипывающие калитки и ворчащих спросонья собак. Иди, иди.

Вернешься, расскажешь, куда дорожка завела.

Маленький мирок, в котором столько души и сказки, думал Леонид Маркович, рассматривая, как старушка полощет в тазу белье, а в соседнем доме паренек выбивает узорчатый красно-черный ковер; дальше — сохнут на веревке пестрые лоскутные одеяльца; а вон там — никого, но во дворе под деревянным резным куполом с ромбиками по краям и петушком на носу прячется колодец; дальше…

Дальше доносились крики… Неприятные, надрывные и будто отдаленно знакомые. Леонид Маркович остановился у дома с колодцем и присел на лавку за двором. Будто он незаметен, невидим тут, под тенью яблони. Он сидел и слушал и изредка вытягивал голову, стараясь разглядеть, что там происходило, за низеньким соседним заборчиком.

Ругались трое.

— Куда намылилась с утра пораньше? — яростно кричал мужчина, имеющий вид деревенского алкаша. — Матери бы хоть по хозяйству помогла, лентяйка! Куда собралась, спрашиваю?..

Он остановился на крыльце, нервно потрепал, будто расчесал ладонью, засаленную копну густых неряшливых волос, достал из кармана

застиранных треников пачку сигарет.

Девушка рванулась к калитке, но остановилась на полпути, присела завязать шнурки.

— Не твое дело, — выпалила она.

Он усмехнулся, с упреком подернув головой, и выпустил облако густого дыма в сторону.

— Ты как с отцом разговариваешь, негодяйка? — Женщина, похожая на колобка с короткими ножками, поспешила на крыльцо. Ее платок, косо завязанный на голове, съехал и обнажал жидкие седые прядки волос. — А ну, вернись!

— Тише, не лезь, — осадил ее мужчина, преградив путь локтем.

— Он мне не отец, — огрызнулась девушка и бросилась за калитку.

— Динка! А ну, вернись сейчас же! Не позорь нас, сказала! — продолжала кричать женщина, пока супруг толкал ее обратно в дом.

Дина пролетела мимо Леонида Марковича, прикрывая ладонью распухшую и раскрасневшуюся щеку, ясное дело — от пощечины. Он окрикнул ее:

— Нина! Доброе утро…

— Доброе, — растерянно выпалила она, наспех вытирая слезы. — Вы чего тут забыли?

Леонид Маркович поднялся с лавки и поспешил

за ней, чувствуя, что стоять и спокойно разговаривать она не может, да и не станет.

— Просто вот мимо проходил… На прогулку вышел.

— Ясно.

— А ты куда так рано?

— К Геле. У нас с ней дела, — нервно и неохотно отвечала девушка.

— Я тебя провожу, можно?

Она промолчала, но Леонид Маркович все равно шел следом.

— А почему родители тебя Диной называли?

— Вам-то какое дело?

— Да так, просто спросил, — пожал он плечами.

— Угу, — недовольно буркнула девушка, не глядя на собеседника.

— Твоя семья мне детство напомнила, — неожиданно признался Леонид Маркович, вспоминая атмосферу и образ родителей Дины. — Отец тоже пил. Вот такие же манеры и штаны эти с вытянутыми коленками… Майка с пятнами… Рычащий, сожженный алкоголем голос… Все будто из отражения.

— Он мне не отец, — чуть смягчившись, начала Дина. — Это отчим.

— А, вон как, — Леонид Маркович понимающе кивнул. — А чего кричал?

— Да ничего, — она вытерла красные глаза рукавом толстовки. — Бесятся просто, что я у Гели пропадаю, по двору ей помогаю, за Мишкой приглядываю. Да я бы и рада дома оставаться, только эту пьяную рожу видеть не могу. И как мать его терпит, не понимаю… Говорит, это я во всем виновата…

Дойдя до поворота, она вдруг остановилась, и Леонид Маркович с облегчением вздохнул. Он порядком притомился поспевать за широким молодым шагом.

На повороте у канавы лежало большое распиленное бревно, на котором, возможно, устраивали посиделки местные мальчишки или отдыхали после долгой пешей прогулки старушки. Дина присела и достала пачку разноцветных леденцов из кармана джинсов. Леонид Маркович присел рядом.

— Хотите? — Она разорвала край и протянула ему пакетик.

Леонид Маркович с трудом выловил круглую ускользающую конфету в горстке гладких сияющих, будто речная галька, съедобных камешков.

— У меня была младшая сестра. Вот ее и звали

Нина, — начала она. — Я просто ее именем называюсь… Вроде как, получается, что Нина есть. И она все еще жива.

Дина помолчала и продолжила. Леонид Маркович не мешал ей, не задавал вопросов, молча слушал, чувствуя и понимая, что она, наверное, ни с кем не делилась этой историей. Быть может, ему она доверила боль не потому, что считает другом, а потому, что пора было рассказать, а он просто старик, который не осудит и никому не расскажет.

— Я должна была присматривать за ней. День за днем. Но я постоянно перечила матери, высказывала, что мне надоело ходить «с хвостом», и что я не нянька, и что я уже взрослая и своих важных дел полно. Теперь жалею о своих словах. Если бы можно было отмотать время назад, я бы все отдала, чтобы исправить собственную глупость. Мы с Ниной пошли на озеро. Ей было шесть, и она на месте усидеть не могла. Я думала, ничего страшного, она побегает на берегу, островки из мокрого песка построит, камешки в воду побросает — ей нравилось, а я пока спокойно на пледе полежу, музыку в наушниках послушаю. Я даже не заметила, как задремала. На жаре так сморило, что, когда проснулась, не сразу поняла,

где я. А Нины уже не было. Только сандалики у берега остались.

Дина вдруг оставила свой холодный и отрешенный тон, проглотила комок и разрыдалась, роняя голову в ладони.

— Она утонула из-за меня, — прошептала девушка сквозь всхлипывания. — Отчим с матерью до сих пор меня простить не могут.

Леонид Маркович обнял Дину за плечи и попытался успокоить.

— Ну что ты? Ты не должна себя винить. Наверное, такое невозможно принять, но с ней могла быть и твоя мать, и кто-то еще. Она могла сама пойти к озеру. Иногда происходят страшные вещи, боль от которых нам ничем не остудить, и кажется, что мы виноваты в произошедшем больше, чем можно представить. Кажется, что причина кроется в нас, в наших мыслях, в поступках, но это не так. Просто тебе выпало оказаться в этот час за руку с бедой, но ты бы не смогла развернуться и пойти другой дорогой — тогда был только этот путь.

Дина смолкла, подняла на него глаза, вытерла слезы.

— С того дня я прочитала сотни книг, чтобы не жить в этой реальности, — прошептала она. — Но

видимо, их недостаточно, и нужно еще немного, потому что я все еще вспоминаю и виню себя…

— Может, тебе не стоит отбирать имя у своей сестры?

— Я его не отбирала. Просто так получается, что Нина есть. Она не умерла.

— Она и так есть. В твоей памяти и в твоем сердце. Только теперь получается, что она безымянная. Ты забрала ее имя и пытаешься прожить жизнь за нее. Так ты ее никогда не отпустишь.

— Вы так говорите, как будто теряли сестру, — буркнула Дина и отвернулась.

— Сестру не терял. А любимую супругу — да. Правда, я ее именем не назывался.

Дина посмотрела на него с кривой улыбкой.

— Да-а, — протянула она. — Уверена, вам бы не пошло, каким бы оно ни было.

— Зоя. Ее звали Зоя. Может, я и не могу до конца понять твоих чувств, но что, если после того, как ты отпустишь Нину, она будет существовать. Ну, может, в какой-то другой реальности, может, даже в твоих любимых книгах… Кто знает, вдруг про нее напишут рассказ или повесть или снимут фильм, и она будет реальна и вечна. Маленькая девочка, с тоненькими косицами, в летнем цветастом сарафане, в шляпке и ярких сандаликах.

Девочка Нина, у которой было и будет собственное имя. И у которой есть сестра — Дина, и она не виновата, просто ей не повезло. И может, тебе нужно поговорить об этом с родителями, дать им понять, что тебе не все равно и тебе тоже очень больно.

Голос Леонида Марковича дрожал, он пытался усмирить его и смотрел куда-то вдаль, будто это помогало. Когда он договорил, Дина обняла его, резко выдохнула и сказала: «Спасибо».

— Вы знаете, дальше я одна пойду, — замявшись, произнесла она и начала осматриваться по сторонам. — Село вот-вот оживится, проснется, люди могут увидеть… Вы бы сами лучше домой отправлялись. Не хочу, чтобы и про меня толки пошли. Ну, понимаете, будто мы заодно.

— Почему? — Леонид Маркович оторопело посмотрел на нее и тоже зачем-то начал озираться. — О чем ты говоришь?

— Все решили, что это вы подожгли библиотеку, — тихо ответила она, заискивающе глядя в глаза.

— Чего? Какую библиотеку? — всполошился Леонид Маркович.

— Ну пожар… Вы что, ничего не знаете? Ночью старое здание Дома культуры сгорело… Все наши

книги… И уютный кабинетик, где мы собирались почитать, поговорить по душам, поделиться личным. Больше ничего не будет…

До Леонида Марковича отдаленно, будто из того самого колодца, донеслись ее слова. Он медленно понимал подсказки, ненавязчиво окружающие его. Нерасторопно принимал ситуацию, о которой толком ничего не ведал.

— Вас Гера ночью искал. Говорит, чуть окно не выбил, стучал, а вы не открывали. Злился на вас. Да и наши из книжного сообщества тоже ничего хорошего не сказали. Анатолий такой потерянный был, стоял молча в сторонке, хотя мне виделось, как метались мысли в его взгляде, как он осознавал, что снова потерял цель. Он только в нашем книжном кружке раскрыл свои таланты, поверил в себя. В универ три раза поступал: и в пед, и в мед, и еще куда-то — провалился везде. Агата на первой нашей встрече сказала ему что-то о том, что не нужно стыдиться своих увлечений или пристрастий, что любое дело важное, а чтобы взращивать в себе навыки, надо читать книги. И на следующую встречу он принес пирог в ее честь. А Варвара — она же только через книги душевное спокойствие обрела, на жизнь смогла смотреть без сожаления. Даже не знаю,

что теперь с ней будет. Надя с Гелей тоже… Все будто рухнуло в одно мгновение.

— А Агата? Что сказала Агата? — Леонид Маркович беспомощно топтался на месте, будто опаздывал и намеревался бежать неизведанным маршрутом.

— Агата сказала, что глубоко пожалела, что разрешила вам войти в тот день. Больше ничего.

Леонид Маркович почувствовал, как затряслись его ладони, как сильно затараторило сердце в груди и пересохло в горле и как он вдруг устал и ощутил необходимость прилечь. Он побрел в сторону дома, запинаясь, еле передвигая ослабевшие от груза дурных известий ноги.

— Куда вы, дядь Лёнь? Да не расстраивайтесь вы так. Ну правда, побудьте пока дома, — Дина надрывно проговаривала мысли, смотря на удаляющуюся спину Леонида Марковича, и нервничала, не зря ли обрушила на него негодные новости. — Поуляжется немного, народ поуспокоится, потом поговорите… Пока лучше под горячую руку не попадаться…

Но он не слышал ее. Погруженный в туман собственных раздумий и переживаний, подавленный, брел он в сторону дома. В сторону стен, за которыми можно было скрыться, отгородиться от

ядовитых языков, дурных взглядов и дум. Сложно доказывать людям свою правоту и невиновность, если они убеждены в обратном.

Вернувшись, он подумал, что каждый новый шаг за порог сопровождается неприятностью. Лучше уж вообще не открывать дверь в этот мир. Там, внутри дома, в его тихих и просторных объятиях, все было ровно, спокойно. Вечное текло неизменным своим чередом: половицы поскрипывали, догоняя отзвуком нерасторопный хозяйский шаг, настенные часы отмеряли движение жизни, книги выглядывали с полок, широкие окна впускали лишь свет и прохладу, а пышные деревья во дворе заслоняли дом от непрошеных взглядов. Устройство скромного домашнего мирка существовало так, как ему хотелось тогда в душной городской квартире: одиночество и покой. Странно только, но теперь они не казались настолько желанными.

Глава 13

Долго находиться в воображаемом убежище Леонид Маркович не смог. Острое чувство несправедливости гоняло его по дому, разбирая на кусочки представившиеся в воображении пересуды и сплетни, уверяя, что он не должен прятаться из-за ошибочных обвинений, ведь не он поджег библиотеку. Его там вообще не было — он бродил по степи, уснул на холодной земле посреди травы, утонувший в переживаниях. Он и мельком не заметил происшествия той ночи. Он непременно должен пойти и рассказать, что они ошиблись. Так правильно и мудро. А играть в прятки с оговорщиками он не собирается.

А вдруг его не станут слушать, закидают упреками и обвинениями? Агате, наверное, говорить с ним будет сложнее остальных, и нужно хотя бы одно крохотное семечко надежды, скудное обещание, что случившееся можно исправить.

Он надел чистую рубаху, усердно причесал

густую седину, смачивая расческу водой и рассматривая в маленьком зеркале свое явное, честное и чистое отражение. С грустью вспоминал Кешу, который всюду поспевал за хозяином и непременно запрыгнул бы на край раковины проказничать: ловить или сбивать тонкую водяную струю, а потом трясти намокшей лапой, раскидывая капли на стеклянные полочки и зеркальную плоскость.

Кешу ему было жаль не меньше тех, кто теперь остался без смысла в жизни. Пушистый друг привык к сельским будням, к этому дому, к размеренной, бессуетливой жизни на краю мира. Он прирос, породнился с крохотным зеленеющим островком. И как он поживает или выживает теперь там — в городской суете, в разнице движения и шума, в контрасте реальностей? Выживет ли? Привыкнет? Не станет ли тосковать по новому хозяину? Хотя, может, это только сам Леонид Маркович нафантазировал душевность и правильность, а на деле кот — это всего лишь кот. Создание без чувств и привязанностей. Живет себе как поведется. Ест, спит, точит когти где удобно и уютно, нуждается в теплых объятиях, когда на улице непогода и дом стремительно остывает. Ну привезут его в городскую квартиру,

накормят вкусно, приласкают, он и думать забудет, что тут о нем беспокоится ворчливый старик, вечно недовольный проказами и по пустякам звонящий в колокольчик. Хотя беспокоиться Леонид Маркович себе запрещал — только ловил на мысли, сразу же отстранялся от воспоминаний. Все же Кеша не был его котом, и он никакого права не имел удерживать питомца.

Леонид Маркович привык объяснять ситуации, от которых следовало расстраиваться. Объяснять или отодвигать в сторонку, будто перешагнул маленький колючий сверток, прошел мимо — и проблема решена. Хотя на деле он чувствовал, что сильно привязался к коту и скучал по нему, как по родному.

Выходя за порог, Леонид Маркович подумал, что чувствует себя бодрее и радостнее, — у него была благая цель и даже зародилась неплохая идея, которой не терпелось поделиться. Он вдохновенно представлял, как обрадуются его друзья, как примут его задумку, выслушают и оценят порыв. Но лучше бы он последовал совету Дины и оставался дома до поры до времени.

— Ну ты даешь, етишкин кот! — возмутился Кузьма. — Мы от тебя такого не ожидали!

— Да не я это, говорю ж, — оправдывался Лео-

нид Маркович. — Зато идея-то какая хорошая… Соберемся всем селом и выстроим библиотеку заново! Еще и лучше будет!

— Где выстроим-то? Кто соберется? Да ну тебя! Наворотил дел, а теперь «иде-ея», — Кузьма нарочито протянул последнее слово, безобразно скривив лицо.

— Иди в дом, нечего с ним разговаривать, — недовольно бубнила Алевтина, загоняя мужа внутрь и исподлобья посматривая на Леонида Марковича. — Чуть все село не спалил. Не ожидали мы от тебя, Леонид. Не по-людски теперь помощи просить, героем себя мнить. Ой не полюдски! Ну да что теперь, Бог тебе судья…

— А недостроенная администрация на краю села? Это брошенное здание мы и воскресим, — доказывал он Варваре, которая смотрела на него с укором и совсем не слушала. — Оно как раз у дороги, на перепутье, может, кто из соседних сел, из городских станет заглядывать.

— Ну зачем ты так? А? — Веки ее были красными и распухшими от слез. — Мы же с таким теплом наш книжный мирок создавали. Ну чем он тебе не угодил? Повздорили, пошумели, но рубить с плеча жестоко и неправильно, Леонид. Не о чем нам разговаривать. Иди домой.

Сердито махнув рукой, она поспешила в дом, даже не впустив Леонида Марковича на порог.

— Да вы знаете, сколько спасения было для нас в книгах? — кричала Агата. — Нет, вы же знаете! Вы же сами все слышали, своими ушами! Как вы могли так с нами поступить?

— Да не я это! — оправдывался Леонид Маркович. — Я даже не знал, что случился пожар, честное слово, Агата.

— Вы из тех людей, которые ищут счастье вокруг. А не понравилось что-то, так с глаз долой! А счастье надо искать внутри! С книгами надо было общаться, теплеть от их бесед, символы, подсказки выискивать. — От обиды она говорила все, что только могла подумать о каждой встрече, каждой произошедшей и неслучившейся ситуации.

Он понимал, что слова его звучат неубедительно, особенно после первых объяснений, попыток держаться, сносить колкие оговоры. Голос его уже не был уверенным и ровным, руки вспотели и дрожали, а волосы он сам растрепал, бесконечно поправляя их ладонью.

— Можно достроить новое брошенное здание администрации, а книги найдутся. Как говорят, если дело благое, то получишь больше, чем ожидаешь. Нужны книги — строй библиотеку. Вот

мы и построим. И с книгами что-нибудь придумаем. Да у меня ведь их полно! Пожертвую новой библиотеке, хорошая же идея, — пытался донести он расстроенным сельчанам, но они отворачивались, закрывали двери, не желали слушать. Их мысли искали направление к человеку, который должен был ответить за содеянное, который разрушил и уничтожил крошечный светлый островок этого места. Быть может, все село существовало вокруг старенького дома с книгами, а теперь в центре — в груди — дыра, а по краям ожоговые пятна. И целый мир задыхается в дыму.

Дворы, заборы, калитки, скамейки и сады смотрели на него осуждающе. Собаки лаяли, боясь подпустить к крыльцу. Бесконечность дел переносилась во времени, чтобы не делить присутствия с оступившимся. Никто не хотел верить.

Он говорил, что нужно сплотиться и придумать, как возродить новое помещение для библиотеки, для сельских мероприятий. В одном из двориков встретил Гелю. Перед ней стояло ведро мелких садовых яблочек. Она неаккуратно очищала их от косточек и срезала почерневшие бока. Отвлекаясь и разрываясь между обязанностями и делами,

Геля присматривала за Мишей, который строил нелепые башенки из песка, украшая верхушки камешками и одуванчиками.

Леонид Маркович решил, что она-то уж точно выслушает, не отвернется, поверит. Но ее гневный взгляд и тихий, переходящий на шепот тон напоминали змеиное шипение в момент готовящейся атаки.

— Вы хоть знаете, как нам дорого было это место? Мне дорого. — Она поглядывала в сторону внука, переживая, что он испугается ссоры. — Когда Мишка родился, я думала, что с ума сойду, сначала от отчаяния, что у дочери судьба не сложилась, потом от одиночества и свалившегося на меня груза обязанностей. Потому что, кроме меня, ей бы никто не помог. У меня же самой никого, вы понимаете, никого. Не сложилось счастье, так хоть дочке шанс дала жизнь устроить. Да я света белого не видела, только бесконечные пеленки, бессонные ночи и детский плач. Если бы Нина меня тогда не позвала в книжный клуб…

— Дина, — поправил Леонид Маркович.

— Что?

— Ее зовут Дина. Нина — ее сестра.

— Да что вы к словам цепляетесь! Хочет, пусть будет Ниной. Да хоть Екатериной Великой, ее

право.

— Тоже верно, — виновато кивнул Леонид Маркович. — А Надежда в каком доме живет?

— Вы к ней даже не суйтесь, не вздумайте, — она решительно помотала головой.

— Почему это? Я уже от всех выслушал с лихвой, пусть и она свое слово скажет, — расстроенно произнес Леонид Маркович, осознавая, что хочет посмотреть в глаза каждого.

— У Нади муж, как бы помягче объяснить, строгий, в общем. Потому она тихая такая, бесцветная вся, собственной тени боится.

— Может, он строгий, но справедливый, — возразил Леонид Маркович. — Может, он меня и выслушает.

— Не выслушает, — оборвала его Геля. — Я однажды ее обнять хотела, так она так шарахнулась от моих рук. Будто ожидала пощечины, а не тепла. Мы тогда поняли, откуда у нее синяки то на запястье, то на плече, а то и хуже случалось. Хотя она долго нас уверяла, что невнимательная, неуклюжая, ударилась.

Леонид Маркович не нашел что ответить. Слова застыли у него в горле. Он опять почувствовал тяжесть и непосильную усталость. Будто ноша, от которой его избавляли травы и степи этих

мест, возвращается. Будто каждый, кто рассказал ему о своей нелегкой жизни, непременно поделился не бедой, не словом, а неподъемным камнем, от которого не избавиться. И каждый словесный груз был отчасти знаком, прожит или прочувствован Леонидом Марковичем. В каждой истории он видел и собственную боль — где-то полностью погружаясь, утопая в воспоминаниях, где-то едва касаясь, но вновь ранясь и унося с собой жалящую частицу.

Он уже неспешно ковылял домой, когда его догнал взъерошенный Гера. Взгляд его был шальным, нездоровым. От сияющей простотой улыбки не было и следа. Гера размахивал руками, сокрушенно и взволнованно кричал, будто пытаясь сдержать в груди ураган, который, если не придавить, не запереть, вырвется и безжалостно выкорчует, разметает по округе деревья, дома и людей с червоточиной вместо сердца.

— Вы что, а? Вы в своем уме?.. А если б все село загорелось! У вас ум есть? Совесть, в конце концов?..

— А, и ты туда же, — устало и обреченно Леонид Маркович протащил слова, будто погибающую соломинку в водовороте обвинений. — Да не я это. Не я. Устал уже повторять. С чего вы взяли-то,

что я на поджоги способен?

— Как не вы? Как не вы? Когда вы сами кричали, чтоб сгорело все синим пламенем? Мне эти, как их там, ботаники ваши сказали.

— Не припомню такого… Ну, может, и сказал, что с того-то? Сказать не значит сделать.

— Да ну. У нас в селе по-другому говорят: сказал, значит, отвечай за свои слова.

— Ну что мы тут, еще в детские игры начнем соревноваться, — возмутился Леонид Маркович. — Первое слово съела корова, или как там…

— Ага. Первое слово дороже второго, — укоризненно передразнил Гера.

— Тьфу ты!

Леонид Маркович оттолкнул Геру, который мельтешил перед ним, преграждая путь. Поспешно, опасаясь наказания, он направился домой.

— Ну топай, топай, вредный старикашка!

Гера яростно и размашисто пнул траву вслед Леониду Марковичу, задевая пыль и камни широким носком кроссовки. Тяжелый угловатый булыжник отлетел и догнал плечо Леонида Марковича. Тот вздрогнул, схватился за больное место, обернулся, глянул на обидчика, заметался в панике и побежал в сторону дома как можно скорее.

Глава 14

Он не находил себе места, топтался из угла в угол, напряженно обдумывал произошедшее и беспрестанно поглядывал на запертую дверь. Но никто не приходил, никто не стучал и не вызывал на разговор. Поначалу он часто метался по первому этажу, мучимый тревогой и обидой, заглядывал за шторы, теперь плотно закрывающие окна и преграждающие путь солнечному свету, — там, снаружи, никто не являлся во двор. Привычный стук по стеклу заждавшегося Геры, как и его жизнерадостное и немного глупое выражение лица, исчезли из утренних и обеденных расписаний.

Леонид Маркович, съедаемый печалью и одиночеством, все чаще вспоминал Кешу. Вспоминал, как кот, будто чувствуя состояние хозяина, не покидал дом, не просился на улицу, торопился следом из комнаты в комнату, жался к ногам. Леонид Маркович присаживался на кухне

или поднимался в спальню, где долго сидел на краешке незаправленной кровати. Безмолвно и мрачно уставившись на искалеченную водой фотографию Зои, он думал, что Кеша, будь он дома, присел бы рядом, борясь с дремотой, в каких-то своих звериных предчувствиях стерег и оберегал бы хозяина, сам не ведая от чего. Но пушистого друга забрали, и с этим тоже надо было как-то смириться.

— Как они могли решить, что я?.. Как им все это в голову могло прийти?.. — редко вырывалось из ноющей груди Леонида Марковича. В такие минуты он острее чувствовал комок в пересохшем горле и заставлял себя спуститься на кухню за стаканом воды. А в другой раз сидел неподвижно, сглатывая тоску, пока внутри не начинало неприятно ныть, давить, намекая на погибель.

Дни потянулись медленно и больно. Он был один, оставленный, забытый всеми, в покое и однообразии, как и мечтал раньше. Мечтал, но не ведал, что наступившее, просимое им окажется гнетущим, противным на вкус, совершенно несносным. Как справиться всякий раз с нахлынувшими и душившими эмоциями, он не знал. Болел грустью и беспомощностью. Не решался снова пойти к людям, объясниться заново, попро-

бовать примириться, выпросить второй шанс.

Когда день уже смешался с ночью, а ночь покрыла все вокруг, он почти не вставал с постели, ничего не ел, не включал свет, не двигался. Наверное, Кеша в такой момент был бы единственным, кто заставил его редкий раз подняться, потому что непростительно бросить заботу о питомце. Порой Леонид Маркович подумывал завести котенка, но тут же возвращался к реальности — опомнившись, окинув взглядом свое положение и положение дел, понимал: идея плоха уже тем, что никто из сельчан не отдаст ему животное, пусть даже и некуда девать этих котят; лучше уж утопить или подкинуть в неизвестный двор, чем в добрые руки врага.

Глава 15

Кажется, прошли сотни дней и ночей в одиночестве и взаперти. Дом стал крепостью, неприступной и молчаливой, и одновременно тюрьмой, холодной и мрачной. Пространство обездушилось, пульс очага смолк, похолодел.

Порой, спускаясь в кухню за стаканом воды или скромным и быстрым обедом, Леонид Маркович всматривался в календарь, невольно вздрагивал от мысли, что многолетнее постылое было всего лишь одним днем. А ведь он так хотел, чтобы его оставили в покое, не заметили, не тронули, не потревожили в свой час. А теперь все это холодное молчание и отрешение походили на поветрие, бегство и прятки во время чумы, когда где-то вдалеке еще слышна жизнь, но на твоей стороне улицы болезненно выглядывают плакучие иссохшие вьюнки над дверью, тоскливо шелестят уставшие от солнца черемухи, падают на пол золотистые квадраты окон, отразившиеся в летних

лучах. Грудь дома больше не колышется, вздымаясь и опускаясь от торжества и предчувствия жизни, она связана паутиной немоты и, боясь теперь уже осуждения и наказания хозяина, поддается, вверяется в объятия саморазрушения.

Один день. Два дня. Три… Счет становится беспричинным и бессмысленным. Смысла больше в сновидениях, которые укутывают и человека, и место. Плохо различимо время: то, которого всегда было недостаточно в нужный момент; то, которое останавливается во сне, чтобы мутное и неясное исцеляло беспамятством, закрадывалось горькой привычкой, нежеланием существовать в том, реальном мире; и то, которого, кажется, осталось еще на один дурной или добрый поступок — и скорее на дурной, если уж судить по неумело прожитому, по частоте и величине ошибок, по коллекции неудач и падений.

Он почувствовал себя загнанным в капкан зверьком, когда в дверь постучали. Стук оказался настолько пронзительным и неожиданным, как если бы острый луч прожектора ударил посреди слепоты в сонное лицо, нарушая тьму и тишину. Хотя способен ли свет нарушить тишину? Этот, видимо, был таким лучом. Настойчивым, множественным, дробящимся и дробящим сердце в

мелкие щепки.

Леонид Маркович дернулся, но остался на месте. Он будто окаменел от неподвижности выпавших ему дней и мыслей.

Стук повторился. Его взгляд прояснился, сердце встрепенулось, заметалось в груди, смолкло, прижалось в угол и колотилось уже стремительно-ровно, словно не могло отдышаться после долгого забега.

— Открывайте, дядь Лёнь! Я же слышал, половицы скрипят! Я знаю, вы дома.

Это был Гера. Он узнал. Радостный ровный тембр, по-прежнему дружелюбный и участливый. Леонид Маркович представил его широкую улыбку, представил, как Гера сейчас ждет на пороге, топчется с одного края на другой, заглядывает в окна, подергивает ручку двери, хотя и понимает, что заперто.

— А вы знаете, что городские никогда не поймут сельской жизни до конца? — Кажется, он присел прямо на крыльце, опершись спиной о дверь или угол стены, где недавно свисали погибшие вьюнки. — Я вот сижу у себя дома на диване, телевизор смотрю, чай пью. И вдруг в комнату входит кот. Представляете, кот?! И это вовсе не мой кот. Я его и не знаю. А он идет как к себе домой, запрыгива-

ет на диван, укладывается поудобнее, смотрит на меня нагло, просит чего-то. Знакомая ситуация, правда, дядь Лёнь? Вы-то соображаете, о чем я. Вы ж теперь свой, родной и кота вон приютили…

Лицо Леонида Марковича искривилось от непонимания. Он недоверчиво попытался разглядеть в этой то ли шутке, то ли глупости семечко истины, но получалось с трудом. Хотя где-то под ребрами кольнуло и занемело, раскачиваясь, заражая волнением и надеждой. Он еще мгновение не решался, а потом бросился, трясущимися руками приоткрыл дверь. Приоткрыл не полностью, всматриваясь в тонкую щель, щурясь от яркости и свежести, опасаясь обмана и не доверяя собственным догадкам.

Гера держал в руках Кешу.

— Сбежал он от вас, что ли? Как не заблудился, не знаю. Хорошо, что ко мне зашел, другие-то не знакомы с ним…

— Не от меня, — Леонид Маркович высунулся в щель, дрожащими руками схватил животное и заперся снова, продолжая разговор уже через закрытую дверь. — Не от меня, а от этого негодяя Петра сбежал!

Леонид Маркович крепко прижал к груди Кешу, закрыл глаза и присел с ним на пол. Избыток

чувств снова вверг его в бессилие и немощность. Он тихонько заплакал.

— Молодец, молодец, — повторял Леонид Маркович, бесконечно поглаживая кота по голове. — Правильно, что вернулся. Я по тебе тосковал…

— А почему негодяя-то? Вам-то он чего сделал? — осведомился Гера, нарочно произнося слова громче, но Леонид Маркович уже не отвечал. — Ну ладно, как хотите. Я пойду, дядь Лёнь, если чего надо будет, зовите. Я позже зайду. Кстати, я бумагу съездил забрал — написали, что причина пожара — невыключенный электроприбор. Провод неисправный был… Вы уж нас простите, дураков… Особенно меня… Стыдоба-то какая, накинулись на вас, даже не разобрались…

Леонид Маркович не ответил. Он продолжал неподвижно сидеть под дверью. Прижимал и бесконечно гладил Кешу, будто кот нуждался в этих нервных и усиленных поглаживаниях, как в чистом воздухе. Кеша в конце концов устал от прикосновений и ласки, вырвался и побежал на кухню. Леонид Маркович заторопился следом, понимая, что теперь у него есть о ком заботиться и нельзя просто лежать, провалившись в темное кроватно-сонное дно. Теперь нужно заставлять себя просыпаться, заводить хрупкий механизм

жизни и подстраивать его движение под неслышный топот маленьких мягких лап.

Глава 16

— И зачем тебе осел?

Геля уминала богатый на начинку пирог Алевтины, пытаясь ловить выпадающие из серединки ломтя сахарные кусочки медовых яблок.

— Как зачем? Вот глупые вы, бабы. — Кузьма важно разглаживал усы, выпячивал грудь и посматривал на гостей свысока. — Осел в развивающемся хозяйничестве — первое дело… Помощником моим будет. Доверю ему сыры и колбасы на рынок везти.

— Так у вас и так живности невпроворот, — заметила Варвара Степановна, удивленно и насмешливо улыбаясь.

— Ой не говорите, девоньки. — Алевтина нервно махнула салфеткой, будто смахивая стаю глупых и непрошеных идей, которые зарождались в голове ее мужа ежечасно, а порой и ежеминутно. — Есть же две коровы, ему все мало. Козы, барашек, свиней развели, хряк еще непо-

слушный. Так и норовил, зараза, своих покусать, пришлось отгораживать. А птицы сколько: индюшки, куры, гуси — я как кормить иду, чувствую себя в домашнем зоопарке, а ему все мало… Теперь осла подавай.

— Алевтина, ну чего ты, — Кузьма перебил жену обиженно, укоряя за отсутствие супружеского содействия. — Назад нельзя. Я договорился уже. Ждет меня Павлик. На следующей неделе поеду выкупать. Ушастый такой, а лоб лохматый-лохматый. Залог отдал, сама понимаешь.

— Угу, угу, угу, — покачиваясь, повторяла Алевтина после каждой фразы. — Павлик?

— Павлик, — утвердительно повторил Кузьма, предчувствуя новую волну насмешек и осуждений. — Осел Павлуша. Жди. Скоро с нами будет жить.

— Угу, угу…

— Что «угу»? — возмутился Кузьма. — Варвара, ну хоть ты скажи ей, что осел — это вам не… это…

Варвара, еле сдерживая смех, подергивала головой, широко распахнув глаза, в ожидании примера Кузьмы.

— Не книжки ваши читать. Вот, — обиженно, теперь и на Варвару, съязвил Кузьма.

— Ну ты скажешь тоже, Кузьма! — расхохоталась Варвара, а вслед за ней и остальные. — Где книжки, а где осел! Ой, умора!

Кузьма оглядел хохочущих за столом женщин, достал откуда-то из-под табуретки начатую бутылку кваса, быстро наполнил стакан и опустошил в четыре глотка, проливая липкий напиток на майку.

— Да все мы понимаем. Я понимаю, — Алевтина погладила мужа по плечу, подмигивая подругам. — Надо так надо. Купим еще осла, Павлика. Раз без него жизнь немила. — Она манерно выплеснула остатки кваса на землю и поставила перед Кузьмой, будто чистый, его же стакан, громко стукнув им по столу. — Налей-ка мне.

Кузьма взволнованно и растерянно покосился на нее.

— Да наливай уже! Будто мы не знаем, что ты там намешиваешь, правда, девоньки?

Подруги расхохотались. Кузьма, выдохнув и просияв в ответ широкой улыбкой, наполнил стакан и три эмалированные кружки квасом. Напиток вспенился, хлынул через края, пачкая белую ситцевую скатерть. Но за душевными дружескими разговорами никто не замечал неприятностей или пятен. Пятна оставались не

только на грубой ткани, но, как незримые отпечатки, подсвечиваемые разговорами, пролегали по зеркальной поверхности памяти.

— Кому ослы, а кому книги. Тоже ведь важно, — вздохнув, заметила Геля. — Вот сидим теперь без дела, без цели. А между прочим, если бы не наши книги, я бы из тоски своей тогда не выкарабкалась, с вами бы не подружилась.

Взгляды женщин затуманились, устремились в сторону, прочь, за двор, перелетев через крашеный заборчик и коснувшись черного пустыря, где раньше трепетало старенькое книжное сердце села, а теперь уныло маячил больной и обуглившийся холм.

— Угу, — подхватила Варвара. — Жаль, что так случилось. В поселке и без того полтора человека, а нынче и вовсе молодежь в город сбежит.

— Так Леонид же что-то строить предлагал, — зычно отозвался раскрасневшийся от крепкого кваса Кузьма, закусывая пойло хрустким луковым пером. — Может, обдумать идею? Он так воодушевленно задвигал, что я бы поддержал.

— А к нему кто-то ходил после пожара? — Встревоженная Геля переводила взгляд с одного на другого и обратно, не находя верного ответа в их глазах.

— Нет, и не видели его больше, — покачала головой Варвара.

— Ни разу?

— Ни разу…

Неловкая пауза сковала дружный кружок. Застолье тут же померкло, ароматы и вкусы покатились в липкую лужу вины, стыда и жалости.

— Нехорошо как-то получилось, — прошептала Варвара, сжимая губы так, что на щеках пролегли тяжелые морщины, доходящие до самых ямочек, перечеркивая их символичную удачливость.

— Обвинили человека и ни разу не зашли потом. Не извинились, — Геля опустила голову, заметив наконец полукружия пятен на дворовой скатерти.

— Надо бы Агате сказать и всем нашим… Навестить его…

— Думаешь, пустит? Не поздно спохватились?

— Никогда не поздно.

— Конечно, сходите, — Алевтина подскочила, засуетилась, побежала наполнять корзинку сдобными вкусностями. — Навестите. Передайте от нас привет. И что в гости его ждем… Волнуемся.

Глава 17

— Что, прямо так, напропалую, без стука и предупреждения?!

Анатолий не успел договорить. Варвара Степановна решительно шагнула вперед, не нарочно задев его широким боком. Калитка скрипнула от толчка, отлетела настежь, стукнулась о забор. Ржавая пружина на ней затряслась, закряхтела и смолкла, в испуге приветствуя внушительную для миролюбивого дома делегацию.

Варвара Степановна, преувеличив силу и старание, затарабанила в дверь. Остальные нерешительно поглядывали на нее, друг на друга и на ручку двери, мялись, жались, будто замерзшие беспризорники. Крепко прижимали к груди корзины и тюки с милыми пожитками.

Замок по ту сторону поддался и одобрительно зацарапался не сразу. Леонид Маркович сощурился от скользящих по лицу лучей полуденного солнца, прикрыл ладонью глаза, с непониманием

и опаской оглядел их в узкую щель чуть приоткрытой двери и своего недоверия.

— Раз нашего книжного дома больше нет, мы решили, что справедливо будет найти его у вас, — громко отчеканила Варвара Степановна, будто произносила резолюцию.

— Что? — недовольно прохрипел Леонид Маркович, поморщившись и мысленно пытаясь разобрать причину их вторжения. — Что вам нужно?

Варвара легко подтолкнула дверь, выказывая всем своим видом и действием непобедимое желание войти. Леонид Маркович от непредвиденности отшатнулся, дверь распахнулась настежь, и Варвара Степановна смелой и неунывающей походкой впорхнула внутрь.

— Залетайте! — весело скомандовала она остальным, поманив их широким взмахом руки.

Весь читательский кружок, точно оживившее муравьиное семейство, заторопился в дом. Леонид Маркович так и остался прикованный к месту, смотря на их лица с непониманием, волнением и неприязнью, которая, впрочем, понемногу стихала от лучистости добрых улыбок. Кружковцы оглядывали место, подыскивали, где удобнее расположиться и куда поставить

все принесенное: тощие цветастые подушки для сидения, которые Варвара Степановна успела сотворить наново; некоторые книги и журналы, собранные Агатой и Диной; две переполненные корзины с рогаликами и медовыми булками по новому рецепту Анатолия; два цветочных горшка с геранями, которые Геля принесла для уюта, и рулон тонких ковриков, которые Наде при встрече вручила Варвара Степановна.

— Да у вас тут целый книжный рай, — восхитилась Агата, осматривая бесчисленные книжные полки.

— Как вы могли скрывать от нас такую любовь к чтению? — подхватила обескураженная Дина.

— Полное собрание Конан Дойла! — Анатолий мечтательно уставился на одну из верхних полок, а потом попытался дотянуться до книг трясущимися от избытка чувств руками. — Можно я возьму вот эту — не читал ее. И эту тоже. А эта у меня в другой — темно-зеленой обложке…

— Удачно зашли, — весело пропела Варвара Степановна, помогая Геле создавать на полу уютное мягкое гнездо для книжных посиделок.

Леонид Маркович, будто его здесь и не существовало, постоял оторопело, затем запер дверь и поплелся на кухню за чаем. На полпути остано-

вился, не оборачиваясь, помялся на месте, будто забыл, зачем шел, и к тому же одна тапка слетела с его ноги. Леонид Маркович неуклюже развернулся, открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут же осекся и зашагал наверх.

— Куда же вы? Куда? — Варвара Степановна заботливо юркнула за ним, потянула за локоть и повела, точно теленка, за собой. — Присаживайтесь рядышком. Места у вас о-го-го! Даже, кажется, лучше, чем в нашем тесном кабинете было.

Агата хотела ее пожурить за последнее замечание, но не стала, заметив безграничную радость Варвары Степановны и поняв все ее чувства.

— Вы простите нас, мы так перед вами виноваты, — с глубоким чувством эмпатии проговорила Агата, взяв холодную и морщинистую ладонь Леонида Марковича. — Я вам столько глупостей наговорила. Простите меня.

— Да, мы были неправы, что обвиняли вас, не поверили. Мы были глупы и несправедливы, — добавил Анатолий. — Не разобрались, не взвесили доводы, разве так можно!

Остальные едва заметно кивали, покусывали губы и с сожалением и надеждой смотрели в лицо Леониду Марковичу. Он оглядел их всех, сглотнул

подступивший горький комок грусти, выдавил уставшую улыбку и принял их попытку начать все заново, пошутив, как сумел:

— Ну чего уж там. Кто старое помянет, тому и глаз вон.

И хотя шутка прозвучала растерянно и угловато, его книжные друзья, прощенные и вновь обретенные, засмеялись, пожали руку или приобняли за плечи. А Варвара Степановна и вовсе окружила заботой, укрыв его колени шерстяным пледом, несмотря на августовское тепло.

Они долго беседовали, пили чай и уминали угощения, расположив их на подносах и салфетках прямо на полу. Смеялись, вспоминали прошлые встречи, былые глупости и грубости Леонида Марковича, понимая и принимая его прежнего и любя настоящего. Ласкали Кешу, который чуть погодя лениво спустился к ним и важно разлегся в центре празднества. Радовались, что и жизнь, и деятельность, и дружба продолжаются. Ценно замечали, что благодаря книгам и встречам, посвященным чтению, они обрели нечто большее.

Пытались обсудить прочитанное, но разговоры эти давались теперь слабо — хотелось и дальше предаваться душевным беседам и воспоминаниям о прошлых днях.

Агата все же следовала правилам и традициям. Она трепетно сжимала в руках тонкую, больше напоминающую журнал, потрепанную книжицу. Делилась с окружающими мудростями, взращенными в ее груди рифмами тончайших пожелтевших страниц, но друзья толком не слушали и не слышали, тонули в собственных мыслях:

— …И ведь правда, в мыслях автора уже видишь, прослеживаешь: тут он устал и согласился на легкую, слабую для него метафору, хотя и ограненную его же слогом. А в этих строчках видны подъем и воодушевление — такой полет мысли, столько жизненных приемов, воспоминаний, настроений героя, хотя автор всего лишь описал, как тот пробует грушевый пирог с миндальным молоком…

Она прочла несколько строк. Высказала, что бесконечно влюбилась и в произведение, и в писателя. Анатолий угрюмо глянул на сжатый ее длинными пальцами сборник и, будто противясь собственным мыслям, возразил, нестройно отрезал, что ничего ему в этой книге не пришлось по душе. Остальные заспорили. Кто-то привел в пример обложку и оформление, мол, и книгу видно по одежке, и решение можно принять сра-

зу. Кто-то подтвердил, что оформление и впрямь диктует настроение, а когда бумага «испачкана» серостью и скукой, содержание уже не так важно, а если и важно, то непременно разочарует. Кто-то ответил, заметив, что к содержанию книги и к ее оформлению причастны обычно два совершенно разных, возможно, даже незнакомых человека — между ними, как и между их плодами, нет, скорее всего, ничего общего…

— Знаете, в чем ваша проблема? — неожиданно отозвался Леонид Маркович, не глядя на них и удивляясь, что встревает в жаркие книжные споры, которых раньше не касался. — Вы смотрите на книгу как на партнера для будущего. Мужчина, когда идет на свидание, он идет, чтобы познакомиться, он на месте узнает, понравится ему девушка или нет, она ли та самая или это было очередное наваждение. Девушка идет на свидание, если парень ей уже нравится, иначе она ответит отказом еще в момент приглашения. С книгой так же. Поэтому вы часто разочарованы в ней. Попробуйте взглянуть иначе. Эта прогулка не на всю жизнь! За ней ничего не стоит. Вы просто пройдетесь вдвоем до парка. Возможно, заглянете в кафе и выпьете вместе кофе. Возможно, даже проведете пару вечеров в одной постели,

но на этом все. Нужно будет расставаться и двигаться дальше. Каждому из вас. Понимаете?

Леонид Маркович вдруг вспомнил, что предлагал им возродить недостроенное здание, но никто его не послушал.

— И как вы себе это представляете? — вполне осознанно спросила Агата, устремляя на него все свое полное читательской любви внимание.

Остальные затихли и переглянулись. Идея была замечательная, даже немного сказочная, но ее воплощение виделось нереальным и неподвластным.

— Сельские девчонки, старичок, паренек и прочие добровольцы идут строить большой книжный дом? — саркастически заключила Агата, кивнув Леониду Марковичу, ловя его взгляд и ожидая на самом деле подсказок и ответов.

— С ними еще кот, не забывай, — проглотив смешок, добавила Варвара Степановна.

— Да уж, — выдохнула Агата. — Мечтать мы горазды.

— Ну почему же, — всполошилась Геля. — Правда, попросим помощи у сельчан, уверена, люди не отвернутся. Хорошее же дело! А насчет разрешения я узнаю, у меня одноклассница работала в районной администрации — завтра же позвоню

и все узнаю.

— Отлично, — воодушевилась Дина. — Там же вроде строить особо нечего. Наверное, больше внутреннего ремонта…

— А деньги вы на все это дело где возьмете? — Агата снова вернула их на землю безнадежным замечанием и упрямо-воспитательным тоном. — Даже если там один ремонт, это не три копейки стоит. Вы стройматериалы за молоко и ватрушки выменять собрались? Варвара, ну хоть ты… Ну? Вы представляете, что нас ждет и что следует за таким решением?

Книжный кружок расстроенно молчал, посыпая надежды пеплом тех самых сгоревших томов, которые никто уже не прочтет.

— Давайте сходим, осмотрим помещение, прикинем, много ли там работы, — спокойно и радушно заговорил Леонид Маркович. — Для уюта у нас все есть, правда, Варвара Степановна?

Он единственный, кто не расстраивался от осознания невозможности воплотить задумку, потому что слишком долго горевал и теперь чувствовал какие-то смирение, покой и добрую тишину в душе. Этот внутренний свет рождал радость на грани с равнодушием. Если не сложится, он уже отгоревал. И обязательно найдется

решение лучше прежнего, если двери их надежд и чаяний окажутся закрытыми.

Варвара подмигнула и улыбнулась, гордая, что ее рукоделие снова станет важной деталью особенного мирка.

— В новом книжном доме можно, наверное, и кафе открыть? А что, людям понравится: булочки там, маковые косички, ватрушки какие. И чай. Ну или кофе.

Леонид Маркович взглянул на Анатолия. Тот от изумления побледнел, а его бегающий взгляд так и говорил, что услышать подобное — предел его скромных мечтаний.

— Книг у меня предостаточно. — Леонид Маркович развел руками, будто обнимая пространство комнат целого дома. — Хоть все забирайте.

— Мне кажется, мы должны попробовать, — неожиданно выпалил Анатолий — нерешительно, но уже чувствуя внутри незримую опору от собственных ожиданий и близости воплощения мечтаний. — Хотя бы начать, всколыхнуть почву. Кто знает, может, запущенный маятник раскрутит дело сам по себе. Давайте подумаем, с чего начать.

— Ну ладно, — помедлив, согласилась Агата. — Завтра после пяти идем осматривать здание,

потом собираемся у Леонида Марковича. Но до того никому ни слова, и лишних надежд не питайте. Мы еще не решили наверняка. Да и что там за постройка, толком не знаем.

Но трудности, которые пока выглядели воображаемым и легко преодолимым барьером, не страшили ни одного из них. Напротив, обозначив первый шаг, они уже мысленно начали борьбу, приблизились на шаг к достижению, согласились с правилами и готовились приложить необходимые усилия. Только обозначив первый шаг — они уже победили.

Глава 18

Анатолий оказался прав — запущенный маятник необратимо понесся раскачивать мироздание и саму судьбу. Несколько хрупких, переплетенных, сплоченных мыслей, идей, желаний создавали новую реальность спящего, почти погибшего места. И кто бы мог подумать: ты делаешь шаг, а несуществующая ранее дорога начинает расти перед тобой, ветвиться, умножаться с краев мостами и подъемами, будто в мире возможно и получаемо все. Будто один маленький человек способен решать и вершить, несмотря на ситуацию, место, мнения и действующих героев, которые отчасти были спасены книгами, отчасти сами спасали эти книги теперь.

— Здесь бы хорошо разобрать окна и выстроить веранду, — Анатолий рассказывал свои смелые идеи, что-то чертя в воздухе, всматриваясь в первый этаж брошенной администрации. — Мир и уют внутри будут видны с улицы. А по бокам

эти страшные квадратные окошечки нужно заменить на нормальные… Такие, знаете, большие расписные витражи… Хорошо бы прямо от потолка до пола.

— Это звучит дорого, — оборвала его Агата.

— Что-то нужно будет делать со входом, — заметила Дина.

— А что с ним? — Варвара Степановна поспешила посмотреть.

— Ласточки придумали гнездиться под козырьком. Дверь открывать нельзя, иначе сломаем гнезда. — Дина достала из кармана телефон и начала снимать напуганную шумливую пернатую семейку.

— Да уж, — добавила Агата таким тоном, будто подытожила: «Я же говорила, что ничего не получится».

Анатолий подступился сзади, и она заметила его взгляд: в нем было что-то безумное, будто он готов был горы свернуть, но в тот же момент его силы рушились от неосторожного слова — пока что от ее слова.

— Ладно, — выдохнула Агата, кивнув Анатолию. — Мы попробуем что-то придумать. Я не верю, что это нам по силам, так что не надо бездумно очаровываться. Но мы должны попро-

бовать.

В глазах Анатолия снова зажегся огонек азарта и силы.

Настрой остальных продолжал искриться радостью и верой в лучшее.

Следующие несколько дней и встреч проходили то радостно, то рушили все надежды и прорастающие, преждевременно увеличивающиеся в объемах мечты.

Надя смогла договориться о нужных разрешениях и бумажках, подписях и печатях и даже съездила за первыми готовыми экземплярами к однокласснице, работающей в Касаткинском сельсовете. Но денег на ремонт выделить им никто не мог, а в скором времени уж и подавно.

Дина и Надя обходили сельчан, рассказывали, что книжный дом с кофейней или булочной, с красивой уютной верандой привлечет и городских, притянет в село людей, возродит место. С интересом и любопытством слушали старики и скромная доля молодежи историю о том, что в селе появится новая жизненная струя, кивали одобряюще, предлагали свои «золотые руки» в помощь.

А пока разговоры оставались разговорами, Леонид Маркович понемногу полюбил их ожив-

ленные собрания в его гостиной. Теперь не обсуждали книги, точнее, только о книгах и говорили, но то были другие беседы. И пока дело казалось настолько непреодолимым, недостижимым и непосильным, пока книжный кружок унывал, расстраивался и вскидывал руки, Леонид Маркович будто проводил время в кругу большой и шумной семьи. Эти посиделки для него оказались приятнее и желаннее первоначального — он даже и думать забыл, ради чего все затеялось, всколыхнулось и кто предложил запустить этот маятник. Он наблюдал. Наблюдал и радовался душевности, питался атмосферой тепла и сплоченности, подглядывал за светом и жизнью, которая вот-вот должна была измениться. По крайней мере, он чувствовал, что все не напрасно.

Грозы в середине и конце лета всегда раскатистее, тревожнее, оглушительнее. Вспарывают небо зычными проклятиями, спугнув дуновение всякой жизни, прогнав прочь свет и упоение. Меркнет, сползает ниже небесная синь, затихает округа. Шелест листвы маскирует угрозу в неровных и рваных интонациях. Природа словно готовится к атаке.

— В такую погоду только ужастики читать, —

заметил Анатолий, выглядывая в маленькое окошечко на кухне и плотно запирая его, чтобы потоки дождя не ворвались внутрь.

— А я в детстве любила ужастики, — отозвалась Надежда.

— И не только читать, но и рассказывать! — с азартом подхватила Варвара, подталкивая плечом Агату, которая смотрела на них с упреком: мол, ну и к чему эта тема поднята? — Помните эту деревенскую байку про утопленницу? Ну про девушку, которая собиралась приворожить возлюбленного, а в итоге, видя, как он счастлив с другой, прыгнула с обрыва. А потом в дождь являлась всей деревне, а за двором в завываниях ветра сельчанам слышался ее плач?

Варвара упорно пыталась растрясти компанию, но воспоминания об утопленнице отчего-то были знакомы ей одной. Зато Леонида Марковича вдруг взволновала другая любовная история, да и подсказка в словах Варвары была нешуточная.

— А что, можно взаправду взять и приворожить любовь? И действует приворот этот?

— Ну не знаю, — растерялась Варвара. — Говорят, что можно. Заговоры всякие существуют, обряды. А вам зачем?

Теперь уже все уставились на Леонида Марко-

вича. Интерес сменился широкими улыбками, когда Варвара выпалила неловкое:

— Вы что, страдаете от неразделенной любви? — Она расплылась в умопомрачительной улыбке. — Вот же история! И кто эта прекрасная старушка? Из нашего села, надеюсь?

— Да какая старушка, — отмахнулся Леонид Маркович, стараясь не замечать их смешки. — Я вовсе не для себя спрашивал. Для знакомого одного.

— Ну-ну…

— Что «ну-ну»? Он страдает от неразделенной любви, а девушка эта другого любит.

— Так, может, пусть сами разбираются? — назидательно уточнила Агата. — Тем более если у нее уже кто-то есть?

— Если уже кого-то любит, то сначала нужно отворот сделать! — осенило Варвару, которую теперь было не остановить и не успокоить. — Как-то была у меня одна книженция по магическим обрядам. Не знаю, откуда она в нашей домашней библиотеке взялась, но я однажды… из любопытства читанула немного, так вот там сказано…

— Варвара, ну неужели ты веришь в такие глупости! — Агата всплеснула руками и покачала головой.

Анатолий заслушивался, удивленно, скрывая улыбку, и с интересом наблюдал. Остальные и вовсе обратились дважды в слух: сначала при упоминании о приворотах, потом увлекшись любовными историями.

— Нет-нет, пусть продолжает. — Леонид Маркович поднял ладонь, словно попросив не перебивать Варвару.

— Мне тоже интересно, — Дина придвинулась ближе — И про утопленницу расскажи.

— Давайте сначала про книжку с приворотами, — запротестовал Леонид Маркович. — Что там и как? Сложные инструкции?

— Ну хорошо, слушайте, — продолжила Варвара, и все затихли. — Пошла эта девица к бабке, так, мол, и так, помоги мне страдания облегчить, избавь от неразделенной любви. Бабка выслушала, карты раскинула, избу полынной травой окурила, по ладошке погадала и говорит, что случай трудный. Надобно рассорку сначала чинить — ровно семь ночей. А уж потом, как возлюбленный ее от невесты своей отвернется, привороты читать.

— А я думала, ты нам сейчас Карамзина процитируешь, — Агата, посмеиваясь, усаживалась в кресло с очередной кружкой чая из ягод ши-

повника.

— Агата, ну что ты, в самом деле, — подавляя улыбку, Надежда, сидевшая на мягких вязаных подушках у кресла, одернула ее за край юбки. — Варвара, продолжай.

— Рассорку, отворот то есть, надобно было делать семь ночей — так бабка-ведунья наказала. Вот в полночь первой ночи пошла девица на перекрестье дорог, бросила заговоренный бабкой клубок красных ниток через голову и начала читать. Дочитала, потянула клубок за шерстяную нить, собрала, смотала заново, домой отправилась. Страшно было ей поначалу одной в потемках, а мрак в июле особенный, с характером, с голосом — каждый кусточек, каждый шорох в траве прячет, скрывает что-то. И тени все нечеловеческие кажутся, и шаги чьи-то следом торопятся. Второй ночью звал ее незнакомый голос по имени, будто давно знал, окликнул и смолк. А у нее сердце в пятки ушло. В третью ночь она ускорила шаг, хотя все труднее было покидать перекресток. Жалобно так ребенок звал — и голосок родной совсем, будто братец ее, что от болезни умер. Звал ее: «Сестрица, родная, обернись, помоги». Только не братец это вовсе, а черт самый настоящий. Испытывали ее бесы, мучили,

запутать пытались. Так отворот действует — если силен тот, кто в сделку с нечистью вступает, то должен доказать, потом уж и они свое дело выполнят.

— Страшно-то как, — прошептала Дина, поежившись и крепко обняв себя за колени.

— Так ровно шесть ночей за спиной ее и зов, и оклик, и шаги — не поддалась она ни разу. На седьмую ночь, как рассорку прочла, клубок схватила, поворотилась в сторону дома, сделала шаг, да и остановилась… Конец нити кто-то крепко держал. Она дернула раз, второй, нитка не поддается. Хотела бросить клубок и так уйти, но испугалась, а вдруг отворот тогда не сработает. Остановилась и стоит, думает. А за спиной опять ее имя произносят, и не кто-нибудь, а *он.* Девица в тот же миг и обернулась! И всё!

— Что «всё»?

— После ее в пруду нашли. Не сразу, конечно, но поздно уже было.

— Как в пруду? — не унималась Агата. — Она же на перекрестке стояла.

— Черти ее, видать, в пруд-то заманили, — продолжила Варвара. — Парень тот, жених ее загаданный, немного погодя женился. На свадьбе их все село гуляло до поздней ночи. А ночью-то

той впервые в грозу и плач, и вой, и хохот дикий до безумия каждый услышал. Сердц*а* замирали. Те, кто там был, думали, до утра не доживут. Так она и является теперь в грозы… Плачет, в двери царапается, в окна стучится… Никак душа ее не успокоится…

— Странная какая история, — задумчиво подытожил Анатолий. — Как же она на пруду оказалась? Почему утопилась? Быть может, она домой через пруд пошла?

— Быть может, к воде ее потянуло, потому что вода — это некая грань, за которой пролегает другой мир? — робко предположила Геля, которая обычно больше любила слушать, чем говорить. — Некоторые народы верили, что душа, покидая этот мир, пересекает реку. Вода, на самом деле, не только физическая субстанция. И людей всегда к ней тянет: утром умыться для пробуждения, вечером — смыть с себя тяжесть дня; отдых, шашлыки, посиделки — обязательно у воды. Вода смывает эмоции, дает и отнимает жизнь, губит и исцеляет.

— Точно! Я вспомнила! — возликовала Варвара, и все снова устремили в ее сторону любопытные взгляды. — Вспомнила слова рассорки. «Черт идет водой, волк идет горой. Вместе им, лютым,

не сойтись, думу не думать, мысли не мыслить…» Так отворот начинается. Потому-то ее к воде поманило. Бес ее за клубочек утащил, нить-то она не подобрала полностью…

— Варвара, ты мне те слова напишешь? Вспомнишь их полностью? — Леонид Маркович спрашивал вполне серьезно, пытаясь верить в успех подобных мероприятий.

— Да ерунда это все, Леонид Маркович. — Агата направилась на кухню с пустыми чашками в руках. — Ну вы-то должны понимать, что никакого колдовства не существует! Сказки!

— Мне бабушка рассказывала, что привороты работают, если у читающего энергетика сильная, — Геля шепнула еле слышно, вытянув шею, будто хотела, чтобы ее услышали все, кроме Агаты. — Только привороженный потом всю жизнь страдать будет, маяться. Некоторые даже спиваются, потому что не своей жизнью живут после привязки.

— Конечно, он страдать будет, — выкрикнула Агата, которая все-таки слышала продолжение их беседы. — Если он с человеком живет, который в магию верит, тут уж не знаю, чем помочь можно!

— Агата, ну вот что ты! — Варвара, которая сама

уже боролась с улыбкой, всплеснула руками. — С тобой никаких атмосфер не создашь! Посидели бы, байки потравили, в грозу самое оно! А теперь никакой магии.

— Ага, а потом вы все уйдете, а Леонид Маркович тут один останется. С вашими атмосферами. Я вот знаете как боюсь после таких историй спать ложиться, даже свет в комнате не выключаю. Еще и непогода за окном разыгралась нешуточная, а в грозы дом по-особенному ощущаешь, тут уж веришь или нет, а иной раз так испугаться можно.

— Я могу тебя проводить, — вызвался Анатолий, выпрямив спину и переменившись в лице.

Ему в этот поздний час пришлось провожать всех, и в глубине души он даже немного жалел, что высказал свое предложение слишком яростно и громко.

Леонид Маркович же совершенно не боялся оставаться в одиночестве и темноте большого дома. Пока его друзья решали, какой дорожкой идти безопаснее, выгоднее, чтобы не промочить ноги о пышные кусты, мокрые после дождя, и не угодить в широкую лужу, которая непременно ждет после мостика там, где дорога «падает» в яму и выравнивается за первым двором, Леонид Маркович уснул прямо в кресле в гостиной, не

успев проводить гостей и не допив свой чай. В каких-то бессвязных обрывках сознания, еще не отпускающих его ко сну, но уже качающих и разворачивающих реальность, он говорил себе, что все-таки Агата права и не стоит искать книгу про любовные привороты — в конце концов, это правда не его дело. Хотя, трясущейся рукой хватая со столика листок и карандаш, он на всякий случай записал обрывки рассорки, произнесенной Варварой, и будто даже направился на перепутье дорог, чтобы произнести слова в первую из семи ночей. Вот только клубок не взял… Надо было попросить у Варвары, ругал он себя, хватаясь за волосы. Она ведь вяжет, у нее их тысячи, и с красной ниткой найдется тоже. Прогадал, не додумался, а теперь поможет ли, подействует ли слово без шерстяных узелков… Но была не была, думал Леонид Маркович, главное — читать с энергией, с нажимом, приложив все свои жизненные силы, тогда точно подействует… Только вот написанное на бумажном огрызке в темноте зыбких улиц разобрать было сложно, и он все вглядывался в мятый листок, шептал корявые фразы тяжелыми губами, не узнавая собственный голос, который становился тягучим, низким, фальшивым и тонул в завываниях ветра…

Глава 19

Дождь поутих, выровнял шумную мелодию, но через мгновение, отдышавшись, продолжился с новой силой. Ночь была непроглядной, темнота имела плотность, запах и вкус. Летний мрак затаившимся зверем следил за нерешительной тенью, которая пряталась от дождевых потоков под широкостволым тополем и наблюдала, как в нескольких метрах в окошечке деревянного домика горит свет. Пробиваясь сквозь стихию, тусклый теплый луч, словно дарующий надежду свет маяка, разрезал тревожный омут, манил, ласково указывал на тропу, еще не утонувшую в грязных ручьях.

Лес вокруг подвижно дышал, плавно покачивая верхушками многовековых сосен. Деревья плотным кольцом смыкались вокруг дома, тропы и путника. Хищная темень пугала, но освещенная дорожка обещала добрый, безопасный приют.

Гера решительно вынырнул из-под шумливой

листвы и направился на свет.

Во двор он зашел без особой осторожности, даже калитку не придержал — стихия заглушала любое движение, выравнивала любой посторонний звук. Гера оперся одной ногой о кривую завалинку, чуть не скатившись по скользкому от дождя покрытию, но успел ухватиться руками за окошко и, мигом распахнув его, ворвался внутрь.

Аленка вздрогнула, ахнула от испуга, подскочила с кровати, выронив книгу.

— Я пришел тебе кое-что сказать, — Гера вытер мокрое лицо ладонью и шагнул вперед.

— А что, через дверь мы уже не ходим? — взволнованно спросила Аленка.

— Тогда твоя бабушка проснется. — Он подступился ближе, взял ее ладони и, прижимая к широкой своей груди, добавил: — Я хотел тебе сказать… Уже давно, но все духу не хватало.

В голове тут же замелькали картины, как счастливая Аленка при каждой встрече с Петром вылетала со двора кружащимся в воздухе легким бутоном вишни. Проносилась мимо них, сияющая, загадочная, хрупкая, точно украденная ветром мелодия. Он тут же прогнал дурные предчувствия, потому что обещал себе во всем ей признаться.

— Так что ты хотел сказать, Федь? — Волнуясь, она вся трепетала, рассматривая его какое-то теперь чужое лицо.

— Я… тебя…

— Этого в книжке не было! — перебила Аленка его размеренную паузами фразу.

— Что?

— Этого не было в книжке, — повторила она, отрицательно мотая головой и отнимая ладони от его груди. — Вот, посмотри…

Он опустил голову и увидел в ее руках красный клубок шерстяных ниток.

— Нужно бросить через плечо и не оборачиваться, вот так!

Она ловко запустила клубок в окно, где теперь стоял Леонид Маркович. Ставни тут же захлопнулись, заглушив невообразимо страшным грохотом громовые раскаты. Он поймал клубок, один конец нити которого остался заперт ставнями. Новый громовой удар в который раз разрубил голос дождя и мрака, и Леонид Маркович вздрогнул, выронив клубок. Вздрогнул и открыл глаза…

— Приснится же такое, — проворчал он, приходя в себя и вспоминая, где находится. — Надо бы к Гере наведаться, поговорить, помириться, в

конце концов.

Он с трудом поднялся из скрипучего кресла, прикрыл окошко на кухне, которое, видимо, распахнул сильный ветер и которое Анатолий закрыл не на щеколду; и направился наверх, чтобы остаток ночи провести как подобает, в спальне.

Глава 20

— У нас нереальные новости!

Варвара Степановна и Дина ворвались в дом и, отбросив всяческие правила приличия, не здороваясь и не снимая обуви, вторглись в начавшийся без них кружок.

Варвара Степановна была похожа на ажурную наседку — ее одежда и пышные бока так же спускались кудрявыми слоями книзу, расширяясь и разлетаясь в стороны. Сама она вся раскраснелась и не знала, куда ей деть от волнения руки, то заламывала их, то плотно прижимала к лицу.

Дина вела себя чуть скромнее, в силу ее тихости и кротости. Больше поглядывала на Варвару и ожидала, когда та наконец решится начать разговор.

— Вы запоздали, и заметно, — Агата сделала им замечание, подкрепив строгость и важность поступка недовольным взглядом на наручные

часы. — Давайте впредь уважать друг друга.

— Книжному дому быть! — перебив негодования Агаты, выпалила Варвара Степановна, точно после долгого мучения под водой вынырнула и вдохнула воздуха. — Книжному дому быть! — чуть расторопнее повторила она.

Дина утвердительно закивала, сжав губы в сдержанной улыбке, которая на самом деле плохо скрывала ее бьющую через край радость.

— Вы обе что, к Кузьме на квас заходили? — неловко предположил Леонид Маркович, хмуро разглядывая их волнующуюся и трепещущую сценку.

— Книжному дому быть, — в третий раз, но спокойнее повторила Варвара Степановна. — У нас все получилось. Я даже не думала, что столько людей любят книги и верят в их силу, представляете. Не думала, что откликнутся, захотят помочь…

Она с трудом сдерживала слезы и прибывающие к ее сердцу чувства. Снова сложила ладони у губ, перевела дух и начала рассказывать по порядку, насколько это было в ее силах. Дина тем временем, не обращая уже внимания на потрясение Варвары Степановны, ее запинки и заикания от избытка эмоций, не думая о случившемся, присела на свободные подушки и, притянув к

себе блюдо с хворостом и кувшином молока, наслаждалась очередным кулинарным шедевром Анатолия.

Варвара Степановна вязала коврики и пледы, шила подушки, плела кашпо, вышивала салфетки, потому что в них находила спасение, утешение, отвлечение от собственного горя. Трудно было по неопытности разбираться в схемах, непростых описаниях узоров по книгам, не имея подсказок и примеров. Это переносило ее мысли к другим берегам, отделяло и отдаляло от реальности, в которой боль продолжала жить — да, уже легче, монотоннее, не так остро, но продолжала. А в мире творчества царили забытье и легкость.

Когда подушки стало некуда складывать, бесчисленные коврики и салфетки передаривались при случае и без, а очередная партия шерстяного узорчатого творчества оказывалась никому не нужной, заняв каждую полку, любой уголок и шкаф, весь дом, тогда Варвара Степановна решила, что пора придумать другой вариант сбыта своих изделий.

Как-то после встречи в книжном клубе она перемолвилась с Диной, шутя ненавязчиво, мол, да, я мастерица, но кому это нужно, уже и складывать некуда все эти дары пряжи и умелых рук.

Дина посоветовала выставить все на продажу через соцсети. Сама она, как оказалось, вела блог о книгах. Хотя вела его скромно, неактивно — в виде дневника. В общем-то все ее истории были посвящены прочитанным книгам, о себе в этих статьях она не говорила ни слова. Но понимала, что ее блог — великая вещь, раз привлек тысячи людей, а значит, Варваре тоже стоит попробовать.

Дина помогла Варваре Степановне установить приложение, создать канал, рассказала и научила, что и к фотографиям работ нужно проявить особое внимание. Варвара Степановна удивилась, когда ей пришло первое письмо с вопросом, как купить комплект ее замечательных интерьерных подушек. Она не знала, как реагировать и что делать. Постепенно привыкла, покупателей становилось все больше, потому что любители уюта и домашнего ручного украшения никогда не переведутся. Вырученных денег ей не придумалось, куда девать, и снова выручила подсказка Дины. Варвара Степановна отправляла заработанное в разные фонды — помогала больным, больше детям, успокаивая себя, что хоть теперь у нее есть шанс спасти кого-то и она обязательно использует его.

Никогда не знаешь, на что способны мысли людей, задетых чувствами других. Причем искренними, пылающими чувствами — иначе контакт не состоится, раны не вскроются, синапсы не достигнут пункта назначения и не отправят огонек дальше. Дина и Варвара Степановна сняли ролик. Дину пришлось долго уговаривать, настраивать, но в конце концов она согласилась. Сняла очки, распустила волосы, присела на стул перед камерой телефона и записала короткую речь. Это было ее первое видео. О чем рассказать, они заранее договорились. Видео разместили на двух своих каналах, а на следующий день не поверили произошедшему.

Тысячи людей посмотрели запись. Тысячи людей прокомментировали и продолжали писать, делиться роликом и, самое главное, отправлять деньги. Дина рассказала о сгоревшей библиотеке, о книжном клубе, который перекочевал в гостиную одинокого старичка; о том, как книги спасли ее и исцелили участников книжного клуба, каждого по-своему, помогли найти и обрести себя. Строить книжный дом на перепутье дорог в забытом богом селе — дурная и гиблая затея, но вот она впервые перед ними и не боится говорить, не боится осуждения и непонимания, а значит,

верит, что дело правое, чувствует, что оно того стоит, и нужно людям, и поможет, сыграет еще свою роль. Да что там людям, это и книгам необходимо. Иначе где искать ответы и исцеление, где прятаться от реальности, когда тяжело, где искать мечты и примерять на себя какие угодно роли, не страшась осуждения и усмешки.

Когда Дина и Варвара Степановна рассказали свою историю Наде, Агате, Анатолию, Геле и Леониду Марковичу, мир их друзей перевернулся, а воображаемый маятник Анатолия набрал неимоверную скорость.

Они совершили невозможное и будто рассказывали сон, потому что такие сюжеты обретали смысл и явь в другом, далеком мире, к которому и прикоснуться-то сложно.

Напоследок, добив финальным торжественным аккордом эту сельскую оду к радости, к их посиделкам присоединились Кузьма и Алевтина. Принесли Леониду Марковичу внушительную миску салата из папоротника, а заодно и газетный сверток, в котором беспорядочно жались к друг дружке потрепанные купюры.

— Мы тоже решили помочь, — радостно объявила Алевтина.

— Я подумал, да ну его, этого осла! На кой он

мне сдался, — гордо махнув рукой, заявил Кузьма и тут же скомандовал: — Леонид, ставь чайник.

— Так вы ж задаток внесли? — растроганно и обеспокоенно начала Геля.

— Ну что поделать, — развел руками Кузьма. — Для дела тут все равно осталось.

— Не можем мы это принять, — запротестовал Леонид Маркович. — Как-то нехорошо получается…

— Да ну что ты! Берите, берите! Глядишь, и я с вами разживусь, если городские зачастят. Свою сыро-колбасную лавку открою.

— Идейный ты, Кузьма Ильич, — похвалил его Анатолий, которому больше всех нравилась история с домашними колбасой и сыром и который даже имел некоторые планы на все эти изделия.

Все спешило и двигалось будто по предначертанному и верному пути. Казалось, получается перешагнуть даже внушительные сложности. И от осознания, от общей вовлеченности в важное действие будто и их собственные жизни менялись в лучшую сторону. Хотя, если подумать, в судьбе каждого все оставалось по-старому, кроме того, что село ожидало обновления и перемен.

Глава 21

— Вам не кажется странным, что местечко выходит таким идеальным и родным одновременно? — Агата оторвалась от бумаг и радостно оглядела друзей. — Это будто награда, но я пока не понимаю, за что…

Взгляд Агаты снова скользнул и спрятался где-то в стопке важных бумаг, щеки порозовели; утопая или прячась в мыслях, она будто смутилась и расстроилась одновременно.

— Главное, что наше общее доброе дело принесет пользу и удовольствие другим, — с теплотой в голосе произнес Анатолий.

Он смотрел на Агату и будто ожидал ее слова, но она только молча улыбнулась, не оторвав взгляда от страниц.

— Нет, ну чертежи и сметы, о которых вы так печетесь, у вас, конечно, под контролем. Вы молодцы. — Надя заглянула в бумаги, разложенные

ровными рядами перед Агатой. — Но мы забыли одну очень важную деталь.

Компания направила в ее сторону пристальные взгляды. Друзья ожидали ответа, а заодно копались в собственных мыслях и представлениях об идеальном книжном, будто безмолвно соревнуясь, кто первый разгадает задачу Надежды.

— Это какую еще деталь? — Леонид Маркович весь вытянулся, будто подобная поза помогла бы ему расслышать каждую важную мысль.

— Название!

— Название?

— Да, название. Мы не придумали название, — Надя развела руками.

— Ты права, — Анатолий многозначительно свел ладони, прислонив их к губам. — И как мы могли оставить такое важное место безымянным!

— Ну давайте придумывать, — Гера, который в последнее время проявлял интерес к их встречам и был частым гостем, решительно потер руки и размял костяшки пальцев, будто собирался рубить дрова или помогать Леониду Марковичу в борьбе с сорняками.

Леонид Маркович посмотрел на Геру недоверчиво, не ожидая от того порядочных идей. Про

себя отметил, что парень зачастил только из-за сдобы, сластей и напитков и надо бы гнать его в шею, а то ведь и обленится, и форму подрастеряет с их читательско-чаевными собраниями.

— Может, просто «библиотека»? По мне, так нормально, — буркнул он, убежденный, что друзья углубляются в лишнее и абсолютно ненужное.

— Это обязательно должно быть что-то душевное и теплое, как наши посиделки. — Варвара Степановна возвела под потолок мечтательный взгляд, ее улыбка туго растянулась опрокинутым коромыслом, а пухлые щеки заалели.

— И наверное, что-то связанное с нашим поселком, — прибавила Агата. — Что-то историческое и многозначительное.

— А может, попроще? Но чтобы и правда с душой. — Дина скромно тревожила уголок книжной обложки, тканевой, с вышитыми цветами, — нового изделия и увлечения Варвары. — Как насчет «Книжного дома» или «Книжного дома на Амуре»?

Она в волнении оглядела их, боясь усмешки и неодобрения.

— «Книжный дом» — это неплохо. Да, очень даже неплохо. Интересно, с душой, — закачали головами и положительно затараторили ей в

ответ.

— А может, «Дом дружбы»? — предложил воодушевленный Гера, без стеснения присоседившийся к угощениям. — Ну, раз книги — наши друзья и вы все сдружились благодаря книгам…

— Это тебе что, домик крокодила Гены, что ли? — пробурчал Леонид Маркович, в сердцах воображая, как отмеряет сельскому богатырю подзатыльник.

Дина и Варвара хихикнули.

— Ну сами тогда придумывайте, — обиженно отрезал Гера, сложив руки в замок.

— А может, взять что-то из книг? Из классики? — предложила Надя.

— Точно! — подскочила Геля. — Например, «Остановка Карениной». Проезжающие мимо станут непременно останавливаться и заглядывать к нам на посиделки.

— У меня смешанные чувства от названий в честь Карениной, — скептически отреагировал Анатолий.

— По-моему, вас всех понесло не в ту степь, — отрицательно замахала головой Агата. — Все не то.

— Хорошо, предлагайте варианты попроще, поинтереснее. Вам-то уж виднее. — Геля нервно

дернула плечом, и улыбка спала с ее лица.

— «Книжный дом у озера»? «Дружный книжный»? — выпалила Дина.

— Может, в честь одного из наших амурских поэтов или писателей назовем? — назидательно предложила Агата. — Например, «Дом Петра Комарова»?

— Это еще кто такой? — поднялся Гера.

— Поэт наш дальневосточный, — Агата закатила глаза и цокнула. — Как можно не знать! Комаровские чтения в его честь устраивают. Дети в школе его стихи учат. Он столько о природе родного края написал! Да мы же с вами как-то читали его «Маньчжурскую тетрадь», что, не помните уже?

— У меня с Петрами плохие ассоциации, — поморщился Гера. — А может, в вашу честь назовем, а, дядь Лёнь? Ведь ваша же идея была, а?

Гера важно привстал, медленно расправляя плечи, будто стараясь передать окружающим ощущение собственного превосходства, наступившего незамедлительно в тот момент, когда в его голову пришла светлая, как ему показалось, мысль.

— О боже мой, — Леонид Маркович вскинул руки. — Нет уж, увольте. Ничего глупее в жизни

не слыхивал! Нет, нет и нет! Ясно вам? Даже не смотрите на меня с такими улыбками.

— Зря вы так, Леонид Маркович, — ласково заметила Агата, — идея-то неплохая.

— Угу, — подхватила Надя, — «Книжный дом Меньшикова» — красота! Будто про дом богатого купца.

— В этом-то доме и книги, небось, из позолоты да парчи, — съязвил Леонид Маркович. — А на полках сплошь яйца Фаберже и малахитовые шкатулки.

— Ну а что вы предлагаете?

— Ничего.

— Как ничего?

— А вот так. Будет книжный дом без названия. Повесим заметную вывеску с надписью «При входе звонить в колокольчик», вот и готово. — Он достал из нагрудного кармана носовой платок, в который был завернут тот самый колокольчик его внука. — Вот. Этим колокольчиком мой внук будил меня, чтобы я продолжал читать ему сказку. Это, можно сказать, особенный колокольчик. Книжный. Вестник к чтению. Пробудитель. Так что берем его как символ и кончим дело.

Компания с трепетом слушала Леонида Марковича. История его и идея всем пришлись по душе.

Только один Гера нахмурился.

— Внук? Откуда у вас внук? Вы же говорили, у вас нет детей, а тут еще и внук!

Леонид Маркович помрачнел. Его ясное настроение сгинуло, будто и не бывало, и скрывать, притворяться счастливым в этот миг ему не удавалось.

— Наврал, — прохрипел он после долгой паузы и поднял голову. — Когда мы с моей Зоей познакомились, она одна растила сына. Вот я и стал ему как родной отец. Правда, не все у нас гладко было последние годы. Натянуто. Напряженно. Сын про меня совсем забыл.

— Вам надо с ними обязательно поговорить и попробовать наладить отношения. — Варвара Степановна подошла и погладила Леонида Марковича по плечу.

Он посмотрел на нее и, не найдя во взгляде ни осуждения, ни упрека, воспрянул.

— Да, наверное, — согласился он, удивляясь своей сговорчивости и тому, как легко соглашается с чужими советами. — Позвоню. С делом только управимся, и сразу позвоню. Заодно будет о чем рассказать — хорошими-то новостями делиться приятнее.

— Как хорошо, что у нас уже появляются какие-

то символы и традиции, — радостно подытожила Агата, взяв из рук Леонида Марковича колокольчик, и с горечью добавила: — Жаль только, от нашей бывшей библиотеки ничего не уцелело. Хоть бы на память что-то…

— Как же не уцелело, — неожиданно взволновался Леонид Маркович. — Где же она…

Он заметался по комнате, побежал на кухню, потом в спальню, вернулся к ним, метнулся к камину, порылся в шкафу и, наконец, вспомнив, снова заторопился на кухню.

— Нашел! — радостно оповестил он, держа над головой книгу Николя Жоливо «Мой сад. Путешествие к себе». — Я взял ее еще в день нашего знакомства, а вернуть все забывал.

— Это библиотечная? — Дина аккуратно взяла красивое издание и пролистала наполненные глубокомысленными иллюстрациями плотные страницы.

— Одна-единственная уцелевшая книга… — Анатолий подошел к ним, присоединяясь к любованию ценным экземпляром.

— Она станет символом и началом, — подхватила Варвара. — Прямо как спасенное семечко, из которого теперь возродится пышное яблоневое деревце. И все мы вместе его сбережем.

— Ну вы даете, дядь Лёнь! — усмехнулся Гера. — Получается, человек, который не вернул книгу в библиотеку, спас эту самую книгу. А мне, когда я в школе учился, за такое подзатыльник отвесили бы.

Глава 22

Воспоминания — это то, чего никогда не существовало, но их можно воскресить. Всеобъемлющие, точно стремительная воронка в горловине черной дыры. Неподвластные пониманию и скрывающие разгадки в невидимых разломах, покрытых пластами мутных водных масс, подобно Бермудскому треугольнику. Воспоминания не имеют плотности, цвета, веса и формы, но принимают любые обличья, окрашиваются во всякие оттенки и заполняют всевозможные пространства расползающихся сердечных трещин, стоит только дотронуться, всколыхнуть, обернуться…

Воспоминания подобны песку. Безжалостно ускользают, просыпаясь сквозь трещинки глиняных сосудов. Тонкие, едва уловимые песчаные полотна в мгновение пропадут из виду, подхваченные ветерком и растерзанные им. Сосуд будет наполнен снова, и снова, и снова… Песчаные

нити продолжат рваться наружу сквозь острые щербатые дырочки. Но сосуд никогда не опустеет, его шепот не стихнет, а трещины не зарастут, чтобы больше не дать песку тревожить больную почву.

Воспоминания подобны воде. Не вовремя бурлят, пенятся, вздымают и безжалостно топят в своих пучинах заветные суда. Разыгравшаяся буря неподвластна ни сердцу, ни разуму. И только когда погибнет последний истерзанный луч света, когда обрывки и обломки сдавшихся чувств прибьются к уставшему берегу, когда рана до краев наполнится солью, зашипит, стерпит в очередной раз и вновь остынет, тогда муть спадет, и в воде прояснятся успокоение и надежда. Но ненадолго — до следующей схватки с обрывками прошлого.

Воспоминания подобны семени. Волей судьбы брошенное неловким движением семечко прорастает, крепчает, вонзается извивающимися корнями, дырявит острыми ветвями грудь. Выкосить или залить ядом не получится. Где-то останется нетленный росток, удержится за сердечный край, размножится заново. А в другой раз, когда это необходимо, засеять душу воспоминанием не получится. Капризное зерно не в

каждом приживается, но если уж поселится, то не отбиться, не избавиться.

Порой люди боятся, что их воспоминаний меньше, чем того требует Бог, душа или что-то еще… Неизвестно, чем измеряется глубина пережитого, но память знает, насколько объемными и увесистыми должны быть последствия. Поэтому, откликаясь уже не в людях, точнее не только в людях, воспоминания становятся памятью природы, мира и даже Вселенной.

— Леонид Маркович, дорогой, могли бы вы поторопиться. Мы так до обеда не соберемся, а там такое пекло начнется…

Варвара Степановна подгоняла Леонида Марковича, следовала за ним по пятам, вздыхала и сетовала на убегающее время.

Он нехотя собирался, метался из угла в угол, толком ничего не совершая, изображая больную забывчивость и рассеянность.

— И чего я там не видел? — ворчал он. — Кешу вот как я оставлю? А? Кто за Кешей-то приглядит?

— Ничего вы там не видели, — с нетерпеливой радостью в голосе заканчивала его фразы Варвара. — А с Кешей за пару часов ничего не случится.

— С собой, может, его взять?

— Ну возьмите с собой.

— А вдруг дождь пойдет?

— Да какой дождь! Весь август пекло невыносимое.

— А если он сбежит? Потеряется?

— Ну не берите.

— Как же быть… Как быть…

Пока Леонид Маркович сопротивлялся и не принимал неожиданное известие о поездке на озеро, Варвара Степановна по-хозяйски прибирала беспорядок на кухонном столе, оставленный после завтрака. Расшторивала окна, поливала поникшие герани и декабристы. Уговоры и сборы длились слишком долго, и Гера, который должен был дожидаться их дома, решил забежать сам, предчувствуя, что заминка неспроста.

— Дядь Лёнь, ну все на озере уже, одни мы остались, — с неизменной улыбкой на лице и заботой в голосе укорил Гера.

— Что, прямо все?

— Конечно. Такое событие. Каждый год собираемся смотреть.

— Ладно, иду я, иду, — пробормотал Леонид Маркович, прижал Кешу к груди, а потом усадил его на вязаный коврик у камина. — Ты, дружок,

охраняй дом, — наставительно наказал он.

Они вышли и направились за двор, минуя мостик и луг. Касаясь пышущей жаром листвы. Изнемогая от пекла и отмечая в другой раз не выходить в жару без головного убора, сокрушаясь на забывчивость.

— Еще за Аленкой зайдем, — переменившись в лице, серьезно добавил Гера.

Леонид Маркович с жалостью и упреком взглянул на него.

— Да ладно вам, дядь Лёнь, — Гера будто отмахнулся от взгляда словесными оправданиями. — Я уже все понял и принял.

— Правда?

— Правда. Так, только по-дружески предложил подвезти.

— А она что?

— Согласилась. Только спросила, можно ли поедет не одна.

— А ты что?

— А что я? Сказал: «Конечно».

— Так она что же, с бабушкой поедет? У той ведь давление, давно никуда не ходит, — взволнованно вставила Варвара Степановна.

— Сомневаюсь, — мрачно отрезал Гера. — Я машину Петра не видел, но он каждый год приез-

жает на цветение лотосов. Видимо, в этот раз на автобусе в Сагибово добирался.

— Не может быть! — Варвара Степановна решительно замотала головой. — Не такой он человек. Такие, как он, комфорт ценят, роскошь, чистоту, в конце концов. Ни в каком автобусе, так же как и в твоем захудалом уазике с запачканным салоном и твердыми креслами, он бы не поехал.

— Ну, кто его знает, — с надеждой вздохнул Гера, опуская взгляд под ноги, мысленно теряясь в бесконечных зарослях клевера и осоки.

— А вообще, я как-то мимо шла и разговор Аленкиной бабушки слышала. Он им в почтовом ящике лекарство оставил. Как я поняла, Аленка его раз в месяц просила об услуге, а в этот раз он не зашел, денег не взял, не сообщил — в ящик кинул, и все. Они расстроились, что отказался в следующий раз помогать.

— А я на что? — возмутился Гера. — В аптеку, что ли, не заеду?

— Ну, там по рецепту какое-то. Старушке каждый раз за бумажкой в город тяжело мотаться, в очередях сидеть, а Петр вроде как и без документов мог купить.

Гера ревниво прыснул, понимая, что дело в другом и встречи их случались совсем не поэтому.

У машины их ждали Геля с Мишкой. Мальчик недовольно хмурился, то и дело поправляя панамку, которая держалась за подбородок резинкой. Панамка норовила свалиться на пыльную землю и остаться незамеченной и брошенной. Уставшая от капризов бабушка сдвигала панамку обратно на лоб, идеально ровно и безукоризненно, будто на озере существовал панамочный фейсконтроль.

— Заждались? — Гера кивнул им и открыл двери авто. — Усаживайтесь. Я за Аленкой схожу. Быстро.

Он умчался, но пассажиры, кроме ребенка, не спешили занять свои места в душном, нагретом солнцем салоне. Да и любопытство одолевало каждого из них: взъерошенный, спешащий во двор напротив Гера выглядел бойко, будто готовился помериться с врагом силами. Расправив широкие плечи, выгнув и без того показательно могучую грудь, он богатырем остановился у низенькой калиточки, крикнув в сторону дома, будто нараспев: «А-ле-на-а-а!»

Девушка выскользнула из-за трепыхавшихся на сквозняке занавесок дверного проема, точно жемчужная ниточка, рассыпающаяся звуками, бликами, искрами прямо в его ладони. То есть ему

хотелось бы, чтобы в его ладони, но он сжал их, а вместе с ними и чувства, решительно крепко и ответственно, чтобы не мешать чужому счастью.

— Ты же говорила, что будешь не одна? — пытаясь скрыть волнение, спросил он.

— Не одна, — радостно прозвенела она и вынула из вязаной сумочки пластиковый контейнер. — Посмотри, кого в огороде поймала! Надо этого товарища к озеру подвезти, как думаешь, Федюнь? Не место ему на капустной грядке.

Она засмеялась. Ее смех рассыпался по холодной почве увесистыми жемчужными камешками. Гера улыбнулся, а потом рассмеялся вместе с ней, взяв прозрачную коробочку с тритоном, который прижался к уголку и замер.

— Ну поехали, — с прежней мягкостью в голосе произнес Гера, выдыхая весомое напряжение.

— Поехали, — одаривая его все тем же искрящимся взглядом, ответила Алена.

Пассажиры на другой стороне улицы, будто расколдованные, зашевелились, оторвали взгляды и принялись усаживаться в темно-зеленое авто.

Леонид Маркович никогда не видел, как цветут лотосы. Всю свою городскую жизнь он любовался пестрыми клумбами и пышными венками, украшающими входы кофеен. Он даже не думал,

что в маленьком поселке случаются особенные природные явления, ради которых собирается добрая часть жителей, чтобы просто посмотреть, полюбоваться, вспомнить…

Неожиданные затишье и радость разносились ветерком, бросались воздушными массами из рук в руки, били по лицам, отрезвляя и бодря. Солнце укрывало и обнимало золотой вуалью сказочные водяные цветы. Лотосы густым строем замерли на озерной глади, обступили воду со всех сторон и заняли полные позиции, оставив лишь скромный водяной ободок у берега. Они будто приглашали самых смелых шагнуть в ледяную воду, наклониться, прикоснуться, сорвать бутон, который, казалось, искусно вылеплен из тончайшего фарфора. Плотные темные листья, поддерживающие цветочные головки, как нельзя кстати подчеркивали всю нежность и сладость цвета — скользившего от призрачно-розового к невинно-белому.

— Это так прекрасно! Каждый год я смотрю на них, и чувство волшебства и вдохновения не ослабевает.

Агата поравнялась с Леонидом Марковичем, который наблюдал за озером в стороне ото всех. Она чувствовала его одиночество и тос-

ку, нахлынувшие вдруг и отразившиеся в этом уверенно-устремленном в даль взгляде. Такой взгляд был у многих — наполненный воспоминаниями и жизнью, имеющий вес и температуру, способный обжечь или остудить, заразить или оттолкнуть. Агате он тоже был знаком.

— Лотосы входят в число семи чудес региона, — продолжила она, уже не обращая внимания на собеседника, рассказывая будто этой воде или солнечному свету, от которого приходилось сощуривать глаза. — Самые большие плантации лотосов находятся всего в двух озерах Архаринского района: первое — озеро Долгое, а второе — это наше озеро Кривое. Разве не удивительно, что нам выпал такой дар? А вы знаете, откуда на нашем озере взялись лотосы?

Леонид Маркович задумчиво посмотрел на нее и отрицательно мотнул головой. Он и не подозревал, что к чудесам природы временами причастны люди. Снова окинул взглядом озеро и приготовился слушать.

Где-то по отмели, с краю бело-розовой шапки промчался кулик, пытаясь поймать мельтешащую стрекозу, которая будто дразнила его, останавливаясь и замирая в полете и снова набирая скорость. В птичьей охоте и отстраненности

к окружающим чувствовалось уже волнение приближающейся осени. Маленькие птицы готовятся к полету, не дожидаясь холодов, в поведении их заранее читаются и тоска о еще не покинутой родине, и предчувствие погибели в пучине, когда слабеющие выбиваются, покидают клин.

Агата помолчала и продолжила:

— В Ивановке живет удивительная семья. В общем-то, обычная, но совсем не простая. Это супруги Титоренко — Александр и Татьяна. У них случилось большое несчастье, которое мучило их, не успокаивалось, не затихало. В аварии погибла их дочка. А воспоминания такая вещь — или задушат, или наполнят силами до краев, — уж как сам решишь с ними мириться. Они решили не прятать, не хранить в темноте. Помню, в новостях тогда показывали, как Александр сказал, что до его плеча будто ангел дотронулся пером и шепнул, что нужно делать. И вот теперь каждый август мы любуемся этой небесной красотой. Каждый цветочек будто соткан из хрупких перышек.

— Так это они посадили лотосы на нашем озере? — уточнил Леонид Маркович.

— Нет, не здесь, — продолжила Агата. — В Ива-

новке. Они посадили лотосы в память о дочери. Правда, попытки их длились целых три года: семена не приживались, ростки погибали, поначалу все было впустую. Победную партию семян они даже возили к настоятелю в храм, чтобы освятить. А когда все удалось, случилось наводнение. Александр и Татьяна тогда переживали, что прижившиеся лотосы уничтожены. Но они не погибли, представляете? Вода унесла цветы и воспоминания дальше. И Кривое тоже ухватило частицу этой жизни. Я как представлю, что они пережили, как волновались за погибшие ростки, — у меня мурашки по коже… Если подумать, на земле столько горя, но если не хранить его внутри, выпустить, открыть душу, то непременно произойдет чудо, которое и остальных научит жить.

Леонид Маркович смотрел на нее, хотел похвалить, восхититься, поделиться грустью, но не знал, что на самом деле должен сказать: история, рассказанная Агатой, была как тот самый цветок лотоса — невероятной и неописуемой. Он представил, проникся историей, чувствовал, будто часть ее принадлежит и ему, а если и не принадлежит, то существует именно потому, чтобы донести что-то важное, что-то исцеляющее

и подсказывающее.

Горе, которое учит, напутствует других жить, ценить и беречь жизнь. Несчастье, разделившееся и отдавшее себя по частям сотням других людей, но не болью, а чудом, прекрасным цветком, который является символом возрождения, вечности души человеческой.

Агата помолчала, потом направилась к воде, подступив к самому краю узкого берега. Леонид Маркович оглядел людей вокруг. Поискал глазами Геру и остальных.

Гера с Аленкой о чем-то оживленно беседовали в сторонке, не жалуя озеру ни единого взгляда, но с упоением утопая в разговоре друг с другом. Геля бродила с Мишей, указывая рукой в сторону бесконечных лотосов и что-то объясняя ему. Надя и Варвара Степановна расстелили плед на траве и синхронно дули на кипяток, едва налитый из термоса в пластиковые походные кружки.

Небо неожиданно потемнело, переменилось, нахмурилось. Еще мгновение предупреждающе помолчало, а потом закашляло грозным раскатом, прогоняя шумную толпу по домам.

— А я так и знал, что будет дождь, — назидательно тряся указательным пальцем, выпалил Анатолий, проносясь мимо Леонида Марковича.

Варвара и Надя расстроенно, но снова синхронно плеснули кипяток на кудрявую траву и засобирались. Геля с внуком не раздумывая заторопились к машине. Гера и Аленка продолжали стоять в эпицентре мечущейся толпы.

Леонид Маркович наблюдал поодаль, не решаясь подойти, будто происходящая сцена была ему знакома — не в этой жизни, где-то давно, в нереальности и несбыточности воспоминаний, но она случалась и с ним.

— Ты, наверное, не рада, что одна поехала? — донеслось до Леонида Марковича робкое, сбивчивое вопросительное признание Геры.

— Почему одна? Я же с тобой. И почему не рада? Видишь же, как улыбаюсь? — наивно протараторила она, волнуясь и вытирая с лица первые дождевые капли.

— Я думал, ты без него не поедешь.

— Да без кого «без него»? — нервничая, выпалила Аленка.

— Ну без этого, городского твоего…

— Какого городского?

— Ну Петр, жених твой, не приехал сегодня. Я думал, ты с ним поедешь.

— Какой еще жених, Федь?! Ты что, на солнце перегрелся?! — Аленка развела руками, а потом

подошла совсем близко и потрогала его широкий лоб своей тонкой, почти детской ладошкой. — С чего ты взял, что этот фрукт — мой жених, ну скажи? Разве у нас с ним есть что-то общее?

— Что же он вечно приезжает, у дома твоего маячит, тачкой своей крутой красуется? И ты, только его увидишь, не идешь, а порхаешь мимо, до того счастливая, что аж светишься вся изнутри… — Гера убрал ее ладонь со лба и отстранился.

— Не понимаю, о чем ты, — обиженно и расстроенно ответила Аленка, замечая, что люди вокруг расходятся, озираясь. Она желала уйти вслед за ними, вытечь, исчезнуть из памяти этого места и этого разговора. — Петр назойливый и глупый. Проходу не дает. Не понимаю, чего он вечно ждет у моего дома. А я показывалась на улице, только когда появлялся ты. И от счастья, может быть, светилась только поэтому. Если ты так ничего и не понял, то ты еще глупее, чем Петр твой.

Она обиженно сложила руки на груди, нахмурилась и рванула прочь. Гера в попытке остановить ее поймал за руку, притянул ближе.

— Так ты что же, и в город к нему не собиралась? — Дыхание Геры будто подхватил озерный ветер, придавая силы порывам и страстям.

— Нет…

— И перспективы его тебе не нужны были?

— Да нет же! Какие еще «перспективы»?.. Я сразу ему от ворот поворот дала — только он не понимает ничего. А как заглянет, так не выгонишь. Надоел мне, ужас…

— И любви у вас никакой не было?

— Нет, конеч…

Оборвав Аленку на полуслове, дернув локтем, будто поставив в воздухе галочку, закричав куда-то в небеса счастливое «ес!» и вытирая мокрое от первых капель лицо ладонями, Гера вдруг осознал, что больше ни за что не готов быть нерешительным и несмелым дураком.

— Да к чему ты это все?.. Расспросы, расспросы… — Аленка нервничала, жалась от сковавшего берег холодного ветра, озиралась на бегущих, предчувствующих ливень людей.

— Я-то?

— Да, ты!

— Люблю тебя, вот чего…

Бросив рваную фразу, Гера уверенно и крепко заключил Аленку в объятия, одновременно украв ее поцелуй. С нахальным напором, будто штурмуя неприступную крепость и не оставляя шанса вырваться из плена, он продолжал прижи-

мать ее к себе и целовать, пока она не перестала биться и отталкивать его, будто хрупкая, пойманная в клетку птичка. Сдалась она через пару мгновений, потому что на самом деле взаимно мечтала о том же. Обвила его крепкую шею тонкими запястьями, прижалась, подтянулась, встав на носочки, чтобы оказаться еще ближе, будто это было возможным теперь, когда они и так сделались одним целым. Дождь хлынул сильнее, мелкий и частый, точно из садовой лейки с широким, щедро продырявленным носом. Но, не чувствуя мира вокруг и земли под ногами, не теряя больше времени, которое теперь становилось другими воспоминаниями, и теряясь в собственных эмоциях, так долго погибавших в нерешительности, их губы неловко смыкались в поцелуе, его руки крепко, но бережно грели ее в объятиях, а она дрожала и становилась хрупче, невесомее, нежнее.

Леонид Маркович слышал весь разговор, видел дождь, видел жизнь и медленно, не боясь промокнуть, шел к сидящим в машине. Ожидавшие внутри, не решаясь тревожить чувства, которые оказались сильнее стихии, смотрели сквозь дождевые струйки на окнах, как в сильных объятиях Геры пряталась от дождя и холода хрупкая Ален-

ка. Наблюдали, как липнет к ее полупрозрачному телу тончайшая ситцевая ткань намокшего до нитки платья. Как льнут завитки ее волос нестройными прядками к шее, лбу и щекам. Как Гера кружит ее, останавливаясь, чтобы снова поцеловать, и как кружатся их головы и мир вокруг, заставляя дождь лить сильнее, а воспоминания всех и каждого прорастать глубже.

Глава 23

Что, если никакого прошлого, будущего и настоящего не существует? Что, если такты и ритмы дробятся, отзываясь колючим эхом, толкают секундную стрелку дальше, в невозвратность, а она кружит и существует снова и снова в одном лишь незыблемом, конечном и продолжающемся «я». Пока есть человек, душа, ритмика сердечной азбуки — в этот самый момент все и существует, начинается и продолжается. И все конечно-завершаемо, когда старость, пролистнув жизнь, закрывает последнюю оставшуюся страницу. Все еще держится примерно пару звенящих мгновений, несколько недопитых вдохов: память прокручивает на повторах острые моменты — те, что подарили эмоции, и те, которые не сбылись; сделанное и несовершённое мечется, расплескивая ускользающую важность и нужность, становясь ничем; смыслы и помыслы меркнут

— миг, пока рука судьбы дочитывает последнее весомое предложение, всматривается в точку, если она проставлена и рукопись не оборвалась на полуслове. Потом книга закрывается, история окончена — жизнь окончена.

Все держалось и держится на одном только «я» — том, что существует в этот самый момент, том, что живо, пока живо. Но понимаешь это где-то под конец, а порой и вовсе не успеваешь понять, что ценное было в этом самом «сегодня». Пока «я» есть.

Леонид Маркович сидел на крыльце, держа на коленях Кешу, поглаживая его пятнистую спинку и любуясь пышностью своего сада. Сочная листва приобретала уже тяжелый темно-зеленый оттенок, шелест и стрекот вечной жизни понемногу стихали, готовясь к осеннему сну.

Он вспоминал уютные книжные посиделки, думал о том, что все когда-нибудь заканчивается и начинается новая — другая жизнь. Скоро в обновленном большом книжном доме закончатся последние ремонтные работы и наступит день «книжного переезда». Гера с Анатолием и Кузьмой упакуют бесчисленные книжные коллекции этого дома, отвезут их, чтобы расставить на красивых темно-коричневых, с прожилками

деревянного сруба полочках. Подаренные волонтерами со всего края и совершенно новые книги, которые пока ждут в тяжелых плотных коробках, тоже займут свои места. Радостные и немного пугающие перемены вот-вот случатся.

Он вспомнил, как при последней встрече Агата улыбчиво и заботливо говорила, подавая чай и блюдца с ломтиками морковного торта:

— Наверное, это наша последняя встреча тут, у вас дома… Нужно обязательно запомнить и сохранить в сердце этот теплый момент.

Некоторые события и знаменующие их фразы звучат радостно и печально одновременно.

Он вспомнил, как ждал, чтобы скорее отцвел ковыль, потому что тогда один из этапов жизни должен был закончиться — тот этап казался невыносимым, дурным, неуместным. Прежняя хозяйка должна была забрать Кешу, когда отцветет ковыль. Но Кешу забрал ее внук намного раньше, а потом кот, видимо, снова сбежал, возможно в пути, на какой-нибудь остановке у заправки или из-за спущенного колеса.

Сейчас он ни за что не отдал бы питомца, друга, родное существо — сколько бы ковыля ни потребовалось для того, чтобы отгонять «другие руки».

Домашние встречи книжного клуба тоже ворва-

лись в жизнь Леонида Марковича неожиданным сотрясением почвы под фундаментом его крепости. Но вторжение оказалось сродни большому семейному совету — без него невозможно было найти силы к завтрашнему дню.

И пусть порой Анатолий в шутку сравнивал Леонида Марковича с портретом Дориана Грея — портрет *действующего* героя, напротив, становился прекраснее. Облик хозяина роднился с обликом места — да, каждый гость помогал понемногу: стричь непослушные сухие ветки кустарников, пропалывать сорную траву, прикапывать слабые всходы и уносить с фигурных грядок погибшие или высушенные солнцепеком цветы. Место и человек были едины и хорошели благодаря тому, что впустили в свои жизни, доверили свою душу доброму дружескому участию и стали деталью важного дела.

Он вспомнил, как Агата сказала, что если перечитать книгу, то можно открыть много нового и с нового ракурса увидеть сюжет. Или влюбиться уже не в главного, а во второстепенного героя. Да и смыслы посыплются другие, точно ты никогда раньше не открывал этих страниц. Сам Леонид Маркович тогда подумал, что то же применимо и к жизни, если вовремя осознаешь и выручишь

для себя второй шанс. Хотя, наверное, вторых шансов может быть сколько угодно: он ведь, оставив городскую жизнь, не особо поначалу нашел себя, а потом еще долго сопротивлялся, когда уже ступал на верный путь.

Природа за двором дернулась, вспорхнула и привлекла внимание к узенькой тропинке, скрепляющей дом Леонида Марковича с травным островком перед мостиком. На этот раз его гостем был не Гера, не Кузьма и не кто-либо из книжного клуба.

— Деда Ёня!

Малыш с радостным криком бросился навстречу дедушке, толкнув калитку и чуть не запнувшись о неровно выступающие края дворовых плиток.

Мать окрикнула ребенка, поспешив следом, ругая за непослушание и отчитывая за неосторожность, ведь во дворе может быть злая собака.

— Нет у меня никаких собак, — по привычке хмурясь, проворчал Леонид Маркович, но тут же успокоился и посветлел лицом. — Ну здравствуй, дружок, давно мы с тобой не виделись.

Он обнял внука и, поднявшись с крыльца, взял его за руку.

— Пойдемте, что ли, чай пить, у меня шарлотка

еще осталась.

— А я на тропинке перед мостиком гусеницу нашел, — гордо заявил малыш и направился следом за дедушкой.

— Гусеница — это хорошо. У меня в теплице их знаешь сколько было!

— Сколько? Сто двести пятьсот штук? — окрыленно и воодушевленно вопил Тарас.

— Даже больше!

— Даже больше?

— Ага.

— Ты шутишь, деда Ёня, — расхохотался мальчик. — Столько не бывает.

— Бывает-бывает, еще как бывает. У меня тут знаешь сколько всего происходит…

Невестка и сын смотрели на него в смешанных чувствах. Им не терпелось начать разговор из заготовленных фраз, отчитать Леонида Марковича за бегство и продажу квартиры, укорить за то, как долго они были в неведении, как рабочие, которые сразу же после продажи принялись за ремонт, сообщили, что их дедушка тут больше не проживает, как риелтор долго не соглашался на встречу и в довесок как сложно было оставить работу и дела, чтобы поехать в немыслимую глушь.

Но атмосфера, настроение и какие-то незримые перемены в облике, голосе и морщинках их родного, укутанного теперь уже не только в старость и ворчливость, но и в мудрость и добродушие человека повергли невестку и сына в немоту. Все четверо прошли в дом. Кеша, напуганный неизвестными гостями, прошмыгнул наверх, в спальню, и не показывался.

Леонид Маркович поставил чайник. Тихая пауза нарушалась лишь движениями и приготовлениями к столу. Вкрадчивые или яркие разговоры ребенка были не в счет.

— Вы домой-то собираетесь? Чей это дом? — спросила Алла.

— Да, деда Ёня, я уже так соскучился. — Внук схватил морщинистую ладонь дедушки и запрыгал на месте, будто опираясь на ослабевшую руку.

— Ну-ну-ну, — с улыбкой на лице игриво пожурил старик, останавливая игру и присаживаясь за стол. — Знаешь, как говорят: деревню из человека можно вытащить, а человека из деревни — нет.

— Деда, ты что-то путаешь! Там совсем не так говорится. Наоборот все!

Тарас засмеялся, а родные прислушались, замерев и понимая, что отчасти смыслы этой шутки

предназначены им в ответ.

— Разве? — шутливо протянул Леонид Маркович.

— Ну да, точно по-другому надо говорить.

— Ты знаешь, внучек, по-моему, говорить надо именно так. Просто кто-то один раз перепутал, вот и повелось теперь невесть что в поговорке.

— Так, значит, вы в город возвращаться не собираетесь?

Невестка не сводила глаз с Леонида Марковича. Супруг взял ее за руку, привлекая к себе внимание и намекая понизить неприязнь в голосе, прикрыть, замаскировать хотя бы на время. Леонид Маркович не обращал внимания на прежние настроения и по-доброму продолжал улыбаться им всем.

— Я очень рад вас видеть, — сказал он, опустив чашку с чаем, который так и не смог глотнуть, забыв разбавить кипяток остывшей водой. — Но в город я не вернусь. У меня здесь новая жизнь, второй шанс, можно сказать: друзья, прогулки, кот, в конце концов. И книги…

— Книги? — Сын непонимающе посмотрел на него, опасаясь, что отец не в себе.

— Ну да, книги. Встречи в книжном клубе, и еще, видели со стороны дороги новенькую отстро-

енную веранду у кирпичного здания и широкую стеклянную витрину? Это наш книжный дом — скоро открытие, всем миром на ремонт деньги собирали…

— Дом видели, — недоверчиво процедил сын. — Только все равно не верится, что все так. Да и странные у вас тут в поселке личности, один чуднее другого.

— А что странного-то? Вроде обычные все, простые.

— Угу, — продолжил сын, посматривая на Аллу, которая кивала в подтверждение. — Мы только из машины вышли, так какой-то чудик перекачанный на меня так уставился. До последнего стоял, наблюдал, куда я пойду и что делать стану. Как в фильмах ужасов, будто мы тут незваные гости и вообще приехали зря.

— Что за «чудик»? — смутился Леонид Маркович и, отдаленно догадавшись, спросил: — В жилетке? В жилетке с карманами и с растрепанными русыми волосами?

— Точно, он, — сын утвердительно кивнул.

— Да это Гера, наш доставщик. — Леонид Маркович махнул рукой и широко улыбнулся. — Наверное, увидел твою машину и решил, что Петр приехал на новой. У него с Петром неглас-

ная война: девушку не поделили.

— Ну допустим. Потом на нас дед какой-то блаженный накинулся, а как увидел Тараса, так руками всплеснул, сел прямо на землю и заплакал.

Алла договорила за мужа, не скрывая волнения от нахлынувшего эпизода:

— Да ты расскажи, что он Тараса чуть не схватил! Это еще хорошо, что среагировали, отогнали. А пока мы в сторону вашего дома бежали, тот старик там так и сидел, плакал и кричал. Звал какого-то Луку.

— А, ну это дед Ибрагим, — уже с грустью выдохнул Леонид Маркович и добавил только одно: — Он безобидный. Ничего вам не сделает. Только горюет и ищет Луку.

— А кто это? — спросила Алла.

— Я не знаю.

Леонид Маркович задумчиво опустил взгляд, помолчал секунду, тут же встал, убрал со стола свою чашку и придвинул блюдо с нарезанным пирогом ближе к маленькому Тарасу.

— На-ка вот, доедай. Ну а вы что? Ночевать останетесь или отдохнуть, может, на озеро прогуляться хотите?

— Нет, мы поедем, — сын и невестка, не при-

тронувшиеся к пирогу, с нескрываемым разочарованием засобирались.

Они еще недолго беседовали во дворе, осматривали дом снаружи. Потом Леонид Маркович проводил их к машине под взгляды любопытных сельчан.

— Приезжайте на открытие, в следующие выходные собираемся торжественно перерезать ленточку, — пригласил он под конец, обнимая на прощание внука.

— Посмотрим, — сухо ответил сын. — Скорее всего, не сможем. Дела.

— Ну, проведали, хорошо у вас все, значит, волноваться не о чем, — подытожила Алла, то и дело разводя руками, будто не решаясь обнять Леонида Марковича.

Странная встреча была неплохой, потому что никто ни с кем не спорил, ничего не доказывал и не упрекал за действия, нежеланные другому. Каждый узнал новость и принял данность вновь выяснившихся обстоятельств. Сам Леонид Маркович осознал, что рад своему выбору и тому, что быть хорошим, а точнее удобным, тягостно и мучительно; рад, что испытывает облегчение от мысли не возвращаться в город, и рад, что теперь родные вернутся или не вернутся, но это будет

уже настоящая семейная встреча — от чувств и нужности, а не от обязательств и родственных поручений.

Глава 24

Когда все кажется простым, как коротенький эпиграф перед началом истории, то на деле имеет множество ветвей, прорастая все дальше к небесам. Или множится сотнями тонких ручейков, заполняя широкую реку и проливаясь дальше — уходя к новым течениям. Так происходило и с большим книжным делом в маленьком цветущем селенье. Казалось, нужно выполнить только одну задачу, но она делилась на десятки новых, не менее важных и весомых подзадач. Решения находились не сразу, судьбы распутывались и исцелялись медленно, но в свой положенный срок.

Вокруг все было прекрасно. Обстановка и атмосфера напоминали премилые картинки журналов об идеальных провинциальных книжных магазинчиках. Агата заканчивала последние приготовления, поправляла неровно стоящие томики, украшала книжные шкафы разноцвет-

ными гирляндами из тканевых флажков.

— Правда, она чудо, — не отрывая от нее мечтательного взгляда, с придыханием и какой-то больной тревогой прошептал Анатолий.

Леонид Маркович, копавшийся в бумагах, поднял на него глаза. Только сейчас, после этих слов, он разгадал загадку вечно глупой и странной улыбки Анатолия.

— Что? А, да, гирлянда хорошая, — прохрипел Леонид Маркович, на всякий случай делая вид, что не понимает, о чем разговор. — Это Варвара сшила.

— Я не о гирлянде, — все так же мечтательно шептал Анатолий, пристально цепляясь взглядом за каждое движение Агатиных рук, ее изящные повороты и наклоны тонкой шеи.

Леонид Маркович промолчал. Он понимал, что Анатолий намекает ему на разговор, которому в этот час не время и не место.

— Агата, милая, по-моему, здесь все уже хорошо. Иди домой. Отдохни, развейся, — будто спохватился Леонид Маркович.

— Да? Точно, что это я… — Она взглянула на большие настенные часы в форме улыбающейся кошачьей морды. — И правда, пора. Брат, наверное, заждался меня сегодня.

Они попрощались, и Агата умчалась, точно ее сдуло тем же сквозняком, который украдкой напоминал о приближении осени.

Леонид Маркович не знал, как начать или продолжить разговор.

— Как думаете, она могла бы полюбить такого, как я? — Анатолий сам вступил, подтверждая свое желание поделиться откровениями.

— «Такого» — это какого?

— Мне кажется, я ей не пара.

— Это еще почему?

— Ну-у… Я староват для нее.

— Тебе сколько?

— Тридцать семь. — Анатолий пригладил челку и потер вспотевшие ладони.

— Ерунда.

— Правда?

— Точно. Это только в твоих книжках в тридцать семь лет уже старики.

— А если в селе разговоры начнутся? — взволнованно заметался Анатолий. — А если подумают дурное… Если…

— Если ты вот так глаза таращить не перестанешь, то точно начнутся.

Анатолий остановился, умоляюще и в то же время с упреком взглянул на Леонида Марко-

вича.

Тот постарался больше не шутить, ощутив, что в его шутках еще проклевывается былая грубость.

— Эх, — начал он снова, похлопав Анатолия по плечу и жестом предлагая присесть. — Она одинока, ты одинок. Вы вместе читаете книжки. Почему бы не поговорить о чувствах, если она тебе нравится? Агата ласковая и понимающая, она никогда не скажет дурного в ответ, даже если это будет отказ. Останетесь друзьями. Зато ты хотя бы будешь знать, что попытался.

— Вы правда так думаете?

— Ну конечно. Давай, беги следом, ты еще успеешь ее догнать.

— Что, прямо сейчас? В этой помятой рубашке, так неромантично… Она не оценит меня в таком виде. Нет, так не делается…

Анатолий поспешно опускал закатанные до локтя рукава, разглаживая их ладонью и тщетно пытаясь придать одежде свежий вид.

— Она тебя уже сто лет знает и все твои рубашки в придачу. Чего медлить? — Леонид Маркович махнул рукой и после недолгой паузы с усмешкой добавил, шутливо пригрозив пальцем: — Анатолий… Тесто убегает из кадушки. Того и гляди

передержишь опару.

— Чего? — Анатолий в недоумении выпучил глаза, и на лбу его собрался рядок длинных морщинок.

— Догоняй, говорю, сейчас же, — с нажимом прохрипел Леонид Маркович и топнул ногой.

— Ага, — опомнился Анатолий и бросился к двери.

Неловко дернув ручку, он чуть не запнулся о порог, метнулся назад, схватил Леонида Марковича за руку и потряс ее, проговаривая с запинкой «спасибо, спасибо», а потом бросился догонять Агату.

Леонид Маркович еще недолго наблюдал, как вдали они обращаются маленьким сливающимся силуэтом и растворяются в дымке сумрака и закатных лучей. Он украдкой хвалил стеклянную витрину, благодаря которой можно было любоваться не только живописным пейзажем, окидывал взглядом уют и праздничную атмосферу, подготовленную к завтрашнему утру, предвкушал новую, интересную, покрытую тайной жизнь и верил в нее.

Глава 25

Леонид Маркович проснулся раньше назначенного и положенного времени. Ночь ему далась с трудом: волнение перед предстоящим днем и перед возможными неудачами разгоняло тяжелые думы в голове, не давало покоя. До самого утра он крутился с боку на бок, пока уставшая спина не начала ныть от сковывающей боли.

Он встал, распахнул тяжелые занавески на окнах спальни, приоткрыл окно. Пронзительный прохладный воздух, уже по-осеннему густой и тяжелый, шагнул в пространство комнаты. Начинало светать.

Леонид Маркович умылся, спустился на кухню, приготовил завтрак. Он долго сидел, тщательно и долго пережевывая бутерброд, будто тот был резиновым. Потом оделся в приготовленный к открытию костюм, причесал уже густую седину, отметив, что надо бы подстричься, погладил

Кешу и отправился на прогулку.

Степь ковыля больше не казалась шумливой волной, не билась о невидимый песчаный берег, перекатываясь золотистыми струями на ветру. Теперь это был тяжелый, гнущийся к основанию омут. Густые метелки плавно склоняли богатые головки, перистые цветки отламывались от прикосновения, спадали к сырой, приправленной росой земле. Скромная и в то же время удивительная красота гибла, чтобы возродиться позже. Леонид Маркович вспомнил о сгоревшей библиотеке и об одной-единственной книге, которая, как воспоминание, как единственное редкое семечко, осталась в его руках.

Он незамедлительно вернулся домой, тревожно проверил, на месте ли книга. Книга оставалась там, где он оставил ее в последний раз, приготовив к этому дню. Рядом стояла тусклая фотокарточка, где они с Зоей еще молоды и полны надежд на светлое будущее.

Зоя не любила фотографироваться из-за неприглядной родинки над губой, но тогда ему все-таки удалось уговорить ее. Она прижалась к его груди, встав боком; шляпка, задетая широким плечом мужа, слетела с ее головы, потянув за собой прядь волос. Это произошло в одно мгновение, но кадр

запечатлел неожиданность и растерянность, плохо замаскированные в улыбках. И оттого эта фотокарточка хранила в себе столько эмоций. Она была будто секундной ошибкой, сбившейся нотой, которую проигрывали на повторе, не догадываясь сменить пленку.

— Кажется, я просил у тебя помощи, — тихонько произнес Леонид Маркович, сжимая дрожащими пальцами фотокарточку. — Признайся, ты все это время была рядом… Это ты все устроила, ведь так? Кто же еще…

Он тяжело вздохнул, бережно вернул фотографию на место, поправил вязаную салфетку на столике, взял книгу, ту самую — о саде, и спустился с ней в гостиную.

Время незаметно истончалось, еще не пролистанные страницы раскрывали свои тайны. Книга Николя Жоливо увлекла Леонида Марковича историями, наполненными любовью и бережностью к родному месту. Где-то во французской глубинке творилась искренняя и теплая история нескольких поколений одной семьи. Как сказочно струилась мысль автора, облеченная в его воспоминания о том, как дедушка запускал в пруд карпов; как ждали возвращения звонкоголосой синицы; как тяжко трудиться на грядках и

какие сладкие помидоры взращивала бабушка! Изменчивость жизни, смена сезонов и поколений — глубокомысленные итоги рождала эта поразительная и красивая история. Леонид Маркович подумал, что книга попалась ему неспроста. Вся ее глубина была символом и предзнаменованием произошедшего. Что оставит он после себя? Какие воспоминания и уроки сохранятся для потомков? Какие дары принес он месту, приютившему и оберегающему его?

Он отвлекался, размышляя о предназначениях, символах, свершениях и собственной пользе. О том, как совершенно незнакомые люди могут стать родными, важными. Думал о том, что радуется за них, потому что Гера и Аленка теперь вместе. Их любовь так сильна, что они наверняка станут примером для других семей. Варвара обрела уверенность и покой, точно мудрая скала, — верит в свое шерстяное искусство, верит в свет, который несет миру разномастными подушками и кружевными салфетками. Она еще немало придумает и создаст. Нить ее доброты будет с легкостью и бесстрашием одаривать мир пользой и сердечным участием. Дина наконец поговорила и примирилась с матерью и отчимом, рассказала им, как переживала и винила

себя все это время. Призналась, что они нужны ей. Теперь в родительском доме для нее есть незримая опора и утешение, а прошлому, настоящему и будущему даны верные имена. Агата и Анатолий, несмотря на разницу в возрасте, которая, кроме самого Анатолия, никого не тревожила, осторожно вверяются истинной любви, шагают вперед вместе и берегут мечты, которые им еще предстоит воплощать. Геля радуется известию, что дочка готовит для Мишки детскую. В ожидании воссоединения внука с матерью она, счастливая, набрала книг для дошкольников и теперь обучает Мишу читать по слогам и считать до пяти. Для Нади Леонид Маркович тоже придумал спасение. Долго убеждая ее и уверяя в правильности и необходимости, он показывал уютную просторную комнату на втором этаже книжного дома, предлагая жить здесь и следить за судьбой книг и посетителей, подсказывая, что тут, в крохотном, но значительном мирке, она в безопасности. Судьба придумала и нашептала решения каждому. В свой час.

Леонид Маркович думал о сложившемся, вспоминал каждое известие, наполнялся радостью за людей, которые стали ему родными. Было и еще кое-что, а точнее *кое-кто*, требующий помощи

или ответа, хотя здесь Леонид Маркович был бессилен и даже не понимал до конца, как помочь человеку, не осознающему реальность. Этот человек напоминал ожившее и воплотившееся больное воспоминание: сбежать не получится, потому что всякий раз он будет следовать позади, горестно окликая тебя; и исправить его муку ты тоже не в силах, потому что настоящему не дано переменить прошлое.

Раскрывая книгу о саде, Леонид Маркович невольно вспомнил бабочку, решившую обрести крылья и новую форму существования именно на его участке. Зыбкая мысль билась в его виске, заставляя думать, что та гостья была символом всей жизни, которая могла не произойти ни с ним, ни с кем из его новых друзей, и что все перемены и странные события этого лета перевернули к лучшему не одну жизнь.

Бессонница, прогулка и чтение все-таки опутали уставший разум, сморили, взяли последние силы. Большая стрелка часов сдвинулась к назначенной для пробуждения цифре, книга выпала из рук, стукнувшись корешком о деревянный пол, и распахнула красивый разворот с иллюстрацией кувшинки, мирно возвышающей головку над водной гладью и над полотном зеленых листьев.

Она так напоминала лотосы в тот день.

Глава 26

— Добрый день, дорогие телезрители. Прямо с места событий мы ведем наш репортаж…

— Варвара, ну какие телезрители?.. Какой репортаж…

Дина заливисто хохотала, согнувшись и обхватив себя руками, будто у нее болел живот. Наверное, в сотый безуспешный раз они пытались записать видео для соцсетей о том, что большой книжный дом в маленьком селе Сагибово на краю света вот-вот вдохнет полной грудью августовского воздуха, заживет, забьется новым жизненным ритмом этого места.

— А что? — Варвара негодующе всплеснула руками. — По телевизору так говорят. Я вообще-то подготовилась, текст составила, отрепетировала. Да ну тебя… Язык уже заплетается…

— Но мы-то не по телевизору. — Дина все еще хихикала. — Давай как-то попроще, к народу

поближе…

— Вот сама и записывай! — Варвара махнула рукой и поплелась в сторону старого необжитого входа. — У меня ноги уже болят стоять. Или от нервов — когда понервничаю, так колени ноют, упаси боже.

— Да ладно тебе, я пошутила. — Дина схватила штатив и помчалась следом. — Давай еще раз попробуем. Ты, главное, рассказывай от души, честно, без этих разукрашенных фраз, ладно?

— Ладно, — буркнула Варвара, усаживаясь на каменное крылечко и вытягивая отекшие ноги. — Только давай потом. Попозже. Скоро уже все соберутся.

— Странно, что Леонида Марковича еще нет, — Дина огляделась, будто пытаясь увидеть его медленно плывущую фигуру где-то в конце улицы. — Агата с Анатолием уже давно внутри суетятся.

— Ну да, Леонид первым должен был прийти…

— Может, что-то случилось?

Они еще секунду смотрели друг на друга взволнованно, а потом спохватились, подпрыгнули, точно оброненные со скамейки надувные мячи, и побежали внутрь.

Агата и Анатолий готовили угощения, мило

беседовали о предстоящем мероприятии и ненароком делились с атмосферой книжного дома своим особенным, искрящимся сиянием. Они были фонтанами вдохновения и празднества — то ли от возвышенной радости, то ли от безграничной любви, запертой до поры, а нынче вырвавшейся сквозь разрастающуюся в плотине трещину, — и сами напоминали две румяные булочки, впитавшие назойливые, но аппетитные ароматы ванили, корицы и апельсиновой цедры.

— Вы чего как на пожар? — Агата вздрогнула, чуть не выронив блюдо с вишней. — Что-то случилось? Что с вами?

— А Леонид во сколько должен был прийти? — Варвара Степановна застыла на пороге, безжалостно спугнув идиллию тревогой, рвущейся из груди.

Вместе они посмотрели на большие настенные часы, отмеряющие ломти неосязаемой тишины строгим и четким ритмом.

— Уверена, все в порядке, он просто забыл, — Агата пыталась не показывать беспокойства, но у нее плохо получалось. — Кирюша, может, ты сбегаешь к Леониду Марковичу?

Она наклонилась к мальчишке, сидящему в

уголке в мягком кресле-мешке. Он выглянул из-за обложки большой яркой книжки с лабиринтами и вопросительно уставился на нее.

— Что же ты, брата отправишь? — сильнее забеспокоилась Варвара Степановна, заметавшись у еще пустых столиков. — Он же ребенок. А вдруг там что-то страшное…

— Ну да, я не подумала, — согласилась Агата. — Растерялась что-то.

— Я пойду. — Анатолий бросил фартук на спинку первого подвернувшегося на пути стула и решительно направился к выходу.

— Я с тобой! — выкрикнула Дина и рванула следом.

— Ладно. Идите все, а мы вас подождем. — Варвара водрузила уставшее тело на мягкий диванчик, и силы, просачивающиеся из ее груди от переживаний, окончательно разметались и рассеялись. Она устало кивнула Агате, взглядом уверяя, что все будет в порядке, и посмотрела на Кирилла.

— Что ты читаешь? Это головоломки?

— Почти. Это книжка-лабиринт, — застенчиво ответил мальчик. — Я помогаю детективу Пьеру отыскать крошечные предметы. Они подписаны внизу страницы, вот тут, видишь?

— Ага. Дашь мне попробовать? Нашел уже что-нибудь?

— Я нашел три золоченых кубка и одну красную маску. Поможешь мне отыскать синий сундук и звезды?

Агата с заботой и благодарностью посмотрела на Варвару Степановну, которая минуту назад нуждалась в стакане воды и щедрой порции успокоительных, но рядом с Кирюшей постепенно перетекла во что-то теплое, мягкое и лучистое, точно мед, мерно скользящий по деревянным стенкам рассохшейся кадушки. Вся Варвара вдруг сама обратилась в добро и заботу, как, наверное, перевоплощаются бабушки при виде любимых внуков.

«Леонид Маркович должен был появиться полтора часа назад. И что же я раньше не спохватилась?» — Агату больно кольнула эта мысль, и она помчалась за остальными.

— Ох, не на месте мое сердце, — пожаловалась Варвара в пустоту.

Кирюша отложил книгу и, достав с нижней полки следующую, открыл на середине.

— Это моя любимая, — оповестил он Варвару. — Энциклопедия про животных.

Она кивнула, но ничего не ответила.

— А правда, что у осьминога три сердца? — Кирюша провел рукой по яркой иллюстрации бордового моллюска.

— Ну, если так в книжке написано, значит, правда, — Варвара отстраненно вглядывалась в происходящее на улице. — Книги никогда не врут. Даже если это чья-то фантазия, это не обман. Есть разница, дружок.

— Вот бы и у людей так было, — вдохновенно затараторил мальчик. — Пока одно сердце не на месте, другое тут как тут. Или, когда одно разбилось, остальные за него работают.

— Про разбитое сердце это сестра тебе рассказала?

— Угу.

Варвара выразительно взглянула на Кирюшу, поманила к себе, обняла.

— Иди поближе. Садись рядом. Не волнуйся, человек и с одним сердцем способен на многое. Разбитое — воскресает. А то, которое не на месте, обязательно найдет свой уголок. И даже больное сердце можно вылечить. Понял?

— Понял. Но с одним сердцем жить все-таки ненадежно, — мальчонка вздохнул, будто понимал в сердечных делах не меньше самой Варвары.

Через несколько мгновений к стеклянной витрине подтянулись люди. Сельчане толпились у входа, общались, рассматривая через стекло прекрасный уютный мир, не решались войти. Чуть погодя вдали, на развилке дорог, показалась черная иномарка, которая направлялась явно к изголовью улицы. Машина остановилась, утопая в пыльном облаке, выпустила из дорогого салона мужчину, женщину и мальчика лет пяти. Варвара догадалась, чьи это гости.

Они первыми вошли в книжный дом, поздоровались и начали заискивающе оглядываться в надежде увидеть наконец знакомое лицо.

— А мы думали, вход там, где железная дверь. А там все птичьими гнездами облеплено.

— Да, это ласточки устроили свой дом под козырьком старого входа, — улыбаясь, пояснила Варвара. — Все с непривычки направляются к старому входу, но потом понимают, что дверь, которая впустит, с другой стороны. А тот островок мы не тронули, чтобы гнезда не разрушать.

— Перенесли вход из-за птиц? — с удивлением спросила Алла.

— Ну а как, не губить же их теперь, — Варвара развела руками, а потом, опомнившись, добавила: — Давайте я вам пока чаю предложу или

лимонаду?

— Нет, спасибо, — сухо ответил мужчина и распахнул руки, будто обнимая широкие книжные полки вокруг. — А где же сам хозяин книг? Мы в общем-то его проведать приехали и с открытием поздравить. Приглашал, а встречать не спешит.

Варвара застыла, не в силах проглотить комок, подступивший к горлу, побледнела, взгляд ее заметался.

— Если вы про дядю Лёню, то он сегодня не пришел. И все побежали узнать, что у него случилось, — по-детски спокойно и простодушно ответил за Варвару Кирюша.

— А что у него случилось? — У Аллы будто пересохло в горле, и каждое ее слово вырывалось с запинкой и неровной интонацией. Она напуганно поглядывала то на мальчика, то на Варвару Степановну.

Варвара пожала плечами, пытаясь изобразить невозмутимый вид, но тем самым еще больше выдавала собственное беспокойство.

— Вы только не волнуйтесь. — Она затрясла ладонями, жестом призывая их успокоиться, отчего лишь распалила тревогу. — Надо подождать Агату и Толика. Они побежали к Леониду Марковичу узнать, что случилось. Надо подождать… Может,

ничего страшного. Вдруг он проспал или забыл… Или не знает, что надеть… Хотя это, наверное, не тот случай.

— Папа! — единственное, что скромно, но тяжело выпалил сын. Чуть не выломив стеклянную витрину, он бросился к дому Леонида Марковича.

Алла схватила Тараса за руку и побежала следом, взволнованно крича:

— Костя, подожди!..

В воображении рисовался страшный финал. В долю секунды они отчаянно и синхронно пережили одну-единственную мысль: как мало было добрых встреч вместе, как остро ощущаешь семейные ценности и любовь к близким, когда понимаешь, что теряешь их.

Оказавшись на дороге, где-то на середине ее пути, они увидели Леонида Марковича, торопящегося в окружении друзей и о чем-то оживленно беседующего.

— Дедушка! — закричал Тарас и побежал в объятия Леонида Марковича.

— Ну слава богу, — выронил сын, выдохнул и обнял Аллу. Та почувствовала, как незримый груз спал с ее плеч.

Перед глазами у них пронеслась если не жизнь,

то какой-то бесценный ее период, протаскивая за собой осознание и принятие важного.

— Мы за тебя так испугались, дедушка! — кричал радостный Тарас. — Где ты был?

— Представляешь, я все утро собирался, готовился, а потом проспал!

— Ты опять все задом наперед рассказываешь, — Тарас расхохотался. — Сначала же спят, а потом собираются!

— Э-э-э, нет, дружочек. Это в городе так, а в селе совсем по-другому. Вот увидишь, когда на каникулы ко мне приедешь, — будто по секрету, еле слышно поведал ему Леонид Маркович.

Осматриваться и восторженно подмечать выразительную красоту этого места посетители начинали еще на подходе: ступая на широкую дорогу, ведущую к преобразившемуся зданию. Пышные кустарники ровными стрижеными рядочками обступали дом по углам. Стены украшали яркие витражи, в узорах которых прятались полевые и степные цветы. Перед верандой, наклонившись над лабиринтами ограждений и парящими клумбами, ожидали открытия уличного кафе огромные зонтики, полотно которых, подобно отдыхающим парусам, было стянуто канатом. Стеклянная веранда приглашала внутрь

добродушной вывеской:

«При входе звонить в колокольчик».

Колокольчик и правда послушно располагался на стойке у входа. Его вытянутое сверкающее тело с длинной заостренной ручкой, будто особенный сувенир, занимало центр круглого позолоченного подноса.

Интерьер внутри напоминал смесь солнечного блеска и необыкновенного винтажа, с нотками из детских книг о лесе и милых зверятах — ежатах, зайчиках в фартуках, жабах в джинсовых комбинезонах с заплаткой на нагрудном кармане, — теперь все они причудливыми статуэтками выглядывали с бесконечных дубовых полок, на которых теснились книги.

Островки с книгами, зонами отдыха и витринами с пирогами и плюшками едва уловимо соединялись гирляндами из тканевых флажков, уютных ангелов и листьев макраме и маленькими лампочками-светлячками.

Пространство вокруг одушевляли многочисленные кашпо на длинных ножках-завитках, торжественно приподнимая бежевые, лиловые и розовые гиацинты к свету. Зеленые вьюнки и мощные монстеры прекрасно сочетались с кадка-

ми, протянувшимися ненавязчивыми рядками в пышных ограждениях из вейника. Свисающие со стен в плетеных корзинах разномастные плющи и аспарагусы придавали пространству легкости и воздушности.

В углу у дальнего витража расположилось огромное бесформенное кресло, больше напоминающее мешок садовых яблок. Рядом стояли плетенный из жгута кошачий домик с округлым входом и многоэтажная когтеточка, с верхушки которой деловито поглядывал на незнакомцев Кеша, чувствуя себя полноправным хозяином не только выделенного ему уголка, но и каждого прекрасного сантиметра новорожденного библиотечного мира.

Открытие книжного дома проходило шумно, дружно, раздольно, несмотря на немногочисленных гостей. Однако визитом сельчан мероприятие не ограничилось — любопытные читатели, местные поэты, библиотекари и даже парочка студентов приехали из города.

Душевные беседы и рассказы не прекращались, пересказывались, дополнялись, переживались вновь в каждой детали: о том, как зародилась идея, воплотилась в мечту, а потом и в цель и как им удалось невообразимое. Леонид Маркович

обратил в шутку свое волнение, поведав, как переживал, не мог уснуть до самого утра, а под утро его сморил сон и как он чуть не умер от неожиданного стука в дверь и окно, когда друзья прибежали за ним.

Говорили о книгах, о коллекции Леонида Марковича, которая чуть не отправилась на помойку, о единственном уцелевшем томике про сад, о новых изданиях, переданных городскими волонтерами. Варвара даже принесла магический сборник приворотов и пыталась незаметно вручить Леониду Марковичу, но он рассмеялся и сказал, что уже не надо.

— Как? — с любопытством воскликнула она и шепотом добавила: — Ваш знакомый все-таки решил оставить избранницу в покое? Стало быть, сдался?

— Да нет! — засмеялся Леонид Маркович. — Оказалось, она тоже его любит. Надо было ему сразу признаться, а не ходить вокруг да около и слухи собирать. Вот так.

Варвара широко распахнула глаза, растерянно и задумчиво застыв на месте и представляя, что было бы, успей они прочитать необходимые любовные заклинания.

— Деда Ёня. — Тарас подошел к дедушке и

ухватился за его штанину, аккуратно дергая и пытаясь позвать к выходу. — Пойдем, я тебе кое-что покажу.

— Что покажешь? — С наигранной заинтересованностью Леонид Маркович наклонился к внуку.

— Точно. Хотели сразу подарить, но, как обычно, все пошло не по плану, — заметила Алла.

— Он там, наверное, уже все чехлы в машине сгрыз, — пошутил Константин.

— Это кого вы там заперли, в машине-то?

Леонид Маркович направился за родными, с интересом вглядываясь в затемненные окна автомобиля. Сын открыл заднюю дверь. Нырнув в салон, он пододвинул к себе картонную коробку за мятый край, достал из нее щенка и протянул отцу.

— Вот, это тебе, отец. Собака в своем доме всегда нужна. Она и за охранника, и за сторожа будет.

— Это тебе, дедушка! — Тарас закричал и запрыгал на месте от радости.

— Зачем же мне собака, — растерянно протянул Леонид Маркович, принимая желтого лабрадора из рук сына. — У меня вон кот какой! Кеша. С ним не пропадешь. С собакой он, боюсь, не поладит. Обидится на меня. — И тихо добавил, будто про

себя: — Уйдет еще в город, что я делать тогда буду…

— Как ты его назовешь, деда? — Тарас продолжал радоваться тому, что подарок оказался в руках дедушки, а остальное уже не имело смысла.

— Это паренек или…

Леонид Маркович поднял щенка над головой, осматривая розовый, едва покрытый шерстью живот.

— Кхм… Кобель, — ответил сын.

— Знаю я, что мне с тобой делать…

Леонид Маркович направился обратно, оставляя родных на перепутье. Он о чем-то неслышно беседовал с собакой, вероятно желая поведать щенку, какое важное у него предназначение и как его крохотная собачья жизнь теперь перевернет жизнь человеческую. Окликнув Геру, он показал ему щенка, обмолвился с ним парой быстрых фраз, и все они втроем — Леонид Маркович, Гера и Аленка, с которой парень теперь не расставался, — направились в начало улицы. Родные наблюдали издали, а через мгновение решились и поспешили следом.

У низенького деревянного домика Гера спросил, глядя в лицо Леониду Марковичу:

— Зачем вам это надо, дядь Лёнь?

Тот помолчал, кивнул и с легкой грустью ответил:

— Хочется, чтобы люди вопреки всему верили и ждали чуда, невзирая на обстоятельства. И чтобы это чудо происходило.

Гера хмыкнул, кивнул понимающе, а потом сложил ладони у рта и прокричал на все село, а может, и на весь мир. Радостно, решительно, теперь уже безболезненно вкладывая голос в слова:

— Дед И-бра-гим!

Эхо подхватило и разнесло грубое имя по округе, степям вдали, лесам и водным гладям. На крыльцо тут же выглянул неряшливый старичок, растерянный и унылый, точно блаженный на паперти.

— Лука? Где Лука? — тихо проговорил он хриплым голосом. — Ты нашел его? Ты его видел?

— Здесь твой Лука! Нашелся наконец! Больше не теряйтесь.

Леонид Маркович отворил калитку и спокойно вошел на двор, опуская пса на землю. Щенок завилял хвостом, обнюхал крыльцо и ноги стоящего на нем старика. Гера поспешил следом. Остальные нерешительно толпились у калитки,

разглядывая робкую и хрупкую встречу.

Дед Ибрагим посмотрел на щенка, лицо его будто просветлело, туман во взгляде исчез, морщинки на лице приняли новое положение. Неведомое напряжение, державшее все его тело долгие годы, вдруг спало, отпустило, отмучило и разрешило вздохнуть.

Он присел на крыльцо, погладил собаку дрожащей рукой и вдруг впервые вспомнил и заговорил связно, ровно, без больной тревоги в голосе:

— Когда война началась, мы еще маленькие совсем были. Я и брат мой старший — Лука. Мамы в первую же зиму не стало — заболела сильно, закашлялась вся, так этот кашель проклятый ее и сгубил. Мы с Лукой вдвоем остались. Он уходил хлеб по карточкам получать, а мне наказывал сидеть тихо и ждать. И я ждал. Ждал, ждал и плакал, боялся, скулил в уголке на кухне за буфетом и шторкой и ждал. Лука всегда возвращался. А однажды не вернулся. Но я все равно сидел тихо и ждал. Через неделю пришла бригада каких-то девчат. Они по квартирам ходили, искали детей, у которых родители умерли. Забрали меня, надели шубку, мамкиной шалью обмотали и увезли в детский дом. У меня уже и сил-то не было прятаться или убегать. С собой прихвати-

ли фетрового медведя — нам матушка с братом шила на какой-то Новый год. Ему медведя, а мне уже и не помню кого. На лапе у мишки имя брата вышито было: «Лука». Потом его у меня украли, в детском доме-то… Вот и все. Потерял я и мать, и брата, и мишку его.

— Так вот оно как, оказывается, — прошептал Леонид Маркович, потирая глаза и набирая воздуха полной грудью.

Они с Герой присели рядом с дедом Ибрагимом на крыльцо, приобняли его за плечи и недолго молчали все втроем. Щенок вилял хвостом, жался к ногам, обнюхивал, тычась мокрым носом.

— Спасибо, други, — прохрипел дед Ибрагим, поднимая щенка к себе на колени. — Пойдем, Лука, покажу тебе дом.

Он вытер покрасневшие глаза рукавом, улыбнулся, точно блаженный, и снова протянул с остановками и тонкой, почти писклявой интонацией посреди хрипотцы своего голоса:

— Лу-ка… Нашелся… Нашелся, милый…

* * *

А книжный домик живет. Его посетители счастливы. Они читают книги, устраивают теплые дружные вечера, обсуждают истории и жизнь.

Пьют чай. Заглядывают за советом и душевным равновесием. Берут книги с полок и булки с витрин, привозят и дарят новые книжки, оставляют среди перешептывающихся страниц открытки и послания неизвестному — следующему читателю. Забегают навестить Кешу, который наблюдает за людьми, сидя на уютной большой лежанке у окна. И звонят в колокольчик, чтобы люди не переставали читать книги.

1 января — июль 2025 г.

МИФ Проза

Вся проза на одной странице: mif.to/prose

Подписывайтесь на полезные книжные письма со скидками и подарками: mif.to/proza-letter

#mifproza
#mifproza

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*
Ответственный редактор *Ксения Баранова*
Литературный редактор *Елена Гурьева*
Креативный директор *Яна Паламарчук*
Арт-директор *Галина Ересина*
Иллюстрации на обложке, форзаце и нахзаце *Карпунина Ярослава (Karpusculum)*
Корректор *Татьяна Князева*

В оформлении блока использованы изображения по лицензии Shutterstock.com

ООО «МИФ»
mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги — ООО «Вебкнига», 2026